

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 5 (71). № 2

**Симферополь
2019**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 5 (71), № 2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»
является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического
университета», который издается с 1919 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2019

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 07.00.06 – Археология (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 2 от 29 января 2019.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского государственного педагогического института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борицкий Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кондратьев Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Науменко Валерий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета Дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степановский Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Львович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Хлевов Александр Алексеевич – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Шевелев Сергей Стефанович – заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Подписано в печать 29.01.2019. Формат 70х100/16. 12,51 усл. п. л. Заказ № НП/252.

Бесплатно. Тираж 50 экз. Дата выхода в свет 15.04.2019.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК: 94(73)

ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ТЕХАСЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

Бочко В. Ю.

*Институт развития образования Краснодарского края,
г. Краснодар, Российская Федерация.
E-mail: kod23@mail.ru*

Исследование ставит своей целью изучение земельной политики Техаса, как фактора интеграционных процессов в отношении США. Хронологически исследование охватывает период с XVIII в. по 1850-е гг. Проводится сравнение техасской и американской систем использования земельных ресурсов. Отмечаются общие вехи развития американской земельной системы до Гражданской войны. Рассматривается переход от продажи крупных участков, к продаже небольших наделов. Большое внимание уделено техасской системе землепользования в период существования государственных органов Техаса, т.е. начиная с 1820-х гг. Рассмотрена мексиканская земельная политика в Техасе на севере страны в период 1820-х-сер. 1830-х гг. Изучены причины, сущность и последствия так называемых «земельных грантов» и «гомстедов» Техаса. Продемонстрировано влияние республиканской внешней и внутренней политики, оказанное на процесс передачи техасских общественных земель колонистам и предпринимателям. Изучена роль общеамериканского опыта в развитии техасской системы пользования общественными землями. Продемонстрирована связь между решениями в рамках земельной политики в разные периоды и политическими последствиями: независимостью, аннексией и сецессией. Исследование продемонстрировало отличия и сходства мотивов государств Техаса и США. Техасская система строилась на идее земли, как ресурса необходимого к трате для скорейшего освоения региона. Как следствие, в исследовании раскрыта важная роль подобной земельной политики в «освоении» региона и продемонстрирована прямая связь между этой политикой и присоединением Техаса к США.

Ключевые слова: США, региональная история, США перед Гражданской войной, Техас, гомстед, земельная политика, земельные наделы, аннексия Техаса.

Практическую значимость изучению американского опыта государственной земельной политики придает принятие в 2016 г. закона 119-ФЗ, известного как «Закон о дальневосточном гектаре». В идеологии документа явно прослеживаются аналогии с американским гомстед-актом, соответственно, вполне допустимо прогнозировать последствия современного российского реформирования, опираясь, в том числе, и на полуторавековой опыт США.

Гомстед-акт США являлся результатом долгих многолетних ожесточённых споров о роли земли в финансовой независимости американских граждан. В отечественной исторической науке подробно изучен американский акт, но малоизученными остаются примеры альтернативной земельной политики отдельных штатов, хотя именно она предоставила необходимый опыт для федерального реформирования.

Одним из примеров альтернативной земельной политики до Гражданской войны можно назвать штат Техас. Техасская земельная политика являлась достаточно самобытной, в то же время она значительно поспособствовала присоединению Техаса к США, где он остается и поныне. Изучения именно этого

примера продемонстрирует и сепаратизм, возникший вследствие неудачной раздачи земель, и интеграционные процессы, развивавшиеся из-за этой неудачи.

Исследование техасской политики необходимо начинать с раскрытия земельного вопроса в целом в США до Гражданской войны. Вопрос землевладения и продажи общественных земель для Соединенных Штатов был одним из старейших. Ещё под властью Великобритании в колониях существовала проблема нехватки сельскохозяйственных земель для растущего населения, что усугубилось после 1763 г. с изменением политики колонизации [5, с. 107; 4, с. 38].

Принятием статей Конфедерации земля признается ценностью, которую необходимо продавать для пополнения бюджета [12]. Затем штаты один за другим отказывались от земельных претензий на западные территории и таким образом передали конгрессу конфедерации право распоряжаться ими. Это сформировало относительно либеральную земельную политику, выраженную в Северо-западных ордонансах, приведшую к быстрому заселению ближайших западных областей [3, с. 24]. Хотя всё же земельные участки были слишком крупными для мелких фермеров: предусматривалась продажа земли участками площадью по 640 акров и стоимостью от 1 долл. за акр [7, с. 74]. В 1796 г. государство удваивает цену участка до 2 долл. за акр, но затем в 1800 г. в два раза сокращает минимальную площадь земли, кроме того разрешает выплату в кредит.

В начале следующего века продажа общественной земли становится ещё более важным политическим вопросом, и Джефферсон, как президент США, способствовал развитию малого фермерства на западных землях, добиваясь снижения минимального объема покупки до 160 акров [11; 14, с. 277–278]. При стоимости в 2 долл. за акр фермерам по-прежнему был необходим кредит для приобретения личного участка, а многие земли приобретались спекулянтами с целью дальнейшей перепродажи.

В 1820 г. принимается упомянутый многими исследователями акт Конгресса США, снижающий минимальную выплату до 100 долл. и минимальный объем земельного участка до 80 акров [15, с. 566–567]. В 1832 г. было позволено делить участок до 40 акров [16, с. 503].

Впервые предложение о наделении американцев участками по 160 акров из общественных земель поступило в конгресс в 1846 г. В отношении данного участка применялся термин «гомстед» [6]. В качестве локомотива данной идеи с 1848 г. выступала партия фрисойлеров, но успех её оставался весьма ограниченным [10, с. 61–62].

Проблема сохранялась в 1850-е и проявилась в предвыборной борьбе 1860 г. (таблица 1), когда республиканцы стали продолжателями фрисойлеров и сделали земельный вопрос одним из основных в своей платформе. Впрочем, в погоне за голосами фермеров противостоящие им демократы также пытались эксплуатировать данную тему [1]. Таким образом земельный вопрос в США до Гражданской войны оставался неразрешенным в полной мере.

Таблица 1

Особенности американской земельной политики

Период	Минимальная площадь (акров)	Минимальная цена за участок (долларов)	Минимальная цена за 1 акр (долларов)
1785–1796	640	640	1
1796–1800 [18]	640	1280	2
1800–1804 [19]	320	640	2
1804–1820 [13]	160	320	2
1820–1832	80	100	1,25
1832–1862	40	50	1,25

В Техасе политика не была столь стабильной и отличалась в зависимости от государственного флага, развевающегося над Техасом: от Испанской политики до политики штата Техас, зачастую в реформировании разных правительств разобраться весьма сложно.

Первые земельные наделы больших объемов стали выделять ещё колониальные власти Испании. В середине XVIII в. получателями становятся крупные скотоводы на территории долины реки Сан-Антонио. Земельные наделы одобрял губернатор провинции, получавший от претендентов небольшую плату. Часто скотоводы неформально занимали земли вдали от городов и в дальнейшем легализировали эти владения. В 1767 г. на территории Техаса начала действовать королевская комиссия, предоставлявшая официальные земельные участки частным лицам [29]. По итогу обследования были розданы документы на владение собственностью. Земледельцам земли выдавали вдоль водоёмов, необходимых для орошения. Скотоводам, менее зависимым от больших объёмов пресной воды, выдавались участки вдоль Мексиканского залива [28].

Политики стремились привлечь население с целью опереться на него в защите региона. Желая заселить территорию. В 1820 г. испанские власти сделали шаги, необходимые для привлечения иностранцев на территорию Техаса, разрешив М. Остину занять земли, необходимые для 300 семей.

Требования Испанского государства вскоре остались в истории. Наследник М. Остина, С. Остин был вынужден снова добиваться разрешения на колонизацию, теперь у Мексики. По результату был принят закон, открывающий дорогу колонистам из США, что ознаменовало начало нового этапа развития Техаса.

Мексика создавала выгодные условия для переселения иностранцев, на что неоднократно указывалось в отечественных исследованиях. «Под давлением американских предпринимателей правительство Агустина I издало 4 января 1823 г. закон о колонизации, который предусматривал раздачу земли наряду с

мексиканскими гражданами иностранцам католикам, гарантировал охрану их прав, предоставлял им существенные льготы и привилегии» [2]. По сути оплата земли в период до 1825 г. была необходима лишь для компенсации расходов измерения и оформления участков. В техасских источниках упоминается цифра в 12,5 центов за акр в качестве компенсации эмпресарио за вышеуказанные расходы [20, с. 41]. Таким образом, при получении участка в 640 акров колонист заплатил бы 80 долл.

Колонистам разрешалось подавать прошения о натурализации через агентов-эмпресарио или действовать самостоятельно, но преимущество имела система агентов. Колонистам, готовым заниматься земледелием или скотоводством, предоставлялась земля площадью не менее лабора плодородной земли или кв. лига пастбищ соответственно.

Колонисты, проживающие компактно, могли основать город или поселок, создав в нем органы власти. Колонистам предоставлялись налоговые и таможенные льготы. Были также наложены некоторые незначительные ограничения на рабовладение [22].

Одновременно Мексика пыталась привлечь к колонизации индейцев: некоторые группы индейцев были более приоритетным населением, чем иммигранты. Однако Мексика, занятая внутренними проблемами, не могла успешно проводить постоянную индейскую политику [32].

После смены формы правления в Мексике. Остину с коллегами пришлось вести переговоры уже с конгрессом республики. 18 августа 1824 г. был издан Национальный колонизационный закон. Во многом он повторял Имперский закон, но были и изменения: вводились новые ограничения и уточнения [33]. Была предусмотрена передача полномочий по работе с переселенцами с федерального на местный уровень. В случае Техаса она должна была проходить в Салтильо, столице штата Коалуила-и-Техас. В соответствии с этим положением правительство штата приняло 24 марта 1825 г. собственный колонизационный закон. В нем давались указания о процедуре натурализации иностранцев, ограничивались свободные зоны от границы и побережья, а также ряд уступок или ограничений [23].

Законом была установлена плата за ситио пастбищ – 30 долл. (то есть менее 1 цента за акр), за лабор земли 2,5 долл. без орошения и 3,5 долл. за землю той же площади с орошением (1,5 цента и 2 цента за акр соответственно) [23]. По сути эти выплаты должны были заменить выплаты эмпресарио и покрыть организационные расходы. Как указывается некоторыми исследователями, эти законы ещё больше увеличили выгодность приобретения техасских земель [2].

Реализация закона способствовала деятельности эмпресарио. За период до 1835 г. был заключен 41 контракт. Наиболее известными эмпресарио были С. Остин и Г. де Витт [34, с. 40]. За десятилетие Остин лично поселил на этих землях около полутора тысяч семей. По заключенной концессии С. Остин получил 200 тыс. акров земли для заселения на нее колонистов, позже к ним добавились земли еще по 4 концессиям [9, с. 33]. В советской историографии встречается цифра в 26,28 млн. акров, переданных по контрактам за период с 1824 г. по 1835 г. Земли также предоставлялись мексиканцам (в основном крупным скотоводам), но их численность росла очень медленно [2].

После начала активной колонизации региона американцами, возникла проблема взаимоотношения с коренным населением [21, с. 66]. Примером действий власти может служить ситуация с индейцами Шони. Мексиканское правительство оформило за ними по четверти квадратной мили земель Техаса на каждого воина, за это Шони были верными союзниками в последующие годы и многократно помогали в боевых действиях. Чероки в подобной ситуации, при постоянной поддержке, кроме обещаний в итоге не получили ничего.

Вызвавший возмущение колонистов государственный переворот мексиканского президента Санта-Анны усилил влияние сепаратистов. Как следствие в 1835 г. был создан самопровозглашенный штат Техас, в котором были сформированы новые правила для получения земельных наделов. Во время гражданского конфликта с армией Мексики земельные наделы были взаимосвязаны с революционной целесообразностью.

Так американцы, записывались в армию Техаса на условиях получения земли. За участие в военной компании и в зависимости от срока службы добровольцы получали от 320 до 1280 акров, в ряде случаев и более [8, с. 35]. Тогда как колонисты, бежавшие из Техаса, лишились своих земель. Всего было роздано более 1 млн. акров 7,5 тыс. получателей [26, с. 26].

С принятием конституции республики были обозначены реформы в земельной политике. Новая политика правительства Техаса проводилась с целью привлечь как можно больше иммигрантов для повышения обороноспособности.

В республиканский период техасской истории существовали так называемые «гранты». Впервые в республике о них упомянуто в конституции и согласно её тексту граждане, не получившие земли ранее как колонисты, имеют право на участки определенных площадей. Дальнейшие законы уточняли эти положения.

В конституции указано, что граждане, проживавшие в Техасе до объявления декларации независимости, имеют право на землю общей площадью в 1 лигу и 1 лабор для главы семьи (4,6 тыс. акров), 1/3 лиги (1,5 акров) для одиноких мужчин, достигших 17 лет [24].

Обычно получатель земли выплачивал всего 5 долл. на расходы оформления и, в случае соответствия всем критериям получал, земельный сертификат. Однако стоит отметить, что около 1/3 участка стоила оплата работы геодезиста, проводившего разграничение. По сути это означало получение всего за 5 долл. участка объемом в 2/3 от установленного законом [27]. Данное явление вызвало ажиотаж, всплеск мошеннических операций и вооруженные конфликты между колонистами. Государство было вынуждено корректировать подобную политику.

Всего за период до 1841 г. было передано в собственность около 37 млн. акров земель [29]. Политика грантов продолжалась и в период штата. С 1845 г. по 1854 г. объем предоставляемого участка составлял 320 акров, а с 1854 г. по 1856 г. – 160 акров. Для получения участка поселенцы должны были прожить на нем три года и совершенствовать его [25].

Были и другие способы получения земель. После 1841 г. заключались отдельные контракты, схожие с мексиканским периодом с представителями групп. Таким способом частные лица получили около 4,5 млн. акров земли. 30 января 1844

г. была прекращена практика колониционных контрактов. Земли передавались по отдельным законам для отдельных категорий населения. С 1845 г. государство допустило обратный порядок: поселенцы селились на государственной земле, а потом могли её выкупить с преимуществом. Допускалась покупка участка до 320 акров по цене в 50 центов за акр [9, с. 62].

Земля выступала гарантией кредита, залоговой собственностью. Правительство Техаса предполагало её стоимость от 0,5 до 2 долл. за акр [25]. Хотя по некоторым данным для получения дополнительных средств были предоставлены права финансистам прямой покупки земли по цене 25 центов за акр [9, с. 69].

Распространенным способом отчуждения земель у государства была передача площадей в качестве субсидий компаниям, занимающихся внутренними улучшениями, в особенности в сфере транспорта. Например, за каждую милю построенной железной дороги в начале 1850-х гг. штат предполагал передачу компании до 10240 акров земли. Также государство за счет земли пыталось наладить систему образования. Впрочем, земельные субсидии не являлись эффективными в данных случаях.

Помимо того, что Техасцы могли претендовать на земельный участок близкий по духу к гомстедам 1862 г., так ещё и в законодательный оборот прочно входит термин гомстед.

Благодаря изменению отношения к должнику не как преступнику, а как к неудачливому, но, зачастую, честному человеку общественное мнение обратилось к защите семьи должника. Поскольку большое количество техасцев перебралось на территорию республики, скрываясь от долгов, и многие семьи пострадали от финансовой паники 1837 г. и последовавшего кризиса, данное изменение было не только теоретическим, но и прикладным [31]. Поэтому в Техасе был принят в 1839 г. собственный гомстед акт – каждому гражданину республики позволялось неотторжимо владеть до 50 акров земли или земельным участком в городе, а также другим имуществом согласно списку [17, с. 125–126].

После кризиса 1837 г. в некоторых регионах США были установлены временные моратории на взыскание долгов. Но по данным Л.Лондон защита гомстеда была оригинальным решением Техаса, примеру которого позже последовали другие штаты. Ещё до аннексии 1845 г. аналогичный закон приняли Миссисипи, Джорджия, Алабама и Флорида. На конституционном уровне утвердили правило штаты Висконсин, Калифорния, Мичиган, Индиана, Миннесота, Мэриленд. Айова, Иллинойс, Кентукки, Огайо, Орегон, Нью-Йорк, Массачусетс, и Вирджиния затевали обсуждение, но не приняли данное положение. На территории США этот прецедент активно обсуждался [30, с. 432].

В техасской конституции 1845 г. закон был расширен - в нем количество земли составило 200 акров. Теперь уже влияние на конвент оказывал закон действующий в Алабаме, где неотчуждаемыми являлись 160 акров [30, с. 446].

Изучив развитие земельной политике в Техасе, можно сделать следующие выводы:

1) В целом американский Техас следовал общеамериканскому опыту, используя общественные земли как важный источник финансирования;

2) Многие черты при этом были характерны именно для Техаса, как для региона где смешались Испанские, Мексиканские и Американские методы колонизации. Дешевизна земли, использование её для максимального привлечения населения и, на первом этапе, защита минимального надела отличали политику Техаса от США.

3) Но при этом постепенно это различие стиралось. Аннексия не помешала Техасу первоначально сохранить либеральную земельную политику, поскольку все общественные земли остались за Техасом, а гомстеды были переняты и другими штатами.

4) Политически земельный вопрос не являлся острым для Техаса на протяжении периода до Гражданской войны, поскольку плотность штата оставалась достаточно низкой.

Подводя итог, важно отметить влияние американского политического и экономического опыта, на достаточно самобытную Техасскую политику. При этом аннексия не принесла революционных изменений в данную политику, что доказывает успех предварительного интеграционного процесса.

Список использованных источников и литературы

1. Алентьева Т. В. Президентские выборы 1860 г. в зеркале прессы // Северная Америка. Век девятнадцатый. URL: <http://america-xix.org.ru/library/alentieva-elections-1860/> (дата обращения: 12.08.2017).
- Alent'eva T. V. Prezidentskie vybory 1860 g. v zerkale pressy // Severnaya Amerika. Vek devyatnadsatyi. URL: <http://america-xix.org.ru/library/alentieva-elections-1860/> (data obrashcheniya: 12.08.2017).
2. Болховитинов Н. История США // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/bolh/09.php (дата обращения 8.08.2017).
- Bolkhovitinov N. Istoriya SShA // Biblioteka Gumer. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/bolh/09.php (data obrashcheniya 8.08.2017).
3. Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю. Основание федеративного государства в США (историко-государствоведческий очерк) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион: Общественные науки. Право. 2015. №1 (33). С. 20–31.
- Gulyakov A. D., Salomatin A. Yu. Osnovanie federativnogo gosudarstva v SShA (istoriko-gosudarstvovedcheskii ocherk) // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region.: Obshchestvennye nauki. Pravo. 2015. №1 (33). S. 20–31.
4. Иванян Э. А. История США. М., 2004. – 576 с.
- Ivanyan E. A. Istoriya SShA. M., 2004. – 576 s.
5. История США в четырех томах. Т.1.: 1607–1877. М., 1983. – 687 с.
- Istoriya SShA v chetyrekh tomakh. T.1.: 1607–1877. M., 1983. – 687 s.
6. Куропятник Г. П. Земельный вопрос в Конгрессе США в середине XIX века // Северная Америка. Век девятнадцатый. URL: http://america-xix.org.ru/library/kuropiatnik-land/land_xix.html (дата обращения: 14.08.2017).
- Kuropyatnik G. P. Zemel'nyi vopros v Kongresse SShA v seredine XIX veka // Severnaya Amerika. Vek devyatnadsatyi. URL: http://america-xix.org.ru/library/kuropiatnik-land/land_xix.html (data obrashcheniya: 14.08.2017).
7. Муравьева Л. А. Финансово-экономическое развитие Соединенных Штатов Америки в первой половине XIX в. // Финансы и Кредит. 2012. №31(511). С. 71–79.
- Murav'eva L. A. Finansovo-ekonomicheskoe razvitie Soedinennykh Shtatov Ameriki v pervoi polovine XIX v. // Finansy i Kredit. 2012. №31(511). S. 71–79.
8. Потокова Н. В. Агрессия США против Мексики. 1846–1848. М., 1962. – 141 с.
- Potokova N.V. Agressiya SShA protiv Meksiki. 1846–1848. M., 1962. – 141 s.

9. Потокова Н. В. Аннексия Техаса Соединенными Штатами Америки. Ростов-на-Дону, 1986. – 168 с.
- Potokova N. V. Anneksiya Tekhasa Soedinennymi Shtatami Ameriki. Rostov-na-Donu, 1986. – 168 s.
10. Прилуцкий В. В. Образование партии Фрисойлеров и её политическая платформа // Вестник Брянского государственного университета. 2009. №2. С. 60–64.
- Prilutskii V. V. Obrazovanie partii Frisoilerov i ee politicheskaya platform // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. №2. S. 60–64.
11. Савин К. Ф. Идеи и представления Томаса Джефферсона о демократии // Международный студенческий научный вестник. URL: <https://www.scienceforum.ru/2013/253/4182> (дата обращения: 12.08.2017).
- Savin K. F. Idei i predstavleniya Tomasa Dzheffersona o demokratii // Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik. URL: <https://www.scienceforum.ru/2013/253/4182> (data obrashcheniya: 12.08.2017).
12. Статьи конфедерации // Викитека – свободная библиотека. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Статьи_Конфедерации (дата обращения: 10.08.2017).
- Stat'i konfederatsii // Vikiteka – svobodnaya biblioteka. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Stat'i_Konfederatsii (data obrashcheniya: 10.08.2017).
13. A Century of Lawmaking for a New Nation: U.S. Congressional Documents and Debates, 1774–1875 // American Memory. URL: <http://rs6.loc.gov/cgi-bin/ampage?collId=lsl&fileName=002/lsl002.db&recNum=314> (дата обращения: 14.08.2017).
14. Acts of the Eighth Congress of the United States // Library of Congress. URL: <http://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/8th-congress/c8.pdf> (дата обращения: 14.08.2017).
15. Acts of the Sixteenth Congress of the United States // Library of Congress. URL: <http://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/16th-congress/c16.pdf> (дата обращения: 14.08.2017).
16. Acts of the Twenty-Second Congress of the United States // Library of Congress. URL: <http://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/22nd-congress/session-1/c22s1ch65.pdf> (дата обращения: 14.08.2017).
17. An act entitled an act to exempt certain property therein named from execution//The Laws of Texas, 1822-1897. Vol. 2. Austin, 1898. – 1536 p.
18. An Act providing for the Sale of the Lands of the United States, in the territory northwest of the river Ohio, and above the mouth of Kentucky river, 1796 // History Kat. URL: <http://www.historykat.com/US/statutes/act-providing-sale-lands-united-states-territory-northwest-river-ohio-and-above-mouth-kentucky-river.html> (дата обращения: 14.08.2017).
19. An Act to amend the act intituled «An act providing for the sale of the lands of the United States, in the territory northwest of the Ohio, and the mouth of Kentucky river» 1800 // History Kat. URL: <http://www.historykat.com/US/statutes/act-amend-act-intituled-act-providing-sale-lands-united-states-territory-northwest-ohio.html> (дата обращения: 14.08.2017).
20. Barker E. C. Life of Stephen F. Austin, founder of Texas, 1793–1836: a chapter in the westward movement of the Anglo-American people. Dallas, 1925. – 584 p.
21. Barton H. W. The Anglo-American Colonists under Mexican Militia Laws // Southwestern Historical quarterly. 1961. Vol. 65, № 1.
22. Colonization Law Decree of 1823 // Sons of DeWitt Colony Texas. URL: <http://www.tamu.edu/faculty/ccbn/dewitt/cololaws.htm#decree> (дата обращения: 20.05.2011).
23. Colonization Law State of Coahuila and Texas 1825 // Sons of DeWitt Colony Texas. URL: <http://www.tamu.edu/faculty/ccbn/dewitt/cololaws.htm#decree> (дата обращения: 20.05.2011).
24. Constitution of the Republic of Texas (1836). General Provisions // Tarlton Law Library. URL: https://tarltonapps.law.utexas.edu/constitutions/texas1836/general_provisions (дата обращения: 15. 08. 2015).
25. Crump T. R. Categories of Texas Land Grants // Rootsweb.com. URL: <http://www.rootsweb.ancestry.com/~txguadal/landgrant.html> (дата обращения 4. 08. 2017).
26. Davis J. M. Texas Land Grants, 1750–1900: A Documentary History. Jefferson, 2016.
27. Ericson C. R. Introduction // First Settlers of the Republic of Texas: Headright Land Grants which Were Reported as Genuine and Legal by the Traveling Commissioners. URL: http://jack0204.tripod.com/gen/Heskew/first_settlers.html (дата обращения 1. 08. 2017).

28. Greaser G. D. De la Teja J.F. Quieting Title to Spanish and Mexican Land Grants in the Trans-Nueces: The Bourland and Miller Commission, 1850–1852 // *Southwestern Historical quarterly*. 1992. Vol. 95 № 4.
29. Lang A. S., Long C. Land Grants // Texas State Historical Association. URL: <https://tshaonline.org/handbook/online/articles/impl01> (дата обращения: 08.08.2017).
30. London L. The Initial Homestead Exemption in Texas // *The Southwestern Historical Quarterly*. 1954. Vol. 57, №. 4.
31. Mertes T. Crash of 1837 // *New Left Review*. URL: <https://newleftreview.org/II/84/tom-mertes-crash-of-1837> (дата обращения 14.08.2017).
32. Muckleroy A. The Indian Policy of the Republic of Texas // JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/select/30234837?seq=1&thumbView=thumbs&thumbPager=one> (дата обращения: 20.07.2017).
33. National Colonization Law 1824// Sons of DeWitt Colony Texas. URL: <http://www.tamu.edu/faculty/ccbn/dewitt/cololaws.htm#decree> (дата обращения: 20. 05. 2011).
34. The Encyclopedia of the Mexican-American War: A Political, Social, and Military History. Vol. 1. Santa Barbara, 2013. – 1084 p.

Bochko V. Y. The land policy in Texas and its consequences in the first half of the XIX century.

The aim of this study is exploring the land policy of Texas as factor of integration processes between Texas and USA. The study covers the period from the XVIII century until the 1850s. The author compares Texas and American systems of use land resource. The author marks the general milestones of the development of the American land system before the Civil War. In this period the minimum amount of land that could be purchased decreased from 1280 acres to 40 acres. An important part of the study is land use system of Texas during the existence of the state authorities of Texas starting from the 1820s. The author studies the Mexican land policy in Texas in during the period 1820–1836 and the causes, nature and consequences of «land grants» and «homesteads» in the independent Texan Republic. The article describes the influence of republican foreign and domestic policies on the transfer of Texas public lands to colonists and entrepreneurs. Decisions within the framework of land policies in different periods are associated with political consequences: independence, annexation and secession. The author demonstrated strong differences of motives of the state of Texas and the United States. The Texas system was built on the idea of soil as a necessary resource to spend for the speedy development of the region. As a result, the article has revealed the important role of land policy in the «development» of the region and demonstrated a direct link between this policy and the annexation of Texas in 1845.

Keywords: USA, Regional history, Antebellum USA, Texas, Homestead, Land Policy, Land grants, annexation of Texas.

УДК 343.9.022 (1–924.71)

СИСТЕМА АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КРЫМУ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Микитюк Ю. В.

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kf.krdu@mvd.ru*

Проведен историко-правовой анализ нормативных правовых актов в области борьбы с терроризмом на территории Крымского полуострова. Детально охарактеризованы источники и положения антитеррористического законодательства Крыма в 1991–2014-х годах. Основное внимание уделено изучению правовых основ деятельности субъектов борьбы с терроризмом, динамике и ключевым этапам становления и развития крымской антитеррористической системы и ее структурных элементов. Описаны проблемы функционирования системы противодействия террористической деятельности в Республике Крым на современном этапе, причины и условия появления террористических угроз в регионе в III тысячелетии. Источниковедческое исследование и ретроспективный анализ антитеррористического законодательства позволили автору сформулировать приоритетные задачи федеральных и республиканских органов безопасности и правопорядка в этой сфере на современном этапе.

Ключевые слова: антитеррористическая безопасность, борьба с терроризмом, историко-правовое исследование, правоохранительная деятельность, противодействие террористической деятельности, Республика Крым.

Создание и функционирование эффективной системы антитеррористической безопасности во многом зависит от ее правового обеспечения, которое представлено соответствующими международными договорами, нормативными правовыми актами федерального, регионального и муниципального уровней. Последние должны: определять механизм защиты прав и свобод граждан, интересов общества и государства от террористических угроз; регулировать деятельность уполномоченных субъектов в области противодействия терроризму; устанавливать юридическую ответственность за данные противоправные деяния. Безусловно, к приоритетам построения этой системы относятся: базирование на общечеловеческих ценностях, общепризнанных принципах и нормах международного права; приоритетность превентивных мер и неотвратимость наказания за совершение преступлений террористического характера; законность и верховенство права, исключение незаконного нарушения (ограничения) прав и свобод граждан, законных интересов общества и т.п.

Обычно формирование и последующее развитие антитеррористического законодательства осуществляются в связи с появлением реальных и потенциальных экстремистских и террористических угроз объектам национальной безопасности. «Антитеррористическое законодательство» условный термин, поскольку с учетом полиаспектности и многогранности терроризма часть действующего законодательства (конституционного, административного, уголовного, оперативно-розыскного и др.) является, собственно, антитеррористическим [1, с. 32–33].

Именно поэтому при совершенствовании нормотворческой деятельности и правоприменительной практики в этой области необходимо придерживаться комплексного подхода.

Таким образом, актуализируется задача по формированию и развитию не только федеральной, но и региональной системы антитеррористической безопасности, в частности одного из новых субъектов Российской Федерации – Республики Крым.

Вопросы совершенствования отдельных элементов системы антитеррористической безопасности рассматривались в работах Н. Н. Гриб, С. У. Дикаева, Ю. В. Дубко, М. П. Киреева, А. В. Ключева, Д. А. Ковлагиной, Н. С. Кондракова, С. Я. Лебедева, С. В. Максиной, З. Ш. Матчановой, А. И. Моисеенко и др. Указанные ученые внесли существенный вклад в исследование историко-правовых предпосылок появления терроризма в государстве и его регионах, организационного, правового и тактического обеспечения деятельности субъектов противодействия терроризму, взаимодействия правоохранителей с институтами гражданского общества в этой области, а также юридической ответственности за совершение преступлений террористического характера. Однако специфика формирования и развития крымской системы антитеррористической безопасности обуславливает необходимость проведения самостоятельного комплексного исследования.

В начале 1990-х годов Крымский полуостров оказался наедине со своими проблемами, однако не терял надежды на возрождение государственности республики. В это время наблюдалось обострение социально-экономических и общественно-политических вопросов, усиленных межэтническими противоречиями и стремлением высшего политического руководства Украины нивелировать зачатки автономии региона [2, с. 4–7].

На наш взгляд, в исследуемом периоде наибольшие сложности в деятельности крымских правоохранителей были связаны с отсутствием нормативного правового обеспечения антитеррористической деятельности, а также ответственности за совершение преступлений террористического характера в уголовном законе. Так, Уголовный кодекс УССР содержал только две статьи:

– 62-1 «Призывы к совершению преступлений против государства». В объективную сторону данной статьи входили публичные призывы к измене Родине, совершение террористического акта или диверсии, а санкция предусматривала лишение свободы на срок до 3-х лет или штраф в размере до 2-х тыс. руб. Однако уже в июне 1992 г. статья была исключена. Как следствие, преступления террористического характера квалифицировались как хулиганства, наемничество, нарушения правил обращения с оружием и др.;

– 69-1 «Действия, которые дезорганизуют работу исправительно-трудовых учреждений», которая предусматривала ответственность (лишение свободы на срок от трех до восьми лет) за терроризирование в местах лишения свободы осужденных, ставших на путь исправления, совершенное лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы [3].

Полагаем, что одним из первых нормативных правовых актов антитеррористической и контрэкстремистской направленности можно считать Указ Президиума Верховной Рады УССР от 20. 04. 1990 № 9082-ХІ «Об ответственности за действия, направленные против общественного порядка и безопасности граждан». Интересно отметить, что именно этим, по сути подзаконным, нормативным правовым актом вводилась уголовная и административная ответственность за совершение преступлений террористического характера и смежных с ними правонарушений. В частности, за: захват государственных или общественных зданий либо сооружений в целях их незаконного использования или препятствования нормальной работе учреждений, организаций, предприятий; призывы к погромам, насильственному выселению граждан или к совершению других действий, угрожающих общественному порядку и безопасности граждан, а также распространение, изготовление или хранение с целью распространения материалов такого содержания [4].

Перечисленные обстоятельства не могли не сказаться на нормотворческих инициативах крымских парламентариев. Так, раздел III «Борьба преступностью» плана мероприятий по борьбе с преступностью в Республике Крым на 1994–1996 годы (утв. постановлением Верховного Совета Крыма от 08.12.1994 № 286-1 [5]) предусматривал изучение оперативной информации для установления лиц, в отношении которых имеются достоверные данные об их причастности к подготовке или совершению актов бандитизма, террора и других тяжких преступлений. Необходимость проведения соответствующих мероприятий была также обусловлена разгулом дикого капитализма, расцветом и сращиванием организованной преступности (ОПГ «Сэйлем», «Башмаки», «Русь», «Греки» и др.) с политической и экономической элитами [6, с. 270].

Последующие меры по разрешению политико-правовых, социально-экономических и этнических проблем в Автономной Республике Крым предполагали кардинальную перестройку работы и конкретизацию функций подразделений по борьбе с организованной преступностью, в частности их привлечение к раскрытию резонансных преступлений, совершенных организованными преступными группировками («заказных» убийств, фактов терроризма, захвата заложников и бандитизма, применения в «разборках» огнестрельного оружия и взрывчатых веществ). Впрочем, противоправную активность организованных групп и преступных организаций, широко применявших приемы и способы террористической деятельности – от устрашения населения, шантажа органов власти до захвата заложников и физического уничтожения оппонентов, – удалось взять под правоохранный контроль только в конце 1990-х годов.

В «Региональной комплексной программе борьбы с преступностью и коррупцией в Автономной Республике Крым на 1996–2000 годы» (утв. постановлением Верховного Совета Крыма от 19. 12. 1996 № 1000-1 [7]) указывалось на необходимость разработки и утверждения программы борьбы с терроризмом и насильственными посягательствами на жизнь, здоровье, права и свободы граждан. Кроме того, правоохранным органам и аварийным службам

необходимо было отработать механизм взаимодействия при возникновении угрозы чрезвычайных ситуаций, связанных с террористическими актами и другими преступлениями. Также был сделан акцент на поддержание необходимого уровня взаимодействия с органами внутренних дел областей Украины и УВД Краснодарского края Российской Федерации и обмена информацией о лицах, причастных к деятельности террористических организаций, незаконных военизированных формирований, с целью их своевременного выявления на территории республики и предупреждения возможных преступных проявлений.

Кроме того, внимание правоохранителей обращалось на обязательность установления каналов поступления информации о возможности въезда в Крым или транзита через его территорию членов международных террористических организаций, незаконных военизированных формирований стран СНГ. В этих целях усиливалась оперативно-розыскная составляющая деятельности на транспортных коммуникациях международных сообщений, в пунктах пропуска через границу, на объездных маршрутах, которые могли быть использованы в преступных целях. В то же время осуществлялся сбор, изучение и обмен информацией с целью установления и оперативного сопровождения лиц, причастных к изготовлению, транспортировке и распространению взрывных устройств и взрывчатых веществ, оружия, которые могут быть применены при осуществлении террористических акций в Крыму и совершении резонансных преступлений.

Принятие данных мер было связано с относительной бесконтрольностью за незаконным ввозом оружия, боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ на территорию полуострова с материковой Украины как автомобильным, так и железнодорожным транспортом. Проблемы в этой области наблюдались и при осуществлении пограничного и таможенного контролей в морских портах полуострова. Достаточно высокому уровню незаконного обращения оружия также способствовало «высвобождение» значительного его количества в результате раздела и расформирования частей и соединений Черноморского флота. Стабилизации и улучшению криминологической обстановки в данной сфере не способствовали и регулярное проведение специальных операций «Канал», «Мигрант», «Оружие», «Взрывчатка», «Легион» и т.д. Благодаря этому лидеры террористических групп и организаций, действовавших в регионе, практически беспрепятственно вооружали своих боевиков, отрабатывали навыки стрельбы из современного огнестрельного оружия, делали тайники и схроны для оснащения «спящих» и «законсервированных» ячеек террористов в случае мобилизации.

По нашему мнению, потребность налаживания межведомственного взаимодействия и международного сотрудничества, в том числе информационного обмена, была вызвана экспансией экстремистской идеологии, распространяемой на полуострове эмиссарами из Турции и стран Арабского Востока, финансированием терроризма, функционированием тренировочных лагерей боевиков и религиозных организаций деструктивного толка [8, с. 413]. Такая террористическая и связанная с ней активность осуществлялась под видом деятельности благотворительных фондов, культурных центров, медресе, военно-патриотических клубов и подростково-молодежных организаций, оказания гуманитарной помощи и

укрепления этноконфессионального единства. Помимо этого, фиксировались не единичные случаи вербовки крымчан для участия в военных действиях за пределами полуострова – на Северном Кавказе, в Сирии, Ливии и других «освобождаемых» от «недемократических» режимов регионах.

В исследуемом периоде подготовку и реализацию предложений, направленных на обеспечение соблюдения законодательства по вопросам выявления, расследования и рассмотрения в судах преступлений, связанных с актами терроризма, посягательствами на конституционный строй и тяжкими преступлениями против личности, должен был обеспечивать Координационный комитет по борьбе с коррупцией и организованной преступностью при Совете министров автономии. Однако данный консультационно-совещательный орган не располагал реальными рычагами управления крымскими правоохранителями и не оказывал положительный эффект на криминологическую обстановку в регионе.

В 2000-х годах стала очевидной бесперспективность и тщетность попыток ликвидировать (минимизировать) последствия терроризма в регионе. Поэтому основные акценты в нормотворческой деятельности и правоохранительной практике начали смещаться в сторону предупреждения реальных и потенциальных террористических угроз, в частности купирования каналов и источников распространения деструктивного мировоззрения, прежде всего в подростковой и молодежной средах, а также подрыва экономической основы терроризма. Так, «Мероприятия по профилактике преступности в Автономной Республике Крым на 2006–2010 годы» (утв. постановлением Верховной Рады Автономной Республики Крым от 22. 09. 2006 № 177-5/06 [9]) включали проведение оперативно-розыскных мероприятий с целью предупреждения возможных фактов распространения радикальной экстремистской идеологии и пропаганды терроризма. Однако такая оперативно-розыскная профилактика проводилась без надлежащего законодательного обеспечения, централизованного руководства и координации, поэтому осуществлялась инициативно, бессистемно и точно [10, с. 365–366]. Справедливости ради стоит указать апатию и инертность большинства руководителей правоохранительных органов в сфере борьбы с терроризмом. Это было связано, с одной стороны, с отношением к данному направлению оперативно-служебной деятельности как факультативному, низкоприоритетному, а с другой – противоречивости украинского законодательства, позволяющего международным террористическим организациям свободно функционировать на Украине, в том числе создавать филиалы в Крыму. Поэтому первое монографическое научное исследование в этой области [1] получило резкую критику, осуждение и негативные отзывы как со стороны руководства ГУМВД Украины в Автономной Республике Крым, так и ГУ Службы безопасности Украины в Автономной Республике Крым. Впрочем, время показало их неправоту.

Что касается ликвидации финансового обеспечения и экономических основ террористической деятельности, то для этого в 2000-х годах осуществлялись: предупреждение появления предпосылок для финансирования терроризма; превенция использования уязвимостей финансовой системы в этих целях; совершенствование механизма регулирования и надзора за субъектами первичного

финансового мониторинга; повышение результативности правоохранительной деятельности в этой области; создание эффективного механизма взаимодействия уполномоченных субъектов; повышение квалификационного уровня специалистов и улучшение их технического обеспечения; участие в международном сотрудничестве; формирование в общественном сознании необходимости противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма [11, с. 28–29]. Для реализации этих и смежных задач функционировал Крымский региональный отдел Государственной службы (комитета, департамента) финансового мониторинга Украины, обслуживающий Автономную Республику Крым и г. Севастополь. При этом подчеркнем, что государственная и региональная системы финансового мониторинга формировались принудительно, под воздействием санкций международных организаций. Большинство элементов систем было полностью скопировано из зарубежного законодательства и правоприменения [12, с. 70–72], без учета и адаптации к национальным реалиям и криминологической обстановке. Это привело к формальному подходу в противодействии финансированию терроризма, наличию значительного количества противоречий и пробелов в соответствующих нормативных правовых актах.

В 2010-е годы развитие крымской системы антитеррористической безопасности получило новый импульс. Так, в Стратегии национальной безопасности Украины (в ред. от 08.06.2012 [13]) распространение терроризма, в том числе преступлений, связанных с его финансированием, признавалось одним из факторов, угрожающих глобальной стабильности, мировому правопорядку и негативно влияющих на обеспечение безопасности в стране. Именно поэтому к заданиям политики национальной безопасности во внешнеполитической сфере отнесено дальнейшее участие Украины в антитеррористической деятельности. Однако, по мнению террологов (В. А. Липкан, А. Ю. Конев, О. В. Плетнев, Д. С. Савочкин, А. В. Шевченко и др.), ключевым событием стало одобрение Концепции борьбы с терроризмом [14]. Ее основная цель заключалась в обеспечении эффективной реализации государственной политики в сфере борьбы с терроризмом путем разработки и внедрения комплекса мероприятий, направленных на: выявление и устранение детерминант терроризма; защиту человека и гражданина, общества и государства от терроризма; сосредоточение основных усилий на противодействии террористической деятельности, минимизации ее последствий; налаживание результативного взаимодействия между уполномоченными органами государственной власти, местного самоуправления и общественностью и расширение международного сотрудничества в этой области. Как следствие проведенных мероприятий (до 2020 г.), ожидалось, что реализация Концепции будет содействовать обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина, защите общества и государства от проявлений терроризма, улучшению координации деятельности субъектов борьбы с терроризмом, эффективности их деятельности, укреплению международного взаимодействия в борьбе с этим явлением.

В свою очередь «План мероприятий по реализации в Автономной Республике Крым Концепции борьбы с терроризмом» (утв. распоряжением Совета министров

Автономной Республики Крым от 10.09.2013 № 864-р [15]) предусматривал проведение мероприятий:

– организационно-режимных (определение объектов потенциальных террористических посягательств; участие в разработке и внедрении стандартов, правил и технических условий антитеррористической защищенности объектов от возможных террористических посягательств, в частности особых правил антитеррористической безопасности; контроль учета взрывчатых веществ, в том числе тех, которые хранились и использовались на промышленных предприятиях);

– информационно-пропагандистских (информационно-разъяснительная и профилактическая работа среди населения, направленная на неприемлемость терроризма и отказ от идей использования террористических методов для достижения цели; систематическое информирование общественности о результатах антитеррористической деятельности, размещение в средствах массовой информации материалов по актуальным вопросам борьбы с терроризмом);

– материально-технических (укрепление материально-технической базы субъектов борьбы с терроризмом, в частности установление современных систем безопасности, применение средств внешнего контроля (наблюдения) и быстрого реагирования на террористические посягательства).

Подытоживая, отметим, что развитие систем антитеррористической безопасности любого государства и региона должно обеспечивать постепенный переход от выявления, раскрытия и пресечения отдельных преступлений террористического характера к комплексным, согласованным и последовательным превентивным мероприятиям по нейтрализации и противодействию деятельности лиц и их групп (ячеек, организаций), причастных к терроризму, устранению детерминант реальных и потенциальных террористических угроз. Тем не менее, события на Украине в ноябре 2013 г. – феврале 2014 г., получившие название «революция достоинства», «майдан» (де-факто – государственный переворот), показали не только все пробелы, недостатки и формализм антитеррористического законодательства, но и несовершенство и уязвимость антитеррористических систем в стране и регионах. В дальнейшем это затронуло без исключения все социальные системы и объекты национальной безопасности [16, с. 207]. Единственной административно-территориальной единицей, в которой при одобрении и поддержке общественности удалось реализовать весь спектр антитеррористических и контрэкстремистских мероприятий, оказалась Автономная Республика Крым. Благодаря этому на территории Крымского полуострова в кратчайшие сроки реальные и потенциальные угрозы терроризма были локализованы и нейтрализованы, а криминологическая обстановка – нормализована. В противном случае «оппозиционные» силы, экстремистские группировки под национально-освободительными и националистическими лозунгами на долгие годы дестабилизировали бы общественно-политическую ситуацию в регионе, в том числе благодаря террору и терроризму.

В то же время с вхождением Крымского полуострова в состав Российской Федерации внешние и внутренние угрозы террористического характера получили новые модификации. Учитывая изложенное, руководству Республики Крым

необходимо было разработать нормативные правовые основы для функционирования систем антитеррористической безопасности на региональном и муниципальном уровнях. В связи с этим сразу после событий «Крымской весны» в Республике Крым: создана антитеррористическая комиссия; утверждены требования по обеспечению антитеррористической защищенности объектов с массовым пребыванием людей и комплексный план противодействия идеологии терроризма на 2015–2018 годы; образован Совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям при Совете министров и др. При этом необходимо осознавать, что региональные антитеррористическое законодательство и правоприменительная практика в этой области требуют постоянной модернизации с учетом развития и вариативности террористических угроз в смежных субъектах Российской Федерации и соседних государствах. Однако, по нашему мнению, республиканская система антитеррористической безопасности не должна пренебрегать накопленными знаниями, полученными навыками, имевшимися наработками и приобретенным опытом, хотя и в другом правовом поле.

Список использованных источников и литературы

1. Савочкин Д. С. Служебно-боевая деятельность органов внутренних дел при проведении антитеррористических мероприятий (нормативно-правовые основы): дисс. ... канд. юрид. наук. – Симферополь, 2009. – 242 с.
Savochkin D. S. Sluzhebno-boevaya deyatel'nost' organov vnutrennih del pri provedenii antiterroristicheskikh meropriyatij (normativno-pravovye osnovy): dis. .. kand. yurid. nauk. – Simferopol', 2009. – 242 s.
2. Миронова О. А. Этапы государственного строительства в Крыму // Развитие государственности и права в Республике Крым: матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2016. – С. 3–10.
Mironova O. A. Ehtapy gosudarstvennogo stroitel'stva v Krymu // Razvitie gosudarstvennosti i prava v Respublike Krym: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. – Krasnodar, 2016. – S. 3–10.
3. Ведомости Верховной Рады УССР. – 1961. – № 2. – Ст. 14.
Vedomosti Verhovnoj Rady USSR. – 1961. – № 2. – St. 14.
4. Ведомости Верховной Рады УССР. – 1990. – № 18. – Ст. 278.
Vedomosti Verhovnoj Rady USSR. – 1990. – № 18. – St. 278.
5. Ведомости Верховного Совета Крыма. – 1994. – № 5. – Ст. 308.
Vedomosti Verhovnogo Soveta Kryma. – 1994. – № 5. – St. 308.
6. Заброда Д. Г., Позий В. С. Развитие милиции Крыма в 1991–2014 гг. // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2018. – С. 269–271.
Zabroda D. G., Pozij V. S. Razvitie milicii Kryma v 1991–2014 gg. // Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendencii i perspektivy razvitiya: sb. materialov X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – CHEboksary, 2018. – S. 269–271.
7. Собрание законодательства Республики Крым. – 1996. – № 12. – Ст. 1100.
Sobranie zakonodatel'stva Respubliki Krym. – 1996. – № 12. – St. 1100.
8. Коноплева А. А. Изменение религиозной принадлежности как актуальная тенденция религиозного мировоззрения современного человека // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 4 (107). – С. 412–414.
Konopleva A. A. Izmenenie religioznoj prinadlezhnosti kak aktual'naya tendenciya religioznogo mirovozzreniya sovremennogo cheloveka // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2017. – № 4 (107). – S. 412–414.
9. Сборник нормативно-правовых актов Автономной Республики Крым. – 2006. – № 9. – Ст. 742.
Sbornik normativno-pravovykh aktov Avtonomnoj Respubliki Krym. – 2006. – № 9. – St. 742.

10. Иванов С. И. Задачи оперативно-розыскных подразделений органов внутренних дел в Крымском федеральном округе по противодействию возможным террористическим и экстремистским акциям // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Симферополь, 2015. – С. 364–367.

Ivanov S. I. Zadachi operativno-rozysknyh podrazdelenij organov vnutrennih del v Krymskom federal'nom okruge po protivodejstviyu vozmozhnym terroristicheskim i ehkstremitiskim akciyam // Protivodejstvie ehkstremitizmu i terrorizmu v Krymskom federal'nom okruge: problemy teorii i praktiki: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. – Simferopol', 2015. – S. 364–367.

11. Буткевич С. А. Финансовый мониторинг как часть борьбы с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма (по материалам Украины) // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2013. – № 3 (21). – С. 26–31.

Butkevich S. A. Finansovyy monitoring kak chast' bor'by s legalizaciej prestupnyh dohodov i finansirovaniem terrorizma (po materialam Ukrainy) // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2013. – № 3 (21). – S. 26–31.

12. Буткевич С. А. Досвід США щодо запобігання та протидії легалізації доходів, одержаних злочинним шляхом // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2008. – Т. 21 (60). – № 1. – С. 68–74.

Butkevich S. A. Dosvid SSHA shchodo zapobigannya ta protidii legalizacii dohodiv, oderzhanih zlochinim shlyahom // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: YUridicheskie nauki. – 2008. – T. 21 (60). – № 1. – S. 68–74.

13. Официальный вестник Украины. – 2012. – № 45. – Ст. 1749.

Oficial'nyj vestnik Ukrainy. – 2012. – № 45. – St. 1749.

14. Официальный вестник Украины. – 2013. – № 34. – Ст. 1202.

Oficial'nyj vestnik Ukrainy. – 2013. – № 34. – St. 1202.

15. Сборник нормативно-правовых актов Автономной Республики Крым. – 2013. – № 9. – Ст. 826.

Sbornik normativno-pravovyh aktov Avtonomnoj Respubliki Krym. – 2013. – № 9. – St. 826.

16. Костюченко Н. И. Социальное явление «безопасность» как элемент, общая функция социальных систем и подсистемы национальной безопасности государства // Общество и право. – 2017. – № 3 (61). – С. 206–210.

Kostyuchenko N. I. Social'noe yavlenie «bezopasnost'» kak ehlement, obshchaya funkciya social'nyh sistem i podsistemy nacional'noj bezopasnosti gosudarstva // Obshchestvo i pravo. – 2017. – № 3 (61). – S. 206–210.

Mikityuk Yu. V. System of anti-terrorism security in Crimea in the end of the XX – the beginning of the XXI centuries: historical retrospective

The article contains a historical and legal analysis of normative legal acts in the field of combating terrorism on the territory of the Crimean peninsula. The sources and provisions of the antiterrorist legislation of Crimea in 1991–2014-ies are described in detail. The main attention is paid to the study of the legal foundations of the activities of the subjects of the fight against terrorism, the dynamics and key stages of the formation and development of the Crimean antiterrorist system and its structural elements. The problems of functioning of the system of counteraction to terrorist activity in the Republic of Crimea at the present stage, the causes and conditions for the emergence of terrorist threats in the region in the III millennium are described. Source study and retrospective analysis of the antiterrorist legislation allowed the author to formulate the priority tasks of the federal and republican security and law enforcement agencies in this sphere at the present stage.

Keywords: antiterrorist security, fight against terrorism, historical and legal research, law enforcement, counteraction to terrorist activity, the Republic of Crimea.

УДК 930(47+57)КРЫМ(092)

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ
ИСТОРИИ КРЫМА: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)**

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
dr.aan@mail.ru*

Впервые предпринята попытка обобщить обширный материал по становлению крымоведческой историографии. Восстановлены основные вехи в изучении полуострова (опубликованное и рукописное наследие). Автор продемонстрировал, что зарождение интереса к Крыму в научной литературе было тесно связано с политическими и экономическими интересами Российской империи. Показана роль экспедиций Петербургской академии наук и многочисленных записок российских и европейских путешественников для становления знаний о полуострове. Выделены научные центры и наиболее крупные деятели крымоведения, сочинения которых стали для своей эпохи основой для дальнейших исследований. Показано, что эти труды (Е. Е. Кёлер, П. И. Кёппен, В. Д. Смирнов и др.) и сегодня не только не утратили актуальности, но и находятся в первых строчках рейтингов цитирования. Обзорно упомянуто про складывание местной научной группы историков, объединенных в Таврическую ученую архивную комиссию (1887–1923). Приведены ссылки на труды автора статьи, в которых подробно раскрыты отдельные крымоведческие направления, затронутые в статье лишь тезисно. Показано значение наиболее результатного научного сообщества 20-х годов XX века – Российского общества по изучению Крыма. Прослежена история создания в середине XX столетия первой попытки написания официальной обобщающей работы по истории Крыма (П. Н. Надинский).

Ключевые слова: историография, Крым, крымоведение, изучение Крыма.

Необходимость работы по формированию обобщающего очерка историографии истории Крыма давно очевидна. Разработки в области исторического крымоведения в последние два десятилетия значительно шагнули вперед. Снятие идеологической цензуры с конца 80-х годов XX столетия, введение в научный оборот неизвестных либо недоступных корпусов документальных материалов по отдельным сюжетам истории Крыма и по истории науки позволили раскрыть многие страницы прошлого. Вместе с тем появляются и дилетантские работы, которые получают соответствующую оценку в научной литературе [1; 2].

Круг проблем, связанных с изучением истории, этнографии, экономики Крыма, вызывал все больший интерес у европейских ученых и в широких кругах просвещенной интеллигенции с середины XVIII века. Повышенное внимание к полуострову было обусловлено рядом объективных причин. Прежде всего, это дряхление некогда могущественного и опасного для соседей Крымского ханства и непосредственно связанное с этим процессом постепенное расширение Российской империи на юг; никогда не угасавший в различных кругах российского общества интерес к насыщенной истории Крыма; попытки осмыслить политический и

социально-экономический уклад Крымского ханства, все еще остававшегося загадкой для европейцев в связи с информационным вакуумом, долгое время существовавшим вокруг этого государства. Интерес к региону поддерживали и постоянные в XVIII веке русско-турецкие войны. В России в 70-х годах XVIII века инициатива изучения Крыма исходила главным образом от правительственных кругов, давно заинтересованных в изменении условий для российской внешней торговли на Черном море.

Удачный для России исход войны с Турцией 1768–1774 годов, провозглашение независимости Крымского ханства от Османской империи в 1774 году, согласно условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, и последующие политические события вокруг Крыма еще более привлекли внимание к этому региону. А присоединение полуострова к Российской империи в 1783 году особенно обострило интерес к краю как на западе Европы, так и в России. Экономические и политические интересы, связанные с освоением новых территорий, требовали их досконального научного исследования. Именно с этого времени, благодаря переориентации общественной жизни на полуострове на европейский лад, появилась и реальная возможность для его всестороннего освоения.

Первым исследованием историка-профессионала, где крымская тематика занимает важное место, стала книга Готлиба Байера (1694–1738) «Краткое описание военных случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онага под Российскую державу». Знаково, что первое издание книги пришлось на 1738-й – год, когда русские овладели Азовом. Второе издание – на 1768 (начало очередной русско-турецкой войны), а третье – на 1782 год – незадолго до присоединения полуострова. Г. З. Байер первым остановился на проблеме слабо развитой экономики Крымского ханства, несколько страниц посвятив и внутривнутриполитическому устройству и распрям между основной и побочной линиями Гиреев, влиянию на эти события Турции. После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора была подготовлена книга Павла Левашова «Картина или описание всех нашествий на Россию татар, турков, их тут браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти беспрерывно через восемь сот лет продолжавшихся, с приложением нужных примечаний государей и разных известий, касательно Крыма, прав российских государей на оной и проч.». Однако издана она была только в 1792-м – после подписания Ясского мира, закрепившего за Россией земли до устья Днестра. П. Левашов кратко пересказал летописные сведения о борьбе славян с кочевыми народами начиная с X века, остановился на борьбе и свержении монгольского ига, московско-турецко-крымских противоречиях и войнах.

В научной жизни Российской империи в данный период определяющее место занимала Санкт-Петербургская (Петербургская императорская) академия наук, где сосредоточились лучшие ученые силы страны. По заданию правительства эта научная организация провела ряд комплексных экспедиций в Крым, которые согласно поставленным задачам можно разделить на две группы: экспедиции астрономические и географические, а также так называемые «физические» ученые путешествия. Их содержание охватывало достаточно широкий круг исследований,

начиная от биологических и физико-географических наблюдений до изучения истории, этнографии, лингвистики, экономики.

Опубликованные материалы «физических» экспедиций Академии наук – поездок 1782 года – Василия Федоровича Зуева (1752–1794), 1785 года – Федора Осиповича Черно́го (1745–1790), 1793–1794 годов – Петра Симона Палласа (Pallas) (1741–1811), 1795–1798 годов – Фридриха Августа (Федора Кондратьевича) Маршалла фон Биберштейна (Marschall von Bieberstein) (1768–1826) и других ученых являются ценным первоисточником о состоянии полуострова в конце XVIII – начале XIX века. К разработке их маршрутов и исследовательских программ были привлечены Вольное экономическое общество, Медицинская, Коммерц- и Берг-коллегии. Главными целями экспедиций определялось: исследование производительных сил региона, изучение местных народов, выяснение возможностей использования «произведений природы» населением. Типовая инструкция предлагала участникам экспедиции описывать населенные местности, их достопримечательности (достопамятности); встречающиеся на пути природные и исторические памятники; физическое состояние, быт и занятия населения; промышленные предприятия; природу края, а также пути сообщения и их пригодность для коммерческих целей. Выполнять данную энциклопедическую программу следовало в дневниковой форме (путем ежедневных записей), которые отправлялись в Санкт-Петербург по мере накопления материалов. Архивные документы свидетельствуют, что Академия наук нацеливала ученых на ознакомление и фиксацию как памятников материальной культуры Крыма, так и этнографии – быта, жилищ, одежды, праздников и др. – прежде всего самого многочисленного и слабо изученного населения полуострова – крымских татар [3].

Все труды «физических» экспедиций публиковались сначала по отдельности. Позднее наиболее информативные из них были объединены в «Полном собрании ученых путешествий по России...». Обширная издательская география трудов ученых (особенно П. С. Палласа), внимание к ним в Европе и в России способствовали популяризации изучения Крыма. Эти сочинения до сих пор лежат в основе наших знаний о природе и населении изучаемых мест [4]. К ним неизменно обращаются историки, географы, этнографы, ботаники, зоологи, геологи, статистики, археологи и языковеды. Описания экспедиций, совершенных в рамках исследований Академии наук, являются «неисчерпаемым источником разнообразнейших крупных и мелких, но всегда научно точных данных» [5, с. 224].

Так, П. С. Паллас представил обстоятельные этнографические описания крымских татар, ногайцев, других народов Северного Причерноморья и Крыма. Интересно, что академик весьма критично отнесся к мерам правительства по разведению казенных виноградников, справедливо полагая, что они ничего не дадут, кроме разворовывания государственных субсидий. Плодоносные земли Крыма и Северного Причерноморья ученый считал более всего подходящими для организации хозяйств фермерского типа. П. С. Паллас обосновал выгоды, которые получило бы государство при привлечении на южные территории империи иностранных колонистов, а также армян и молдаван с предоставлением им «колониистских прав». Так, он предложил заселять обезлюженные в связи с

эмиграцией крымских татар районы Крыма крестьянами – выходцами из виноградных кантонов Швейцарии, имевшими вековой опыт возделывания виноградной лозы [6].

Отдельным этапом в накоплении историко-краеведческих знаний о Крыме стали археологические экспедиции 1804 и 1821 годов, возглавляемые немецким антиковедом Генрихом Карлом Эрнстом (Егором Егоровичем) Кёлером (Köhler) (1765–1838), работавшим в Санкт-Петербургской академии наук и Эрмитаже. Для экспедиций (особенно значимой в деле сохранения культурного наследия оказалась вторая из них) были составлены специальные инструкции, где подчеркивалась необходимость снять как можно более точные чертежи и копии с развалин и надписей; предписывалось собрать сведения об археологических раскопках, «могущих прояснить историю оной классической земли» [7]. 28 февраля 1821 года на заседании Конференции АН академики Ф. Б. Грефе, Ф. И. Круг и Х. Д. Френ «представили замечания и дополнения к инструкции Е. Е. Кёлера для его поездки в Крым» [8]. Е. Е. Кёлеру выделялись средства «из экономических сумм» Академии наук на покупку древностей и монет. Предметом особого внимания академика стали древние памятники и надписи, их описание и анализ. Сообщения о них были помещены в изданиях Академии наук [9]. В архиве Государственного Эрмитажа (личном фонде Е. Е. Кёлера) сохранились также рукописные записки ученого об исследовании им памятников в районах Балаклавы, Керчи, Феодосии, Херсонеса [10].

После возвращения в столицу Е. Е. Кёлер представил в Академию наук и министру духовных дел и народного просвещения донесение «О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных» и записку «Опись памятникам, которых сохранение должно быть поручено надзору губернаторам и местному начальству в Крыму». В этих материалах академик подробно охарактеризовал крымские древности. Все памятники Крыма он разделил на два класса. К первому относились постройки греческие, генуэзские и татарско-турецкие, восстановление которых не требовало значительных денежных и временных затрат: евпаторийская мечеть Джума-Джами, мавзолей в Эски-Юрте, мангупские и балаклавские укрепления, Судакская крепость, бани и мечети в Феодосии, крепость и мечети в Эски-Сарае. Стоимость поправок этих памятников определялась сопровождавшим ученого архитектором и художником Е. Ф. Паскалем в 41 тысячу рублей. Ко второму классу древностей Е. Е. Кёлер отнес остатки греческой архитектуры, представляющие собой развалины: остатки Херсонеса-Корсуна, гробницы в Керчи, основания храмов по всему Южному берегу и в Юго-Западном Крыму, гурзуфские укрепления, дворец в Бахчисарае, пещерные церкви [11]. По мнению Е. Е. Кёлера, для всех памятников второй группы, в связи с их важным значением для науки и ветхим состоянием, необходимо издать подробные описания в виде 12–15 книжек с хорошими рисунками.

В тот период не существовало устоявшихся норм изучения и охраны культурного наследия. Е. Е. Кёлер, который путал византийские, итальянские и крымскотатарские архитектурные постройки, предложил памятники первой группы привести «единожды в хорошее состояние и в оном содержать». О полном

непонимании ученым-антикваром самобытности и важности сохранения памятников истории и культуры Крымского ханства свидетельствует его предложение снести «ветхий» дворец крымских ханов в Бахчисарае, а вместо него построить каменный, меньших размеров, в восточном «вкусе». Памятники второго класса, по мнению ученого, «будучи охраняемы от разрушения, могут существовать целые веки». Обратив внимание на усиленное разрушение памятников крымскотатарской культуры, Е. Е. Кёлер заметил, что правительство должно запретить порчу архитектурных памятников независимо от того, какому народу они принадлежат [12].

Достижением экспедиции стало принятие 4 июля 1822 года высочайшего повеления «О средствах к сохранению древних достопамятностей Тавриды» [13]. На это было выделено десять тысяч рублей. Однако такой суммы было достаточно только для ремонта бань в Феодосии. Реставрация евпаторийской мечети, к слову, требовала четырнадцать тысяч рублей, балаклавских укреплений – семь тысяч. На заседании Конференции Академии наук 4 сентября 1822 года Е. Е. Кёлер зачитал доклад «О реставрации крымских памятников» [14]. Итогом изучения памятников материальной культуры Крыма стал и ряд монографических исследований Е. Е. Кёлера, сделанных в последующие годы [15]. Правительство же декларировало памятникоохранительные мероприятия: 4 июля 1822 года на основе записки министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына от 17 апреля (№ 1219), составленной по выводам Е. Е. Кёлера, были приняты «Положения Комитета Министров о сохранении памятников древности в Крыму».

Экспедиции по изучению различных сторон жизни полуострова в конце XVIII – начале XIX века, организованные Петербургской академией наук, стали начальным этапом в изучении памятников истории и культуры народов Крыма. Впервые были представлены природно-географические описания края; проведена первичная каталогизация и описание наиболее примечательных крымских древностей; благодаря деятельному участию ученых поставлен вопрос о сохранении памятников в Крыму и приняты соответствующие правительственные постановления, что позволило спасти от разрушения многие древние монументы и сохранить их до наших дней; руководители экспедиций сделали попытки представить первые очерки истории Крыма (В. Ф. Зуев) либо изложить отдельные исторические сюжеты, связанные с археологическими находками (Е. Е. Кёлер, П. С. Паллас); на основании изучения на месте древних памятников появились первые в российской историографии крымоведческие исторические сочинения высокого научного уровня (Е. Е. Кёлер); заложены основы развития научной крымоведческой этнографии. Записки академических экспедиций (В. Ф. Зуев, Е. Е. Кёлер, П. С. Паллас) содержат богатейший первичный материал по этнографии караимов и крымских татар в первые десятилетия после присоединения Крыма к России. Специальные научные исследования (И.-Г. Георги, А. М. Шёгрэн) стали базой для дальнейших штудий в этом направлении; издание трудов-отчетов об экспедициях (В. Ф. Зуев, П. С. Паллас, И. Я. Ф. Паррот, М. Ф. Энгельгардт) на русском и других европейских языках способствовало распространению научной информации о полуострове, установлению научных контактов с зарубежными учеными обществами; ещё в

большей степени открывало дорогу в Крым западноевропейским исследователям; во время экспедиций составлены подробные карты Тавриды. Значительную роль в этом играл Географический департамент Академии наук. Следовательно, экспедиционную деятельность Петербургской академии наук по изучению Крыма нельзя ограничивать перечисленными крупными научными путешествиями. Организовывались и специальные поездки для составления географических карт, на которые наносились уникальные исторические памятники, что способствовало развитию исторического крымоведения; опубликованные и рукописные труды экспедиций являются сегодня интересными источниками о различных сторонах жизни Крыма в конце XVIII – начале XIX века, и прежде всего о памятниках истории и культуры, которые не сохранились либо подверглись частичному разрушению. Экспедиционное изучение Крыма также способствовало популяризации знаний о крае, благодаря чему Крым вскоре стал местом паломничества многочисленных отечественных и зарубежных путешественников.

Екатерининский век, с которого и начинается активное посещение Крыма отечественными и иностранными гостями, вообще характерен интересом ко всему, связанному с Востоком. России сопутствовала удача в войнах с Османской Портой, усилились ее позиции в Закавказье, появились планы дальнейшей экспансии в Среднюю Азию и даже в Восточную Индию [16, с. 4]. Дипломатическое и военное продвижение Российской империи на Восток способствовало самому пристальному вниманию к этим районам не только в стране, но и за ее пределами, особенно в Европе. Присоединенное в 1783 году Крымское ханство представляло яркий пример типичного восточного государства, которое навеивало соответствующий романтический ореол. Непосредственным толчком, вызвавшим затем первую волну путешествий в Крым, стала поездка сюда российской императрицы в 1787 году в сопровождении многочисленной свиты и европейских дипломатов. Специально выпущенный по этому случаю путеводитель, воспоминания о поездке с подробным описанием Тавриды, подготовленные принцем де Линем и французским послом графом Сегюром, которые уже в начале XIX века увидели свет в русской редакции, – все это должно было способствовать не просто пробуждению интереса к вновь приобретенным землям, а поощрять (пример был показан) путешествия сюда российской элиты.

Появившиеся в этой связи многочисленные записки-отчеты путешественников являются разновидностью мемуаров. Они зачастую выглядели в виде дневника, описывающего мелочи жизни изо дня в день, а порой были выражены в форме писем к друзьям. Сочинение могло отличаться серьезностью, практичностью или наоборот быть романтическим, мечтательным, игривым. Многие труды имели документальный характер. Как жанр эти записки в тематическом отношении впитали в себя такие характерные для сентиментализма черты как восхваление жизни близкой к природе, культ дружбы, сельский пейзаж [17].

Из первой волны отечественных путешественников выделим наиболее обстоятельные записки о своем пребывании в Крыму оставил литератор, крупный государственный чиновник Павел Иванович Сумароков (1760–1846), племянник известного русского писателя А. П. Сумарокова. После первой поездки в Крым в

1799 г. П. И. Сумароков опубликовал объемные воспоминания, где поместил историческое и географическое описание края. Хотя эти справки были довольно лаконичными, в записках, по мнению критиков, немало было «полезных указаний для статистики и археологии» [18, с. 643]. Пребывание П. И. Сумарокова в Крыму в начале XIX века было связано с работой в созданной в 1802 году Комиссии для разбора земельных споров на полуострове. Описание этого второго путешествия он озаглавил «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду». Двухтомник вышел в Санкт-Петербурге в 1803–1805 годах. Издание снабжено большим количеством рисунков, описаний памятников, которые исчезли уже к середине XIX века. Рассказывая о поездках по Крыму, автор привел подробные описания городов, очерки культуры и быта народов Крыма. Представляют значительный источниковедческий и историографический интерес путешественные записки – результат экскурсии по Крыму в 1815 году, подготовленное командующим мелкими судами Черноморского флота, впоследствии генералом-майором, Владимиром Богдановичем Броневским (1784–1835), в 1820 году – Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола (1765–1851), в 1825-м – издателя «Отечественных записок» Павла Петровича Свиньина (1788–1839) [19]. Заметной вехой в развитии «литературы путешествий» стали «Очерки России» Вадима Васильевича Пассека (1808–1842) [20].

По справедливому замечанию академика С. Ф. Платонова, который активно курировал крымоведение 20-х годов XX века во второй трети XIX века Крым еще в большей степени стал предметом внимания русского образованного общества и заграничных туристов [21, с. 121–123]. В это время начинает меняться и социальный состав путешественников. Если в конце XVIII – начале XIX века такого рода поездки могли позволить себе лишь состоятельные люди, то теперь среди путешественников можно было встретить больше литераторов, профессоров вузов, чиновников из столиц и администрации Новороссийского края. После того, как Крым в 1816 году посетил путешествовавший с образовательной целью великий князь Николай Павлович, сюда все чаще и чаще приезжали представители царской фамилии. Публикации о поездках в Крым стали массовым явлением в России и за ее пределами [22, с. 38–150].

Первые иностранные путешественники, живописавшие крымские достопримечательности, появляются на территории полуострова задолго до присоединения Крыма к России, однако тот факт, что Крым вышел из-под власти некогда мощной Османской империи и стал частью другой влиятельной державы, дал новый толчок путешествиям на полуостров. Постепенно вояжи становятся многочисленней, маршруты разнообразнее, а состав приезжих – разнороднее. Поначалу в Тавриду приезжали те, кто был связан долгом службы – в основном это члены иностранных дипломатических миссий и послы, стремившиеся удовлетворить любопытство своих суверенов в отношении новых земель России, военные и ученые. Без малого год (в 1786–1787 гг.) в России пробыл креол Себастиан Франсиско де Миранда Родригес (1750–1816) – участник войны за независимость США, французской революции 1789 г. и венесуэльской войны за независимость. Четыре года (с 1785 по 1789 гг.) в России провел посол Людовика

XVI при дворе Екатерины II французский историк и дипломат граф Луи (Людовик) Филипп де Сегюр (1753–1830). В 1787 г. он был в составе свиты, сопровождавшей императрицу Екатерину II в Крым. Богатейший жизненный опыт и склонность к литературным занятиям заставили де Сегюра взяться за перо, в результате чего родились его записки, мемуары и воспоминания – всего 36 томов, три из которых были опубликованы при жизни автора в 1824–1826 гг. Еще одним современником той эпохи был австрийский дипломат при дворе Екатерины Великой Шарль де Линь (1735–1814), который также отправился в крымское путешествие – мероприятие, которое «обещало быть и было грандиозным» – по личному приглашению императрицы. Принц де Линь оставил 34 тома записок под заглавием: «*Mélanges militaires, littéraires et sent mentaires*», написанные в 1795–1804 годах [23]. Написанные от лица высокопоставленных особ, близких к правящим и дипломатическим кругам европейских стран, подобного рода мемуары содержат ценную информацию о характере политических процессов, происходивших при дворе, и о правительственных планах в отношении крымского региона сразу же после включения его в состав империи.

С присоединением Крыма к России в академической среде под влиянием правительственных запросов было определено несколько приоритетных направлений освоения полуострова, среди которых определяющим оставалось его экономическое развитие. Заинтересованная в вовлечении Крыма в международную торговлю, Россия налаживала торгово-дипломатические связи в черноморском регионе. Одновременно в Тавриде появлялись визитеры, задачей которых была инспекция экономического состояния крымских городов. С этой целью в Южную Россию в 1803 г. прибыл барон Жуан де Рейи (1780–1810). Записки Ж. Рейи содержат богатую сведениями историческую составляющую благодаря поддержке со стороны академика П. С. Палласа: автор осветил состояние торговли на Черном море, составил карты, планы и виньетки, написал пространный пассаж об истории края, в котором он опирался на светил истории древности и соответствующей ему современности [24].

Среди исследователей Южной России и Крыма в конце XVIII – первой половине XIX в. особое место принадлежит Фредерику Дюбуа де Монпере (1798–1850) – путешественнику, археологу, этнографу, натуралисту. Он предпринял подробнейшее историко-археологическое изучение памятников древней истории в России – на Кавказе и в Северном Причерноморье. Его сочинение, представляющее собой непревзойденный источник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике, геологии, минералогии, ботанике, не утратило своей актуальности и по сей день, продолжает использоваться исследователями названных направлений [25]. В плеяде ученых путешествий значительно выделяется имя Карла Эмиля Генриха Коха (1809–1879). В 1843 году он посетил Понтийское плоскогорье и побывал в Крыму – в Керчи, Феодосии, Карасубазаре, Симферополе, Бахчисарае, Чуфут-Кале, Иосафатовой долине, Севастополе с древней землей Херсонеса [26]. Особенностью этих и других «ученых» экспедиций была и остается их информативность с точки зрения насыщенности историческими фактами.

Постепенно «открывая» Крым, иностранные путешественники, увлеченные тем, чтобы на карте мира не оставалось более *terra incognita*, стали практиковать образовательные поездки на полуостров. Среди таковых выделяются путешествия в Крым Шарля Жильбера Ромма (1750–1795) и его воспитанника Павла Строганова в 1786 г., а также Эдварда Дэниела Кларка (1769–1822), который побывал в Крыму в 1800 г. со своим воспитанником Дж. Криппсом. Сочинение автора, хотя и изобилует русофобскими замечаниями, чрезвычайно информативно и полно справедливых наблюдений, Кларк был знаком с П. С. Палласом и совершил с ним несколько экскурсий по полуострову [27].

Сведения, добытые путешественниками в ходе поездок, неизменно оказывались в поле зрения тайных разведывательных служб. Зачастую путешественники собственноручно являлись агентами подобных подразделений или просто подозревались в шпионаже. И это неслучайно – испокон веков Крымский полуостров считался своего рода пограничной территорией, неоднократно оказывался неподалеку от театра военных действий в ходе ряда вооруженных конфликтов; вполне закономерно, что определенная часть путешественников отправлялась на юг России и в Крым не ради описания исторических древностей, а как военные писатели – ради изучения тех мест, где проходили или могли проходить военные события. В этой связи заслуживают внимания имена французского монархиста Анри-Александра-Леопольда Кастри де Во (1771–1832) – инженера-топографа, лейтенанта в армии принца Конде, Джорджа Мэтью Джоунса (1785–1831) – военного офицера, путешественника, посетившего южные регионы Российской империи в 20-х гг. XIX в., Джеймса Эдварда Александера, побывавшего наряду с Индией (1824–1825), Персией (1826–1829), Балканами (1829–1830), Португалией (1832–1834), Южной Африкой (1835), Канадой (1841–1855) и в Крыму (в 1829 г. и в мае–июне 1855 г.) [28].

В начале XIX в. наряду с путешествиями одной из форм изучения новых территорий были религиозные экспедиции, которые проводились в рамках миссионерской деятельности. С этими целями в Россию, Правобережную Украину, Крым и Кавказ отправились агенты Британского Общества, среди них были миссионеры Реджинальд Хебер (1783–1826) и Эбенезер Гендерсон (1784–1858), написавший позже подробнейший отчет о поездке, вышедший в виде мемуаров [29]. Труд Э. Гендерсона служит ценным источником, из которого можно почерпнуть сведения по истории, топонимике и этнографии Южной России и Крыма XIX в., статистические данные на тот период (состав и численность населения, количество церквей и учебных заведений в крупных городах России и Крыма); его записки, носящие личностный характер, позволяют по-новому взглянуть на первых лиц губернии, с которыми виделся путешественник. Миссионер не оставил без внимания древности Северного Причерноморья – памятники античности и средневековья, которые он встречал на своем пути.

Сочинения иностранных путешественников во многом носят энциклопедический характер. Они поражают своей полнотой, широтой взглядов авторов, логикой их рассуждений и вместе с тем содержат специфический взгляд на российскую действительность. Чаще это взгляд со стороны «другого», свободный

от привычных штампов или, напротив, скованный определенными клише. Но всегда этот взгляд свежий и интересный, порой недостаточно справедливый, однако указывающий на незаметные русскому разуму факты.

К моменту наступления российского «золотого века путешествий», т.е. к 40-м гг. XIX в., завершился начальный этап знакомства с древностями Северного Причерноморья, появились сочинения «по древней истории Скифии и Сарматии» – Ж.-Б. д'Анвиля, О. де Ла Мотре, Ш. Пейсоннеля, И. Э. Тунмана, купца Н. Э. Клемана. И хотя Крым был еще изучен слабо, интерес к крымской истории уже оформился [30].

Записки путешественников по Крыму стали отдельным пластом в накоплении историко-краеведческих знаний. Различаются как поверхностные, компилятивные сочинения, где превалирует описание праздной курортной жизни, так и обстоятельные работы, написанные с привлечением основных крымоведческих сочинений тех лет, собственными трактовками истории края, сделанными на основе дилетантских археологических раскопок, изучения письменных первоисточников. Благодаря этим работам появились многочисленные описания во многом утраченных объектов культурного наследия на европейских языках, что способствовало их дальнейшему изучению. Готовясь к поездкам, работая над описанием «крымских впечатлений» наиболее просвещенная часть путешественников систематизировала знания, накопленные до этого в научной литературе. Разработка и публикация в воспоминаниях туристов общих исторических очерков Крыма, подготовка разделов, связанных с историей отдельных городов или памятников способствовали популяризации истории края. Записки путешественников, приложенные к ним и изданные отдельно виды, рисунки, фотографии являются для нынешнего поколения исследователей важным историческим источником. Материалы, собранные путешественниками, стали базой для более фундаментальных исследований Крыма в дальнейшем [31].

Целая эпоха в историческом крымоведении связана с научными изысканиями академика Петра Ивановича Кёппена (1793–1864), который увлеченно занимался изучением широкого круга лингвистических, библиографических, этнографических и исторических проблем. В первой четверти XIX века видный российский государственный деятель Николай Петрович Румянцев (1754–1826) объединил вокруг себя блестящую плеяду ученых, куда был приглашен и П. И. Кёппен, заняв там особое место. Молодой чиновник быстро вошел и в круг столичных литераторов. В 1819 году П. И. Кёппен получил задание провести ревизию почтовых станций по Белорусскому тракту до Крыма и Кавказа. С этой командировкой связано первое его посещение Южного берега Крыма, который произвел на ученого неизгладимое впечатление. В Крыму П. И. Кёппена заинтересовали многочисленные археологические памятники. Интерес вызвали и этнографические особенности населения. Первые научные публикации в области истории древнего Причерноморья принесли ученому заслуженное признание европейской науки. В 1825 году в Тюбингенском университете он получил степень доктора философии, а в следующем году Российская академия наук избрала его своим членом-корреспондентом [32].

Дальнейшие изменения в служебной карьере Петра Ивановича были связаны с назначением его друга Христиана Христиановича Стевена главным инспектором шелководства Юга России. Желая служить в ведомстве Х. Х. Стевена [33], П. И. Кёппен в 1827 году перевелся в подотдел МВД, который занимался вопросами сельского хозяйства и переехал в Крым [34]. В 1829 году он получил давно желанную должность помощника главного инспектора шелководства, садоводства и виноделия [35].

По заданию Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова в 1833 г. П. И. Кёппен начал работу над проектом первого фундаментального историко-этнографического описания Крыма. Издание планировалось осуществить в четырех томах. Первый том предполагалось посвятить каталогизации древностей Южного берега Крыма и Крымских гор; во втором – дать перечень селениям Таврической губернии; в третьем – топографическую информацию о Южном берегу Крыма и горной части полуострова, а в четвертом – поместить историко-географические материалы: список крымских ханов, указатель температур крымских рек и ключей, шкалу высот над уровнем моря и ряд других очерков [36]. С подготовкой этого труда связан ряд опубликованных и оставшихся в рукописи путешественных записок П. И. Кёппена [37]. Сохранилась переписка П. И. Кёппена с М. С. Воронцовым, где исследователь сообщал о ходе работ по подготовке издания [38].

По поручению М. С. Воронцова непосредственную помощь в подготовке книги Петру Ивановичу оказывал таврический губернатор Александр Иванович Казначеев, который приложил все усилия для «приведения в исполнение чрезвычайно полезного мероприятия» [39]. Благодаря архивным разысканиям А. И. Маркевича в 1914 году была опубликована переписка П. И. Кёппена с А. И. Казначеевым (конец 1835–1836 годов), где речь идет о сборе материалов для четырехтомника [40]. А. И. Казначеев принимал активное участие и в редактировании рукописи. Он занимался проверкой правильного написания названий селений, рецензировал «Указатель» к карте Южного берега Крыма. Карта готовилась как отдельное издание. С приложением «Указателя» она увидела свет в 1836 году. Её появление было чрезвычайно актуально, так как предыдущий тираж общедоступной карты Крыма, составленной генерал-майором Мухиным, датировался 1817 годом [41]. Она была полна неточностей в написании названий населенных пунктов. Текст, сопровождавший предлагаемую П. И. Кёппеном новую карту, включал алфавитный и географический указатели, а также перечисление ошибок, допущенных в карте Мухина [42]. На выход в свет карты и указателя откликнулась главная газета Новороссийского края – «Одесский вестник», в публикации которой был отмечен высокий уровень издания и скрупулезная работа, проведенная составителем, по проверке правильности географических и административных названий [43].

Очевидно, М. С. Воронцов оказался не готов профинансировать издание столь объемного сочинения, каким его видел П. И. Кёппен. В итоге свет увидел лишь первый из планируемых четырех томов, который получил общеевропейскую известность как «Крымский сборник». Такое название было напечатано на его

обложке. Согласно титульному листу книга называется «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» [44]. К оставшимся в рукописи многочисленным материалам ученый смог вернуться лишь в последние годы своей жизни, но так и не успел их издать.

Условно «Крымский сборник» можно разделить на несколько разделов. В первом – «Древности» – приведены описания археологических памятников, сохранившихся в Тавриде, с указанием сведений о них, встречающихся у античных и средневековых авторов. Далее следуют очерки по истории введения христианства в Крым, деятельности Готфийской епархии с указанием древних христианских памятников в Крыму; очерк по развитию Южного берега Крыма под властью Османской империи в средние века и обзор генуэзской эпохи в истории края. Книга содержит алфавитный и географический указатели.

Исследование стало первым обстоятельным систематическим описанием археологических памятников Крыма, их местонахождения и состояния. По их географическому положению историк указал на характерную для средневековья конфронтацию кочевой степи и оседлых земледельцев горных долин. Этим он объяснил выбор места для поселений с учетом возможности организации своей безопасности за счет неприступных гор. Автор привел первое в литературе сравнительное архитектурно-археологическое обследование христианских культовых сооружений в Крыму (греческих и армянских), зафиксировал существовавшие средневековые некрополи. Последние факты имеют для современных исследователей особое источниковедческое значение, так как именно эти памятники более всего пострадали вследствие хозяйственной деятельности [45].

В «Крымском сборнике», как и в других работах ученого, проявился характерный для него метод археологического картографирования. Первостепенное значение при этом уделялось предварительному тщательному осмотру местности, где находились древние памятники. Систематизируя информацию о древностях, П. И. Кёппен смог определить крайнюю южную границу распространения каменных надкурганных изваяний половецкого типа, которая документирована памятниками в нижнем течении реки Качи, близ Бахчисарая. До сих пор это свидетельство остается решающим при определении глубины проникновения команов в Тавриду в XI – XVIII веках [46].

Появление «Крымского сборника» вызвало несколько положительных рецензий, в которых подчеркивалась научная значимость сочинения, его важность для развития археологии и топографии, отмечалась необычная широта охвата источников и высказывались пожелания автору продолжить свой труд последующими выпусками [47]. Высокую оценку изданию дали корифеи отечественного крымоведения – современники автора и представители последующих поколений исследователей [48]. Так, известный археолог, нумизмат и геральдист Б. В. Кёне (1817–1886) отметил, что книга содержит «превосходные известия о Крыме» [49]. А. И. Маркевич в 1914 году констатировал, что «Крымский сборник» «до сих пор представляет незаменимое пособие для всех, занимающихся древностями и историей Крыма» [50].

В 1840 году свет увидел немецкий сокращенный вариант «Крымского сборника», вышедший под названием «Tauića». Он содержал описание наиболее выдающихся археологических памятников полуострова [51].

Становление русской науки о классических древностях Северного Причерноморья прошло несколько этапов. В конце XVIII века был разработан междисциплинарный, «экосистемный» подход в памятниковедении, выразившийся в подготовке как описаний культурного наследия, так и подготовке картографических материалов, сохранивших научную значимость до наших дней. В первой трети XIX века наравне с самоосознанием археологии как отдельной науки о древностях, шло открытие, фиксация, накопление и публикация информации о крымских памятниках. Как ученых, так и дилетантов привлекали многочисленные остатки объектов материальной культуры, надписи, монеты. В среде российского образованного общества формировалась группа ценителей античного культурного наследия. Это были военные, духовные лица, моряки, гидрографы, чиновники, которые самостоятельно проводили многочисленные раскопки, носившие большей частью грабительский характер и не сопровождавшиеся какой-либо документацией. Появление в России нового высокообразованного поколения исследователей Крыма привело к формированию столичного и провинциальных центров по изучению крымских древностей в Санкт-Петербурге (Е. Е. Кёлер, П. И. Кёппен), Одессе (И. П. Бларамберг, Э. В. Тетбу де Мариньи) и Керчи (А. Б. Ашик, П. П. Дюбрюкс, Д. В. Карейша, И. А. Стемповский). Открытие в 1830 году богатого склепа в кургане Куль-Оба положило начало систематическим «разрытиям», а позже раскопкам на территории бывшего Боспорского царства. Приход в науку нового поколения исследователей, понимающих важность объединения усилий для сбора, изучения и охраны древних объектов, группировавшихся вокруг Одесского общества истории и древностей (с 1839 г.) и Русского археологического общества в столице (с 1846 г.) завершило процесс оформления крымоведческого направления в классической российской археологии, и самой классической археологии как науки [52, с. 607–608].

Во второй половине XIX века складываются научные центры по изучению исторического крымоведения в Санкт-Петербурге (Н. И. Веселовский, Б. В. Кёне, В. В. Латышев, М. И. Ростовцев, В. Д. Смирнов, Д. А. Хвольсон и др.), Москве (А. А. Авдеев, В. А. Гордлевский, А. В. Орешников, М. П. Погодин, Д. М. Струков и др.), Одессе (П. В. Беккер, Ф. К. Брун, Н. Н. Мурзакевич, Н. И. Надеждин, В. Н. Юргевич и др.) и местный (в Крыму вокруг созданной в 1887 году Таврической ученой архивной комиссии) [53].

Особенное развитие исследование различных аспектов крымоведения получило в столице Новороссийского края – Одессе, где ещё в первые десятилетия XIX века оформился кружок ученых деятелей, увлеченных изучением полуострова. Наличие большого числа просвещенной интеллигенции, определенное влияние на которую оказывали французы-эмигранты, устройство и активное издание здесь сначала на французском, а вскоре и на русском языке, газет и журналов, открытие Ришельевского лицея, вскоре сравненного в правах с университетом, деятельность первых на Юге России научных обществ – все это способствовало развитию

интереса к прошлому края, изучению древностей Северного Причерноморья и неразрывно связанного с ним Крыма. В середине XIX – первые два десятилетия XX века развитие исторического краеведения Крыма в Южной Пальмире было связано с именами П. В. Беккера, Ф. К. Бруна, В. И. Григоровича, Н. П. Кондакова, Ал. И. Маркевича, Ф. И. Успенского, Э. Р. Штерна, В. Н. Юргевича, которые впоследствии прочно вошли в историографические каноны как классики крымоведения.

Изучение статистики, истории и культуры Северного Причерноморья и Крыма в XIX веке неразрывно связано с именем известного европейского ученого из Одессы Ф. К. Бруна (1804–1880). С 5 ноября 1840 года Филипп Карлович – действительный член Одесского общества истории и древностей, а с 14 ноября 1842 года – казначей Общества. Исследователь приобрел в Одессе известность и авторитет скрупулезного знатока края благодаря сотрудничеству в работе Одесского статистического комитета, где ему было поручено вести отчетность о торговле Новороссии и Бессарабии. Таковые сводки ежегодно печатались в краеведческом историко-статистическом сборнике «Новороссийский календарь» и еженедельно в газете «Одесский вестник». В публикациях, основанных на официальных данных, полученных от правительственных учреждений, освещалось состояние экономики края в 40–50-х годах XIX века. Однако со временем Ф. К. Брун стал достаточно критично относиться к данным статистики, считал, что она не отражает реального положения дел. По воспоминаниям современника «он был ученым прежнего типа: глубоко по отношению к себе добросовестный, ничего самому себе не прощавший. Знаток статистики <...> он вдруг разочаровался в ней, отказался от ее преподавания и впоследствии в течение всей своей жизни никак не мог простить себе, что он не только сам думал, но и другим говорил, что статистика – наука».

Постепенно определились основные научные интересы ученого: область топографии и исторической географии. Филипп Карлович вспоминал: «Только с находкой одной древней надписи в селе Коротком в 1856 году деятельность моя была направлена на исследование исторической географии Новороссийского края». В 1857–1858 годах в «Новороссийском календаре» были напечатаны материалы краеведа по древней топографии Северного Причерноморья и Крыма. Ученый привел названия всех крымских городов в разные эпохи, которые ему удалось выявить на различных картах и атласах, сохранившихся в Европе и России.

В «Новороссийском календаре на 1868 (високосный) год» была опубликована статья Ф. К. Бруна «Крымский полуостров около половины XVIII столетия», которая вышла затем отдельной книгой. Основу очерка составляет перевод Ф. К. Бруном статьи из «Записок Венской академии наук», где в свою очередь был помещен перевод на немецкий язык впечатлений турецкого чиновника, побывавшего в Крыму, о природе края и этнографии крымских татар. Совместно с известным краеведом Крыма Г. Э. Карауловым Ф. К. Брун отредактировал перевод с немецкого сочинения П. С. Палласа о поездке в Крым, сделанный М. А. Сосногоровой-Славич, который затем появился на страницах «Записок Одесского общества истории и древностей» с комментариями Ф. К. Бруна.

Специальные научные исследования историк посвятил крымским городам. В «Материалах для истории Сугдеи», мастер исторического описания, Ф. К. Брун придал специальному на первый взгляд вопросу широкое историческое значение. С Сурожем у него связываются полузабытые предания о крещении здесь какого-то князя руссов, в котором Ф. К. Брун усматривал Владимира, рассматривается и подтверждается так любимая им тема о сношениях Руси с Азовским морем и Крымом. История господства в Крыму греков, татар, итальянцев насыщена любопытными фактами, заимствованными у средневековых писателей и путешественников. Открытые в Судакке надписи позволили автору нарисовать живыми красками внутренний строй генуэзских колоний. Обстоятельное сообщение об итальянских колониях в Крыму ученый поместил в «Записках» С.-Петербургской академии наук. На русском и немецком языке был опубликован и его доклад, прочитанный на заседании Историко-филологического отделения Академии наук 16 апреля 1874 г., касающийся истории готов в Черномории, где раскрыты сюжеты политической истории генуэзских владений, княжества Феодоро, история Готской епархии в Крыму. Истории древней Керчи Ф. К. Брун посвятил статью «О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древности и в средних веках». Объяснения различных запутанных сюжетов крымской истории содержит и переписка Ф. К. Бруна с ведущими европейскими и отечественными учеными, которая сохранилась в его личном фонде в Государственном архиве Одесской области [54].

Изучению различных аспектов прошлого Крыма была посвящена научная деятельность «главного работника» Одесского общества истории и древностей (146, с. 368), его секретаря (1875–1883), а затем вицепрезидента (1888–1898) Владислава Норбертовича Юргевича (1818–1898). В многочисленных исследованиях В. Н. Юргевича по истории, эпиграфике, сфрагистике, нумизматике Крыма выделяется несколько приоритетных направлений. На первом этапе его деятельности на юге ученого интересовали эпизоды средневековой истории полуострова, связанные с пребыванием здесь итальянцев. По поручению Одесского общества истории и древностей В. Н. Юргевич совершал ежегодные поездки в Крым с целью осмотра состояния, каталогизации и описания памятников. Летом 1861 года в Судакке, Феодосии и Балаклаве историк занимался исследованием сохранившихся генуэзских письменных памятников. Большое число ранее неизвестных генуэзских надписей он открыл в развалинах Судакской крепости в 1863 году. В этом же году он обследовал окрестности Балаклавы и Феодосии и представил Обществу подробное описание остатков древностей и найденных монет.

Вопросом изучения эпиграфических памятников, генуэзских надписей были посвящены первые научные исследования В. Н. Юргевича в Одессе. Безусловно, важной археографической публикацией стал перевод и подготовка им к изданию «Устава для генуэзских колоний в Черном море, изданного в Генуе в 1449 году», к которому В. Н. Юргевич также составил подробные примечания. В 70-х гг. XIX внимание ученого сосредоточилось на Феодосии, Судакке и Керчи. В 1874 г. исследователь совершил научную поездку в Геную для «обозрения» архива Банка Св. Георгия, который был финансовым хозяином в крымских колониях этого торгового города. Совместно с Н. Н. Мурзакевичем В. Н. Юргевич занимался организацией

Феодосийского музея древностей, активно сотрудничал с его директором Степаном Ивановичем Веребрюсовым. Участие в археологических исследованиях в Керчи, Феодосии и Севастополе стали поводом для ряда публикаций, посвященных проблемам классической филологии, классической эпиграфике, анализу источников по средневековой истории полуострова, обзоров состояния археологических исследований Крыма. Было продолжено изучение нумизматики итальянских колоний полуострова. Особый интерес исследователь проявлял к раскопкам в Херсонесе, которые велись в 70-х гг. XIX в. – 1884 гг. одновременно монахами Херсонесского монастыря и Одесским обществом истории древностей. Неоднократно присутствуя на раскопках В. Н. Юргевич пришел к выводу о необходимости передачи всего Херсонеса под контроль Одесского общества истории и древностей. 9 мая 1876 года он писал Н. Н. Мурзакевичу о необходимости принять Херсонес под патронат Общества, «это поможет обогатить наш музей», – заключал он. Возможности «обогащения» музейных коллекций за счет севастопольских раскопок прекрасно понимали и в Санкт-Петербурге и поэтому раскопки впоследствии были переданы императорской Археологической комиссии.

В. Н. Юргевич был единственным специалистом в свое время, кто вплотную занялся анализом печатей византийского Херсона как источником по истории византийских владений. Ученый занимался сфрагистикой, по выражению искусствоведа Дмитрия Власевича Айналова, проявляя «весьма плодотворную и обширную деятельность специалиста ученого в таких областях, где она необходима и весьма желательна». В 80-е – 90-е гг. XIX в. на первый план в его исследованиях выходит классическая эпиграфика. Почти в каждом номере «Записок Одесского общества истории и древностей» им публиковались новые переводы, комментарии, версии исторических сюжетов, связанных с надписями из Херсонеса и Пантикапея. Постоянно посещая раскопки в Крыму, одесский ученый видел то плачевное положение, которое складывалось здесь в связи с отсутствием музея в Херсонесе, плохой организацией охраны находок. Со своими предложениями он обращался в Археологическую комиссию, выступил с открытым письмом в одной из севастопольских газет. Проблемы сохранения архитектурных памятников в Феодосии В. Н. Юргевич постоянно обсуждал с патриотом города И. К. Айвазовским. Совместно с А. Л. Бертье-Делагардом В. Н. Юргевич занимался составлением археологической карты Гераклеяского полуострова. С учетом того, что данное научное исследование нами не выявлено, в том числе и в рукописном виде, особенный интерес представляет сохранившаяся переписка ученых по этому поводу, где они обсуждают отдельные затруднения при составлении карты и комментарии к ней.

К корпусу крымоведческих относится и ряд исторических очерков, составленных В. Н. Юргевичем, а также рецензий и комментариев к работам по истории полуострова, где сказывается безупречное знание источников. Большой информативностью отличаются публикации В. Н. Юргевича, посвященные истории краеведческих исследований в Новороссийском крае и в Крыму. Так, он сделал попытку представить реестр археологических раскопок и открытий, сделанных здесь с конца XVII века до 1839 года. Данная работа не отличается абсолютной

полнотой. Вместе с тем, это было первое специальное исследование, посвященное данной проблеме. Эта же тема, но во всероссийском масштабе, была продолжена им в сообщении для заседания Общества «Об археологии в царствование императрицы Екатерины II». На VI археологическом съезде, проходившем в Одессе, историк предложил вариант специальной программы археологических исследований в крае на ближайшие десятилетия. Занимая ответственные посты в Одесском обществе истории и древностей, В. Н. Юргевич, в силу этого, стал автором обобщающих исследований о деятельности Общества по изучению Новороссии и Крыма. В них указаны лишь выборочные факты деятельности отдельных членов Одесского общества истории и древностей (видимо, сказывался субъективный фактор). Однако эти публикации сыграли значительную роль как первые попытки обзоров истории исторических исследований [55].

Огромный вклад в развитие исторического крымоведения внес крупнейший деятель Одесского общества истории и древностей Николай Никифорович Мурзакевич (1806–1883), характеристике деятельности которого на этом поприще посвящены специальные исследования [56].

Уже к середине XIX века оформляется сначала в Казани, а после перевода Восточного факультета с берегов Волги в столичный университет – в Санкт-Петербурге научное направление по изучению источников по истории средневекового Крыма (И. Н. Березин, В. В. Григорьев, В. Д. Смирнов) [57]. Труды выдающегося российского тюрколога Василия Дмитриевича Смирнова (1846–1922) хорошо известны любому историку средневекового Крыма. Ему мы обязаны комплексными источниковедческими разработками истории средневековой Турции и ее вассала Крымского ханства – крупнейшими крымоведческими работами досоветского периода. В 1870 году В. Д. Смирнов окончил курс обучения в Санкт-Петербургском университете и был оставлен для дальнейшей научной работы на факультете восточных языков. Избрав своей специальностью османский язык, он в 1872 году выдержал экзамен, а в марте 1873-го защитил диссертацию на степень магистра по теме «Кучибей Гёмюрнджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции», которая была опубликована в том же году. В мае 1873 года Советом университета В. Д. Смирнов избран и утвержден в звании штатного доцента по кафедре турецко-татарской словесности. С этого времени и до самой смерти Василий Дмитриевич преподавал в университете османский язык, историю османской литературы и некоторое время историю Турции [58].

В 1887 году В. Д. Смирнов защитил диссертацию на степень доктора «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века». Диссертация была только частью задуманного В. Д. Смирновым масштабного труда по крымскотатарской истории. Она должна была охватить политическую канву Крымского ханства. Во втором разделе труда предполагалось осветить «внутренний быт и жизнь народа, составлявшего господствующее население этого ханства» [59]. В мае 1888 года В. Д. Смирнов получил звание ординарного профессора кафедры турецко-татарской словесности столичного университета, а еще через год увидело свет продолжение его исследования о политической истории Крымского ханства, характеризующее положение дел в XVIII веке. Оно напечатано в Одессе [60]. Тем

самым программа первой части всеобъемлющего труда о крымских татарах была реализована [61]. В. Д. Смирнову удалось обобщить сведения тюркоязычных источников (средневековых османских и крымских «хроник», большая часть которых до сих пор не переведена) и историографии. Труд В. Д. Смирнова до сегодняшнего дня сохраняет не только историографический интерес, но и ценность как исторический источник. Ориенталист широко раскрыл, прежде всего, политическую историю Крымского ханства. Следуя историографическим канонам своего времени, он предложил детальный очерк об истории правления крымских ханов, междоусобной борьбе между ними и распрях в диване. Широкая программа исследования, намеченная автором, привела к тому, что в книгу был включен «запас накопившихся у него сведений о Крыме», не относящихся к заявленному периоду. Таким является раздел о «политическом состоянии Крымского полуострова со времени проникновения в него тюркской народности до образования особого татарского ханства», который занимает 208 страниц. Изложенные в нем сведения производят впечатление отрывочных и случайных. О масштабности задумки изложения крымскотатарской истории свидетельствуют и сохранившиеся рукописные материалы к книге [62]. Ученый прибегал к пространным отступлениям, которые порой отводили внимание читателя от главного сюжета. Говоря, например, об образовании Крымского ханства, автор указал на «неопределенность» в этом вопросе – трудности в четкости изложения в связи с тем, что эта проблема недостаточно описана в источниках. Тут же он привел полное содержание сочинения Менедджим-баши по этой проблеме, вместо того, чтобы ограничиться основными тезисами этого труда или просто ссылками на него. В другом случае, размышляя над именем «Хаджи-Гирей», В. Д. Смирнов поместил тексты известных ему легенд и преданий и отклонился от основного сюжета повествования. Как справедливо отметил востоковед, коллега В. Д. Смирнова по профессорской корпорации Санкт-Петербургского университета Николай Иванович Веселовский, «Смирнов, освещая политическую историю ханства, собрал массу сведений, прямо к делу не относящихся, и не хотел поступиться ими», перегрузив фактическим материалом свою работу [63]. В рецензии, помещенной в другом издании, этот же автор, развивая свою мысль о перенасыщении работы второстепенными фактами, заметил, что «из желания дать по возможности большее количество материала, автор <...> помещает все, что удалось ему добыть; от того в труде его не всегда замечается соразмерность подробностей при изложении событий в ханстве» [64]. Профессор Н. И. Веселовский вместе с тем констатировал, что любая рецензия на монографию В. Д. Смирнова будет «не в состоянии достигнуть <...> желательной полноты: так обширен труд г. Смирнова, такие разнообразные вопросы затрагивает он, что полный критический разбор этого исследования не возможен одному специалисту без проделания той же работы, которую проделал сам автор» [65, с. 168].

Новое широкоформатное исследование сразу же обратило на себя внимание специалистов. Слишком значима была новизна – введение в научный оборот неизвестных восточных материалов. Бывший профессор Харьковского университета, сотрудник Археографической комиссии Министерства народного

просвещения Г. Ф. Карпов в отзыве, направленном В. Д. Смирнову, достаточно резко критиковал его за перенасыщение книги «ненужным» фактическим «мусором», называл его сочинение во многом не историческим, а «филологическим исследованием» [66]. Другие рецензенты, напротив, с восторгом воспринимали наличие в книге В. Д. Смирнова большого фактического материала [67; 68]. Труды Смирнова по истории Крымского ханства не без основания признавались «энциклопедическим сборником по части крымской мусульманской старины» [69, с. 410; 70]. В столь обширном материале не обошлось и без фактических ошибок, наиболее пространный перечень которых привел в своих рецензиях Н. И. Веселовский [71, с. 175–178]. Вместе с тем и современники, и последующие поколения ориенталистов обращаются к трудам В. Д. Смирнова как к главному арбитру для решения научных споров, как к основному справочному пособию по средневековой истории Крыма, уникальному своду исторических источников.

Характерной чертой крымоведческих сочинений В. Д. Смирнова является то, что в них мало внимания уделено истории социально-экономического развития Крымского ханства. Исследователь не касался вопросов развития промыслов, сельского хозяйства, социальных отношений. Лишь изредка упоминал о социально-экономическом аспекте политики отдельных ханов. В то же время он попытался вывести причины военной агрессивности ханства из специфики его экономики. По мнению В. Д. Смирнова, в Крымском ханстве промышленность и торговля были развиты слабо и находились в руках нетатарского населения, а хроническая бедность кочевников-скотоводов вынуждала их искать выход в набегах на соседние земли. И хотя в этих рассуждениях есть доля истины, вряд ли все можно свести только к указанным факторам. Понимая это, историк отошел от существовавшего в первой половине XIX века примитивного объяснения внешней агрессивности Крымского ханства исключительно интересами обогатиться за счет соседей. Он верно полагал, что внешняя политика крымских ханов имела далеко идущую цель – не допустить усиления ни Московии, ни Польши, а как следствие уже – обеспечение безопасности северных границ Крымского ханства и, кроме того, возможность «зачастую безнаказанно грабить лежащие к югу территории» [72, с. 555].

В фундаментальных штудиях В. Д. Смирнова о Крымском ханстве положено начало обсуждению важного и до сих пор дискутируемого вопроса о степени самостоятельности (или зависимости от Порты) политики крымских ханов. Как утверждал автор, внешняя политика Крымского ханства была «отражением оттоманской политики». От Оттоманской Порты зависело, кто будет сидеть на престоле в Бахчисарае [73, с. XXXI]. Влиянию Оттоманской Порты, действовавшей через властвовавшую династию Гиреев и через собственных представителей, сидевших в турецкой Кафе и других крепостях, историк приписывал основные внешнеполитические действия Крымского ханства. Власть крымских ханов оценивалась им как «временное поручение, продолжительность которого зависела от степени благоволения и доверия старшего к своему подручнику» [74, с. 306]. Базируясь большей частью на турецких и крымских источниках и рассматривая в основном внутреннюю историю Крыма, историк, к сожалению, обходил русско-крымские отношения, что считается определенным упущением его труда. Защищая

избирательный источниковый подбор В. Д. Смирнова, Н. И. Веселовский отмечал: «Ориенталист, задумавший разработать историю Крымского ханства, должен, по нашему убеждению, извлечь все, решительно все, что есть существенного по этому отделу в источниках восточных, то есть источниках самых важных, а именно крымских, которых немного, и турецких, которых имеется достаточное количество» [75]. По степени научного подхода к истории Крымского ханства, по справедливому замечанию В. А. Гордлевского, «Смирнов после Хаммера был первый тюрколог, и не только, разумеется, в России, но и на Западе» [76, с. 414].

Значительными были разносторонние наработки крымского научного коллектива историков, который на протяжении многих лет возглавлял председатель Таврической ученой архивной комиссии Арсений Иванович Маркевич (1855–1942) [77]. Итоги краеведческих изысканий в 1887–1920 годах нашли отображение в публикациях 57 номеров «Известий Таврической ученой архивной комиссии» – 10241 страница научного текста, более чем 400 научных докладов, статей и монографий исторического и археологического характера и большое количество документального материала по истории Крыма. В первые годы издания «Известия» представляли собой небольшие по объему журналы, которые выходили нерегулярно. В дальнейшем они превратились в солидное научное издание как по объему, так и по содержанию. Авторами благодаря подвижнической деятельности А. И. Маркевича, становились не только местные краеведы, но и крупные отечественным ученые-крымоведы из академических центров России: Д. В. Айналов, М. Н. Бережков, Н. И. Веселовский, М. В. Довнар-Запольский, Х. И. Кучук-Иоаннесов, В. В. Латышев, Н. И. Репников, М. И. Ростовцев, В. Д. Смирнов, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов и др. На страницах «ИТУАК» впервые увидели свет многочисленные публикации архивных документов. Наиболее интересные из них: «Камеральное описание Крыма», подготовленное в 1784 году по поручению командующего русскими войсками в Крыму И. А. Игельстрема, ордера князя Г. А. Потемкина и графа П. А. Зубова руководителям Таврической области С. С. Жегулину и В. В. Коховскому; дипломатические документы Крымского ханства и др. [78, с. 75–84].

Смена политического строя в государстве не могла не сказаться на изменении как коллектива ведущей крымоведческой группы исследователей, так и тематики изучаемых тем. Старое, опытное, авторитетное и признанное поколение историков, которое олицетворял, прежде всего, Арсений Иванович Маркевич, было отеснено на второй план, а на первые роли в образованных структурах по изучению и охране культурного наследия (КрымОХРИС), Крымском университете (факультет общественных наук, который несколько раз трансформировался до организации в 1934 году исторического факультета пединститута) и во вновь образованных научных общественных организациях вышли новые персонажи. Многие из них достойно продолжили дело досоветской волны крымоведов. В меру сил и допуска к научным изданиям работали и старые крымоведы. По требованию властей в 1923 году Таврическая ученая архивная комиссия была переименована в Таврическое общество истории, археологии и этнографии (1923–1931), которым продолжил руководить А. И. Маркевич, передавший на последнем этапе существования этой

организации бразды правления Н. Л. Эрнсту. Общество постаралось сохранить лучшие традиции ТУАК. Продолжались активные коммуникации крымских исследователей и представителей академических центров. Свет увидели четыре выпуска «Известий». Однако, содержание и состав авторов, редакторов последнего том «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии» явно демонстрирует изменение приоритетов исследований и усиление идеологической цензуры [79, с. 151–194].

В период качественно нового этапа в развитии историко-краеведческих исследований в СССР развернулась деятельность крупнейшего для 20-х годов XX столетия крымоведческого центра – Российского общества по изучению Крыма (РОПИК, 1922–1932). Инициатива представителей академических научных кругов Москвы и Ленинграда, наряду с предложениями краеведов непосредственно на территории Крымской АССР, была поддержана государственными учреждениями сферы образования, науки, культуры, музейного и курортного строительства, памятникоохранительной работы.

В истории РОПИК выделяется четыре основных этапа. Первый – октябрь 1922 – осень 1925 года – основание и начальный этап деятельности Общества: проведение учредительного собрания РОПИК, формирование руководящих органов, регистрация в органах НКВД и Наркомпроса в Москве, принятие первой редакции устава Общества, становление наиболее крупного Московского отделения организации, начало формирования сети региональных отделений в городах Крымской АССР, основание и начало издания научного журнала «Крым» (1925–1929), издание путеводителя «Крым» (1925 г., Москва). Осень 1925 – сентябрь 1927 года – второй период – время организационных преобразований РОПИК: разработка новой редакции устава организации, проведение первого съезда РОПИК в апреле 1927 г., преобразование организации во всесоюзное Общество по изучению Крыма (ОПИК), перераспределение полномочий между Правлением организации в Симферополе и Правлением Московского отделения РОПИК в пользу местных краеведов. Третий этап – активная деятельность региональных отделений РОПИК в 1926–1928 годах: проведение крымоведческих мероприятий отделениями общества в городах Крыма, оформление исследовательской специфики в работе активистов (исследования истории и археологии, этнографические штудии, приоритет изучения экономического потенциала региона в связи с началом реализации индустриализации), проведение комплексной экспедиции на Керченский полуостров Московским отделением РОПИК летом 1928 г. Заключительный период – 1929 – январь 1932 года – время сворачивания краеведческого движения в СССР, прекращение издания журнала «Крым» (с 1930 г.), снижение активности отделений ОПИК, проведение второго съезда ОПИК в Симферополе в декабре 1929 года, издание «Бюллетеня ОПИК» в Симферополе (1929 г.), самороспуск ОПИК и его вступление в состав Крымского областного бюро краеведения в 1932 г.

Плодотворная работа РОПИК, формирование значительного научного наследия организации стали возможными благодаря синтезу усилий и исследовательских интересов выдающихся представителей академических научных центров Москвы и Ленинграда (А. С. Башкиров (1885–1963), Г. А. Бонч-Осмоловский (1890–1943),

И. Н. Бороздин (1883–1959), Б. Ф. Добрынин (1885–1951), А. А. Крубер (1871–1941), Б. А. Куфтин (1892–1953), Е. Э. Лейтнеккер (1888–1954), Ф. Н. Петров (1876–1973), Н. А. Семашко (1874–1949), Н. И. Тезяков (1859–1925) и др.) и инициативы ведущих местных исследователей (Н. С. Барсамов (1892–1976), У. А. Боданинский (1877–1938), К. Э. Гриневич (1891–1971), А. И. Маркевич (1855–1942), Ю. Ю. Марти (1874–1959), А. И. Полканов (1884–1971), С. А. Усов (1870–1927), В. И. Филоненко (1884–1977), П. Я. Чепурина (1880–1947) и др.).

Предметом историко-краеведческих исследований крымоведов стали отдельные вопросы истории, этнографии, археологии, охраны памятников и библиографии Крыма. Тенденции в этнической политике СССР данного периода, в Крыму проявившиеся в кампании «татаризации», способствовали концентрации внимания исследователей на проблемах этнической истории и этнографии крымских татар, что повлекло за собой определенную избирательность членов Общества в выборе тем исследований.

Научное наследие РОПИК представлено тремя типами публикаций (большая часть которых напечатана в журнале «Крым», а также в научных периодических изданиях Москвы, Ленинграда, Симферополя): теоретическими исследованиями по краеведению (формулирование научных принципов и методов изучения прошлого и настоящего народов Крыма (И. Н. Бороздин, Б. А. Куфтин, И. М. Саркизов-Серазини, В. И. Филоненко), разработка периодизации и концепции древнейшей истории региона (Г. А. Бонч-Осмоловский, Б. С. Жуков) определение задач и перспектив археологического и этнографического изучения полуострова (У. А. Боданинский, И. Н. Бороздин, К. Э. Гриневич, С. А. Гамалов); оригинальными прикладными научными исследованиями, выполненными по результатам экспедиционных, полевых, камеральных исследований, в том числе – сводные отчеты о проделанной научной работе для курирующих государственных учреждений (А. С. Башкиров, Г. А. Бонч-Осмоловский, К. Э. Гриневич, Б. Н. Засыпкин, Б. А. Куфтин, Ю. Ю. Марти, Н. Д. Протасов и др.) и классические научные разработки (Б. П. Вологдин, А. И. Маркевич, С. А. Усов, С. Д. Ширяев). Определялась структура собранных материалов, производилось описание этнографических и археологических памятников, других материалов, полученных в результате штудий; популярными очерками, освещавшими отдельные эпизоды истории Крыма, рассказывавшими о наиболее ярких памятниках: античных городищах Херсонес, Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, мусульманских архитектурных сооружениях Крыма (Ю. Ю. Марти, Е. В. Веймарн и др.) или быте мультикультурного населения полуострова (Б. А. Куфтин).

Итогом разносторонних исследований РОПИК стало появление концепций, касавшихся дальнейшего развития изучения Крыма либо формулировавших интерпретации истории Крыма. Две различные программы этнографического изучения Крыма были представлены И. Н. Бороздиным (Москва, 1927 г.) и В. И. Филоненко (Симферополь, 1929 г.). Основным дискуссионным моментом программ стал принцип приоритетов дальнейшего изучения народов Крыма: избирательный характер этого процесса, первичное изучение культуры и быта крымских татар (И. Н. Бороздин) или плюралистический подход к проблеме,

комплексное внимание исследователей ко всем народностям региона (В. И. Филоненко).

Концепция древнейшей истории Крыма – от момента заселения Крыма человеком до начала Великого переселения народов – была сформулирована Г. А. Бонч-Осмоловским в середине 20-х годов XX века и получила поддержку и подтверждение в более поздних историографических работах по проблеме. Вместе с тем, сворачивание краеведческого движения в стране и репрессии против активных членов Общества в 30-х годах XX века не позволили развить и усовершенствовать названные концепции, на некоторое время вывели самих авторов и их научное наследие из активного научного процесса.

Сосредоточение внимания членов РОПИК на комплексном изучении истории, археологии и этнографии Крыма позволило внести ценный вклад в изучение древнейшей истории Крыма по остаткам материальной культуры: обнаружить древнейшие поселения первобытных людей в крымских пещерах и впервые в СССР исследовать ископаемые останки первобытных людей неандертальского антропологического вида (Г. А. Бонч-Осмоловский), значительно обогатить представления об организации каменной индустрии первобытных людей на основе изучения памятников микролитических культур Южного берега Крыма (Б. С. Жуков); расширить знания об античных и средневековых памятниках и культуре в целом: полевыми археологическими исследованиями памятников Бахчисарая, Евпатории, Керченского полуострова, Севастополя, Старого Крыма, Судака, Феодосии, других регионов Крыма, была установлена периодизация их развития, причины создания, выявлены особенности создания этих памятников, прослежена их связь с культурами синхронного характера, названы заимствования и оригинальные черты (А. С. Башкиров, И. Н. Бороздин, К. Э. Гриневич, Б. Н. Засыпкин, Ю. Ю. Марти, Н. Д. Протасов); в вопросы этнической истории Крыма (А. С. Башкиров, И. Н. Бороздин), в изучение проблемы истории миграции и колонизации Крыма в имперский период: были исследованы и критически проанализированы сюжеты проблемы численности населения Крыма до присоединения региона к Российской империи, прослежена динамика миграционных процессов с конца XVIII до начала XX в., объяснены их причины и закономерности, сформулированы основные их итоги и последствия для развития Крыма (Б. П. Вологдин, А. И. Маркевич, О. С.-А. Озенбашлы, С. А. Усов, С. Д. Ширяев); в штудии по развитию культуры и быта народов региона (У. А. Боданинский, Х. Каралезли, И. М. Саркизов-Серазини) [80].

Послевоенная крымская историография коренным образом отличалась от наработок коллег предыдущих эпох. Депортация с полуострова крымских армян, крымских греков, немцев, крымских татар вынуждала историков замалчивать отдельные периоды или фрагменты истории, по-другому трактовать уже известные факты. Так, в 1951 году увидел свет первый том научно-популярных «Очерков по истории Крыма» [81] Павла Наумовича Надинского (1894–1961), историка-крымоведа, типичного представителя советской партийной номенклатуры. Работа стала первой послевоенной версией истории полуострова, всецело отображающая официально принятые концепции хода исторического процесса в Крыму. Труд был

подготовлен автором по решению (май 1950 г.) Президиума Крымского филиала АН СССР [82, л. 2]. Работа охватывала события на полуострове вплоть до революционных событий 1917 года. Выполняя «государственный заказ» по идеологическому обоснованию депортации отдельных народов и организации заселения полуострова выходцами из центральных областей РСФСР, автор пытался убедить читателя в переоценке роли крымскотатарского населения в социально-экономическом и культурном развитии региона. Нещадной критике была подвержена теория «о крымских готах», не имевшая права на существование после окончания Второй мировой войны. Важнейшей основополагающей идеей издания стал тезис об «историческом праве русского народа на Крым как на свою исконную землю». Тавро-скифские племена внезапно оказались не только историческими предшественниками восточных славян, но и одними из их предков. Подобные построения обосновывались в рамках востребованных тогда суждений Н. Я. Марра. Содержание книги было настолько одиозным, что даже в ту эпоху, когда необдуманно сказанное слово могло стоить не только карьеры, но и жизни ученому, ее раскритиковали.

23–25 мая 1952 года в Симферополе состоялась объединенная научная сессия Отделения истории и философии АН СССР и Крымского филиала АН СССР, посвященная проблемам истории полуострова. Формальным поводом для созыва стало обсуждение концепции только что вышедшего первого тома «Очерков по истории Крыма» П. Н. Надинского. Сессия проходила под общим руководством первого секретаря Крымского областного комитета ВКП(б) П. И. Титова. Участие в работе приняли авторитетные исследователи, среди которых В. И. Абаев, В. Д. Блаватский, Б. Д. Греков, Е. Н. Павловский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов, С. Ф. Стржелецкий, П. Н. Шульц, А. Л. Якобсон и др. [83, с. 10]. Одним из докладчиков тогда был и молодой преподаватель Крымского пединститута, фронтовик Сергей Анатольевич Секиринский (1914–1990).

Главной задачей авторитетного собрания была заявлена выработка новой парадигмы в освещении истории и археологии Крыма после развенчания основных постулатов «учения Н. Я. Марра», в связи с чем утратил свою актуальность ряд основополагающих построений и концепций в отечественной исторической науке. Официально принятая партийным руководством автохтонная теория происхождения восточных славян от скифов, провозглашающая историю Крыма неотъемлемым звеном русской истории, обоснованная в рамках лингвистической яфетической теории академика Н. Я. Марра, теперь требовала коренного пересмотра. При этом незыблемым должен был оставаться тезис о том, что Крым является исконно славянской (русской) территорией. Массовое заселение опустошенных после депортации крымских сел и городов выходцами из России в послевоенный период требовало от советской идеологии обоснования славянских корней древнего населения Крыма. Это позволило бы увидеть в миграционных процессах, санкционированных государством, «победу исторической справедливости».

Историк М. Ю. Брайчевский, присутствовавший на сессии в качестве наблюдателя от Института археологии АН УССР, вспоминал: «Обстановка на

сессии была очень напряженной, а порой перерастала в истерическую» [84, с. 178]. Докладчики переходили от одной крайности к другой. Полные тексты двух докладов Б. А. Рыбакова в дальнейшем не были опубликованы (изданы лишь краткие тезисы [85]). В них «Черное море, названное «русским», выступило внутренним озером Руси. Славянскими территориями были аттестованы не только Крым и Тамань, но и Кавказ, Малая Азия, Балканский полуостров. У докладчика выходило, что главной ошибкой являлась не переоценка исторической роли славянства на юго-востоке Европы, а ее недооценка. Изложенные концепции превзошли все существовавшие к тому времени заявления» [86, с. 178]. П. Н. Надинский логически верно предположил, что «у некоторых товарищей может возникнуть вопрос: «Почему раньше не находили славянских древностей?» И тут же сам предложил на него оригинальный ответ: «Да потому, что славян в Крыму никто не искал, априорно считая, что здесь их и быть не могло!» [87, л. 141].

На сессии была признана неверной активно пропагандировавшаяся до того рядом археологов и историков концепция происхождения славян от скифов. Автохтонная теория была полностью отвергнута. Вставший на повестку дня поиск доказательств обитания в Таврике древнего славянского населения заставил отказаться от тавро-скифского автономизма и предложить иные подходы. В результате археологи попали в сложное положение. Отвергалась версия о скифах-славянах. Но тогда необходимо было обнаружить в Крыму славян, пусть не коренных, пусть пришлых. Для обоснования идеи колонизации славянами Крыма стала использоваться миграционная теория.

Со славянским вопросом теснейшим образом переплелась явно надуманная проблема переоценки роли античных, генуэзских колоний и Византии в истории Крыма. Если предположить, что славянские племена были древнейшими коренными жителями полуострова, как это следовало из докладов участников сессии, то именно они должны были играть ведущую роль на протяжении всей истории полуострова. О какой-либо значительной, а тем более прогрессивной роли Византии и генуэзских колоний не могло быть и речи [88, с. 13]. Настало время «разоблачения антинаучных, фальсификаторских теорий буржуазных ученых, извращающих роль Византии в истории Крыма, и дать правильное освещение этого вопроса с позиций марксизма-ленинизма и, прежде всего, вскрыть глубоко отрицательную роль византийской агрессии в Крыму, тормозившей поступательное развитие производительных сил Крымского полуострова» [89, л. 207].

Большое влияние на формирование исторических построений оказала так называемая теория о «крымских готах», споры вокруг которой с новой силой возродились после окончания Второй мировой войны. Научный сотрудник Крымского филиала АН СССР антрополог К. Ф. Соколова сожалела, что эта «теория продолжает иметь место и в настоящее время» [90, л. 44], а также напомнила участникам сессии, что «укоренившиеся мнения, унаследованные от буржуазных историков и археологов, мешают углубленному научному исследованию истории Крыма и направляют историков по ложному пути» [91, л. 47].

Острая дискуссия развернулась вокруг терминологических вопросов, в частности, какому слову отдать предпочтение: «присоединение» Крыма к России

или «воссоединение»? А. И. Неделин задал логичный вопрос: «Что же в конце концов: Крым присоединен, захвачен русскими или же произошло воссоединение древних русских земель с Россией?» [92, л. 313]. Б. Д. Греков после шумных дебатов за закрытыми дверями заявил: «Мы после некоторого обсуждения этого вопроса в своем коллективе пришли к заключению, что наиболее правильным в данном случае будет термин «включение» [93, л. 320]. Подобное заявление было встречено смехом в аудитории.

Главные положения докладов составили основу «Решений» сессии, изданных тиражом три тысячи экземпляров и раздававшихся по отдельным спискам. Надежды на то, что Сессия при обсуждении книги П. Н. Надинского расставит все по своим местам, внесет в обговариваемую проблематику нужные коррективы и разъяснения для преодоления несостоятельных теорий не оправдались. Вопреки полному отсутствию аргументированной доказательной базы представленных псевдоконцепций, работа П. Н. Надинского была, несмотря на ряд замечаний, названа «примерной книгой, которая правильно отражает вопросы истории Крыма» [94, л. 224]. Одним из решений сессии стала рекомендация Крымскому филиалу АН СССР совместно с Институтом истории и Институтом истории материальной культуры АН СССР подготовить с учетом критических замечаний и рецензий второе издание «Очерков по истории Крыма» [95, л. 340]. Показателем признания труда в историографии стало решение Ученого совета Института истории АН СССР о присвоении П. Н. Надинскому степени кандидата исторических наук за это исследование без защиты диссертации [96, л. 3].

Работа П. Н. Надинского вызвала неоднозначную реакцию в научной среде. В рецензии на книгу Е. В. Веймарн отметил: «Мне кажется, что наши знания хода исторического процесса в Северном Причерноморье не дают еще права говорить о Крыме, как о славянской земле» [97, л. 3]. С антинаучной трактовкой этногенеза славян не был согласен и Б. Д. Греков. В письме автору он подчеркнул: «Хочу еще раз напомнить, что кроме славян в Крыму были и другие народности. Учтите это, иначе будет материал для справедливой критики» [98, л. 1].

Рукопись второй части очерков была готова в 1954 году, началась подготовка к ее изданию. Но решения XX съезда КПСС вынудили автора внести в текст серьезные изменения, корректируя его в связи с изменившимися политическими реалиями. Второй том «Очерков», посвященный событиям «революционного лихолетья» в Крыму, увидел свет в начале 1957 года [99]. Над продолжением издания работали сотрудники Института истории АН СССР. Два заключительных тома [100] были изданы уже после смерти Надинского под общей редакцией кандидата исторических наук, бывшего партийного работника, а впоследствии проректора по науке Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе, создавшего и возглавившего там кафедру истории УССР, Ивана Сергеевича Чирвы (1918–1982). Четырехтомные «Очерки по истории Крыма» на десятилетия стали хрестоматийным изданием по истории края. Краеведческие исследования в 60–80-е годы не шли далее подготовки путеводителей и изучения революционного движения.

Список использованных источников и литературы

1. Михайлов В. В. «Ученый-историк» А. В. Ишин и его «вклад» в российское крымоведение // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: «Гуманитарные и социальные науки».– 2016.– № 5.– С. 134–138.– Рец. на кн.: Ишин А. В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах.– Симферополь, 2012.– 384 с.

Mihajlov V. V. «Uchenyj-istorik» A. V. Ishin i ego «vklad» v rossijskoe krymovedenie // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: «Gumanitarnye i social'nye nauki».– 2016.– № 5.– S. 134–138.– Rec. na kn.: Ishin A. V. Problemy gosudarstvennogo stroitel'stva v Krymu v 1917–1922 godah.– Simferopol, 2012.– 384 s.

2. Непомнящий А. А. Вульгарная историография крымоведения // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки».– 2014.– Т. 27(66), № 1.– С. 79–86.– Рец. на кн.: Пашеня В. Н. Историография крымоведения.– Симферополь: ДИАПИ, 2013.– 368 с.

Nepomnyashchy A. A. Vul'garnaja istoriografija krymovedenija // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki».– 2014.– Т. 27(66), № 1.– S. 79–86.– Rec. na kn.: Pashhenja V. N. Istoriografija krymovedenija.– Simferopol: DIAPI, 2013.– 368 s.

3. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. Т. 2: TAURICA ORIENTALIA.– Симферополь, 2008.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 12).– С. 9–64.

Nepomnyashchy A. A. Podvizhniki krymovedenija. T. 2: TAURICA ORIENTALIA.– Simferopol, 2008.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedenija»; Vyp. 12).– S. 9–64.

4. Выписка из путешественных записок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Месяцеслов исторический и географический на 1783 год / Академии наук.– СПб., [Б. г.].– С. 122–169; То же // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы / имп. Академия наук.– СПб., 1790.– Ч. 5.– С. 265–303; Zujef. Nachrichten von der Krim // Neue Nordische Beyträge.– St.-Petersbourg; Leipzig, 1783.– Bd. 4.– P. 249–270; То же // Neues St.-Petersburgisches Journal, vom Jahre 1783.– St.-Ptb., 1783.– Bd. Ersten.– P. 1–29; Zouyef. Réflexion sur le Territoire Taurique and ses environs // Nova Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae, 1785.– St.-Ptb., 1788.– Т. 3, отд. «Historia».– P. 76–80; Pallas P. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794: In 2 bd.– Leipzig, 1803.– Bd. 1.– XVI, 463 p.; Bd. 2.– IV, 460 p. См. русский перевод: [Паллас П. С.] Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах / Пер. с нем. М. С[лавич]; Под ред. Ф. К. Бруна, Г. Э. Караулова // Записки Одесского общества истории и древностей.– 1881.– Т. 12.– С. 62–208; Паллас П. С. Поездки во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань / Пер. с нем. М. С[лавич]; Прим. Г. Э. Караулова // Записки Одесского общества истории и древностей.– 1883.– Т. 13, отд.1.– С. 35–107; Pallas P. S. Tableau physique et topographique de la Tavrerie // Nova acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae, 1792.– Petropoli, 1797.– Т. 10, отд. «Physica».– P. 257–320; Premier rapport de mr. Pallas, 1795 // Nova Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae, 1895–1896.– Petropoli, 1802.– Т. 13, отд. «Histoire».– P. 42–45 Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 годах / Сост. Н. К. Ткачева; Отв. ред. Б. В. Левшин.– М.: Наука, 1999.– 248 с.– (Серия: «Научное наследство»; Т. 27).

Vypiska iz puteshestvennykh zapisok Vasil'ya Zueva, kasayushchikhsya do poluoostrova Kryma. 1782 goda // Mesyatseslov istoricheskii i geograficheskii na 1783 god / Akademii nauk.– SPb., [B. g.].– S. 122–169; To zhe // Sobranie sochinenii, vybrannykh iz Mesyatseslovov na raznye gody / imp. Akademiya nauk.– SPb., 1790.– Ch. 5.– S. 265–303; Zujef. Nachrichten von der Krim // Neue Nordische Beyträge.– St.-Petersbourg; Leipzig, 1783.– Bd. 4.– P. 249–270; То же // Neues St.-Petersburgisches Journal, vom Jahre 1783.– St.-Ptb., 1783.– Bd. Ersten.– P. 1–29; Zouyef. Réflexion sur le Territoire Taurique and ses environs // Nova Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae, 1785.– St.-Ptb., 1788.– Т. 3, отд. «Historia».– P. 76–80; Pallas P. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794: In 2 bd.– Leipzig, 1803.– Bd. 1.– XVI, 463 p.; Bd. 2.– IV, 460 p. Sm. russkii perevod: [Pallas P. S.] Puteshestvie po Krymu akademika Pallasa v 1793 i 1794 godakh / Per. s nem. M. S[lavich]; Pod red. F. K. Bruna, G. E. Karaulova // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.– 1881.– Т. 12.– С. 62–208; Pallas P. S. Poezdki vo vnutrennost' Kryma, vdol' Kerchenskogo poluoostrova i na ostrov Taman' / Per. s nem. M. S[lavich]; Prim. G. E. Karaulova // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.– 1883.– Т. 13, отд.1.– С. 35–107; Pallas P. S. Nablyudeniya, sdelaynye vo vremya puteshestviya

- po yuzhnym namestnichestvam russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh / Sost. N. K. Tkacheva; Otv. red. B. V. Levshin. – М.: Nauka, 1999. – 248 s. – (Seriya: «Nauchnoe nasledstvo»; T. 27).
5. Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. – М.: Наука, 1988. – 468 с.
Vernadskii V. I. Trudy po istorii nauki v Rossii. – М.: Nauka, 1988. – 468 s.
6. Pallas P. Travels through the southern provinces of the Russian Empire in the years 1793 and 1794 / Transl. from the germane: in 2 vol. – London, 1803. – Vol. 2. – P. 215–217; Second voyage de Pallas ou voyages entrepris dans, les gouvernemens méridionaux de l'Empire de Russie, pendant les années 1793 et 1794 / Trad. de l'allemand par de la Boulaye et Tonnelier: In 4 vol. – Paris, 1811. – Vol. 3. – P. 118.
7. Voyage en Crimée // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. Ser. 5. – St.-Ptb., 1826. – Т. 10, отд. «Histoire». – S. 47–48.
8. СПФАРАН, ф. 1, оп. 1А, д. 32, л. 17.
SPFARAN, f. 1, op. 1A, d. 32, l. 17.
9. Köhler H. Mémoire sur les îles et la Course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. – St.-Ptb., 1826. – Т. 10. – S. 531–819; Koehler H. [О керченских древностях] // Recueil des Actes de la seance publique Académie Impériale des Sciences. 29. XII. 1828. – St.-Ptb., 1829. – P. 41.
10. АГЭ, ф. 11, оп. 1, д. 16, л. 1; д. 26, л. 1–2; д. 111, л. 1–732; д. 112, л. 1–267; д. 120, л. 1–12; д. 127, л. 1–31.
AGE, f. 11, op. 1, d. 16, l. 1; d. 26, l. 1–2; d. 111, l. 1–732; d. 112, l. 1–267; d. 120, l. 1–12; d. 127, l. 1–31.
11. О средствах к сохранению достопамятностей Тавриды // Журнал Департамента народного просвещения. – 1822. – Ч. 6. – С. 249–261.
O sredstvakh k sokhraneniyu dostopamyatnostei Tavridy // Zhurnal Departamenta narodnogo prosveshcheniya. – 1822. – Ch. 6. – S. 249–261.
12. СПФАРАН, ф. 1, оп. 1А, д. 33, л. 86–87, 89–90.
SPFARAN, f. 1, op. 1A, d. 33, l. 86–87, 89–90.
13. О средствах к сохранению достопамятностей Тавриды... – С. 249–261.
O sredstvakh k sokhraneniyu dostopamyatnostei Tavridy... – S. 249–261.
14. Летопись Российской академии наук / Оtv. ред. М. Ф. Хартанович. – СПб.: Наука, 2002. – Т. 2. – С. 172.
Letopis' Rossiiskoi akademii nauk / Otv. red. M. F. Khartanovich. – SPb.: Nauka, 2002. – Т. 2. – S. 172.
15. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века). – Симферополь: Доля, 2001. – С. 276–277, 689–693.
Nepomnyashchy A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (konets XVIII – nachalo XX veka). – Simferopol: Dolya, 2001. – S. 276–277, 689–693.
16. Вигасин А. А. Предисловие // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. – М.: Восточная лит-ра, 1995. – С. 3–7.
Vigasin A. A. Predislovie // Puteshestviya po Vostoku v epokhu Ekateriny II. – М.: Vostochnaya lit-ra, 1995. – S. 3–7.
17. Обстоятельный обзор историографии «литературы путешествий» см.: Громенко С. Stepy, morze i góry: польские путешественники конца XVIII – начала XX века о Крыме / Под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего. – Симферополь: Антиква, 2011. – 304 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 14).
Obstoyatel'nyi obzor istoriografii «literatury puteshestvii» sm.: Gromenko S. Stepy, morze i góry: pol'skie puteshestvenniki kontsa XVIII – nachala XX veka o Kryme / Pod red., vstup. st. A. A. Nepomnyashchego. – Simferopol: Antikva, 2011. – 304 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; Vyp. 14).
18. Геннади Г. Н. Список сочинений о Крыме // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1867. – Т. 6. – С. 623–644.
Gennadi G. N. Spisok sochinenii o Kryme // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. – 1867. – Т. 6. – S. 623–644.
19. Броневский В. Б. Обозрение Южного берега Тавриды в 1915 году. – Тула, 1822. – 192 с.; Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. – СПб., 1823. – IX, 337 с.; Свинын П. П. Картины России и быт разноплеменных ее народов: из путешествий П. П. Свинына. – СПб., 1839. – 390 с.

Bronevskii V. B. Obozrenie Yuzhnogo berega Tavridy. V 1915 godu.– Tula, 1822.– 192 s.; Murav'ev-Apostol I. M. Puteshestvie po Tavride v 1820 gode.– SPb., 1823.– IX, 337 s.; Svin'in P. P. Kartiny Rossii i byt raznoplemennykh eya narodov: iz puteshestvii P. P. Svin'ina.– SPb., 1839.– 390 s.

20. Пасек В. В. Очерки России: в 4-х кн.– М., 1838–1840.

Passek V. V. Ocherki Rossii: v 4-kh kn.– М., 1838–1840.

21. Непомнящий А. А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение.– Белгород: Константа, 2018.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 27).– С. 121–123.

22. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века).– Киев, 1999.– 212 с.

Nepomnyashchy A. A. Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitii istoricheskogo kraevedeniya Kryma (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX veka).– Kiev, 1999.– 212 s.

23. Альперович М. С. Франсиско де Миранда в России.– М.: Наука, 1986; Миранда Франсиско, де. Путешествие по Российской Империи / пер. с исп. М. С. Альперович [и др.].– М.: Наука; Интерпериодика, 2001; Segur le Comte P., de. Oeuvres completes de M. le Comte de Segur: Mémoires ou souvenirs et anecdotes: 3 vol.– Paris, 1826.– Vol. 3; Les lettres de Catherine II au prince de Ligne (1780-1796): publiées avec quelques notes par la princesse Charles de Ligne. Bruxelles: G. van Oest, 1924; [Ligne de]. Œuvres choisies littéraires historiques et militaires du maréchal Prince de Ligne avec une notice sur sa vie: in 2 vol.– Genève, 1807. 2 vol.

Al'perovich M. S. Fransisko de Miranda v Rossii.– М.: Nauka, 1986; Miranda Fransisko, de. Puteshestvie po Rossiiskoi Imperii / per. s isp. M. S. Al'perovich [i dr.].– М.: Nauka; Interperiodika, 2001; Segur le Comte P., de. Oeuvres completes de M. le Comte de Segur: Mémoires ou souvenirs et anecdotes: 3 vol.– Paris, 1826.– Vol. 3; Les lettres de Catherine II au prince de Ligne (1780-1796): publiées avec quelques notes par la princesse Charles de Ligne. Bruxelles: G. van Oest, 1924; [Ligne de]. Œuvres choisies littéraires historiques et militaires du maréchal Prince de Ligne avec une notice sur sa vie: in 2 vol.– Genève, 1807. 2 vol.

24. Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire, pendant l'année 1803.– Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806.

25. Du Bois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée: avec un atlas géographique, pittoresque, archéologique, géologique, etc. Vol. 5, 6.– Paris, Librairie de Gide, 1843.

26. Koch K. Die Krim und Odessa : reise Erinnerungen aus dem Tagebuche des Professor Dr. Karl Koch.– Leipzig: Lorch, 1854.

27. Nepomnyashchy A. A., Kravchuk A. S. On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century // Былые годы: российский исторический журнал.– 2018.– Vol. 47. Is. 1.– С. 97–106.

Nepomnyashchy A. A., Kravchuk A. S. On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century // Bylye gody: rossiiskii istoricheskii zhurnal.– 2018.– Vol. 47. Is. 1.– С. 97–106.

28. [Castres le comte, de]. Relation d'un voyage sur le bord septentrional de la mer d'Azof et en Crimée, dans la vue d'y établir une colonie d'émigrés; par le comte de Castres, lieutenant du gendre, actuellement Marechal-de-Camp d'état-major, l'un des commissaires envoys à cet effet par S.A.S. le prince de Condé.– Paris: A. J. Kilian, 1826; Jones G.M. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey; also on the coasts of the sea of Azof and of the Black sea: With a review of the trade in those seas, and of the systems adopted to man the fleets of the different powers of Europe, compared with that of England: [in 2 vol.].– London: J. Murray, 1827. Vol. 2; Alexander J.E. Travels to the seat of war in the east, through Russia and the Crimea in 1829 with sketches of the imperial fleet and army, personal adventures and characteristic anecdotes: in 2 vol.– London, 1830. Vol. 1; Александер Дж. Э. Россия глазами иностранца / пер. с англ. А. Базилевича. М.: Аграф, 2008.

[Castres le comte, de]. Relation d'un voyage sur le bord septentrional de la mer d'Azof et en Crimée, dans la vue d'y établir une colonie d'émigrés; par le comte de Castres, lieutenant du gendre, actuellement Marechal-de-Camp d'état-major, l'un des commissaires envoys à cet effet par S.A.S. le prince de Condé.– Paris: A. J. Kilian, 1826; Jones G.M. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey; also on the coasts of the sea of Azof and of the Black sea: With a review of the trade in those seas, and of the systems adopted to man the fleets of the different powers of Europe, compared with that of England: [in 2 vol.].– London: J. Murray, 1827. Vol. 2; Alexander J.E. Travels to the seat of war in the east, through Russia and the Crimea in

1829 with sketches of the imperial fleet and army, personal adventures and characteristic anecdotes: in 2 vol. – London, 1830. Vol. 1; Aleksander Dzh. E. Rossiya glazami inostrantsa / per. s angl. A. Bazilevicha. M.: Agraf, 2008.

29. Henderson E. Biblical researches and travels in Russia, including a tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus: with observations on the state of the rabbinical and karaite Jews, and the mohammedan and pagan tribes, inhabiting the southern provinces of the Russian empire: with maps and plates by E. Henderson. London: Publ. by J. Nisbet, 1826.

30. Прохорова Т. А. К вопросу об изучении крымских древностей путешественниками первой половины XIX века: экспедиция капитана У. Джесса (1839–1840 гг.) // Причерноморье: история, политика, культура: серия А: Античность и средневековье / Филиал МГУ в г. Севастополе. Севастополь, 2013. Вып. 11(4). С. 14–22; Прохорова Т. А. «Другой Крым»: ретрансляция исторических мифов о России в американской литературе о путешествиях по Крыму в XIX веке // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2015. Т. 1(67), № 3. С. 32–47; Прохорова Т. А. Межэтнические коммуникации в Крыму в первой половине 19 века глазами английского путешественника Э. Спенсера // Проблемы толерантности и современность. Череповец, 2015. С. 81–83; Прохорова Т. А. Древности Крыма в записках дипломата Ж. Рейни: о нумизматической коллекции путешественника // Причерноморье: история, политика, культура. Серия А: Античность и средневековье / Филиал МГУ в г. Севастополе. Севастополь, 2015. Т. 16. С. 75–82.

Prokhorova T. A. K voprosu ob izuchenii krymskikh drevnostei puteshestvennikami pervoi poloviny XIX veka: ekspeditsiya kapitana U. Dzhesa (1839–1840 gg.) // Prichernomor'e: istoriya, politika, kul'tura: seriya A: Antichnost' i srednevekov'e / Filial MGU v g. Sevastopole. Sevastopol', 2013. Vyp. 11(4). S. 14–22; Prokhorova T. A. «Drugoi Krym»: retranslyatsiya istoricheskikh mifov o Rossii v amerikanskoi literature o puteshestviyakh po Krymu v XIX veke // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki». 2015. T. 1(67), № 3. S. 32–47; Prokhorova T. A. Mezhetnicheskie kommunikatsii v Krymu v pervoi polovine 19 veka glazami angliiskogo puteshestvennika E. Spensera // Problemy tolerantnosti i sovremennost'. Cherepovets, 2015. S. 81–83; Prokhorova T. A. Drevnosti Kryma v zapiskakh diplomata Zh. Reii: o numizmaticheskoi kollektzii puteshestvennika // Prichernomor'e: istoriya, politika, kul'tura. Seriya A: Antichnost' i srednevekov'e / Filial MGU v g. Sevastopole. Sevastopol', 2015. T. 16. S. 75–82.

31. Непомнящий А. А., Кравчук А. С. Высшие чиновники Таврической губернии в восприятии иностранных путешественников первой половины XIX века // Новый исторический вестник. – 2018. – № 3(57). – С. 18–41.

Nepomnyashchy A. A., Kravchuk A. S. Vysshie chinovniki Tavricheskoi gubernii v vospriyatii inostrannykh puteshestvennikov pervoi poloviny XIX veka // Novyi istoricheskii vestnik. – 2018. – № 3(57). – С. 18–41.

32. РНБ ОР, ф. 347, оп. 1, д. 50, л. 1.

RNB OR, f. 347, op. 1, d. 50, l. 1.

33. Непомнящий А. А. Из истории изучения Крыма в Петербурге в XIX веке // Невский архив: истор.-краев. сб. – СПб.: Лики России, 2001. – Вып. 5. – С. 186–212.

Nepomnyashchy A. A. Iz istorii izucheniya Kryma v Peterburge v XIX veke // Nevskii arkhiv: istor.-kraev. sb. – SPb.: Liki Rossii, 2001. – Vyp. 5. – S. 186–212.

34. СПФАРАН, ф. 30, оп. 3, д. 264–281; РНБ ОР, ф. 347, оп. 1, д. 1, л. 1.

SPFARAN, f. 30, op. 3, d. 264–281; RNB OR, f. 347, op. 1, d. 1, l. 1.

35. РГИА, ф. 733, оп. 12, д. 490, л. 23 об.–24.

RGIA, f. 733, op. 12, d. 490, l. 23 ob.–24.

36. Непомнящий А. А. Начальный этап каталогизации крымских древностей: первые достижения и неудачи // Пространство и время. – 2015. – № 3. – С. 213–228.

Nepomnyashchy A. A. Nachal'nyi etap katalogizatsii krymskikh drevnostei: pervye dostizheniya i neudachi // Prostranstvo i vremya. – 2015. – № 3. – С. 213–228.

37. Кёппен Ф. П. Биография П. И. Кёппена... – С. 158.

Koppen F. P. Biografiya P. I. Koppena... – S. 158.

38. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения: в 2-х т. – Симферополь, 2006. – Т. 1. – С. 14–38.

Nepomnyashchy A. A. Podvizhniki krymovedeniya: v 2-kh t. – Simferopol', 2006. – T. 1. – S. 14–38.

39. Шарапа В. Ф., Непомнящий А. А. Таврический губернатор А. И. Казначеев // Культура народов Причерноморья. – 1997. – № 2. – С. 226–229.
- Sharapa V. F., Nepomnyashchy A. A. Tavricheskii gubernator A. I. Kaznacheev // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 1997. – № 2. – S. 226–229.
40. Маркевич А. И. К биографии академика П. И. Кёппена // ИТУАК. – 1914. – № 51. – С. 223–240.
- Markevich A. I. K biografii akademika P. I. Keppena // ITUAK. – 1914. – № 51. – S. 223–240.
41. Военно-топографическая карта полуострова Крыма / сост. Мухин. – СПб., 1817.
- Voenno-topograficheskaya karta poluostrova Kryma / sost. Mukhin. – SPb., 1817.
42. Кёппен П. И. Указатель к карте Южного берега Крыма, принадлежащей к Крымскому сборнику. – СПб., 1836. – 70 с.
- Keppen P. I. Ukazatel' k karte Yuzhnogo berega Kryma, prinadlezhashchei k Krymskomu sborniku. – SPb., 1836. – 70 s.
43. А. Т. О новой карте Крыма // Одесский вестник. – 1837. – 24 марта.
- A. T. O novoi karte Kryma // Odesskii vestnik. – 1837. – 24 marta.
44. Кёппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837. – 12, 409 с. – Назв. обл.: Крымский сборник.
- Keppen P. I. O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh. – SPb., 1837. – 12, 409 s. – Nazv. obl.: Krymskii sbornik.
45. См. переиздание книги П. И. Кёппена и «принадлежащей» к ней «Карты Южного Крыма» и «Указателя» к карте // Историческое наследие Крыма. – 2003. – № 1. – Прил.; № 2. – Прил.; 2004. – № 3/4. – С. 143–196.
- Sm. pereizdanie knigi P. I. Keppena i «prinadlezhashchei» k nei «Karty Yuzhnogo Kryma» i «Ukazatelya» k karte // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2003. – № 1. – Pril.; № 2. – Pril.; 2004. – № 3/4. – S. 143–196.
46. Непомнящий А. А. Крымоведческое наследие П. И. Кёппена: опыт биобиблиографической характеристики // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2000. – № 13(52), т. 1. – С. 97–106.
- Nepomnyashchy A. A. Krymovedcheskoe nasledie P. I. Keppena: opyt biobibliograficheskoi kharakteristiki // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo untversiteta im. V. I. Vernadskogo. – 2000. – № 13(52), t. 1. – S. 97–106.
47. Коркунов М. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. – 1837. – № 4, отд. 4. – С. 126–140. – Рец. на кн.: Кёппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837. – 12, 409 с. – Назв. обл.: Крымский сборник; Schott. Über Köppen's Altertümer der Südlichen Krym // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. – Berlin, 1842. – Bd. 2. – S. 105–117. – Рец. на кн.: Кёппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837. – 12, 409 с.
- Korkunov M. [Retsenziya] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1837. – № 4, otd. 4. – S. 126–140. – Rets. na kn.: Keppen P. I. O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh. – SPb., 1837. – 12, 409 s. – Nazv. obl.: Krymskii sbornik; Schott. Über Köppen's Altertümer der Südlichen Krym // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. – Berlin, 1842. – Bd. 2. – S. 105–117. – Rets. na kn.: Keppen P. I. O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh. – SPb., 1837. – 12, 409 s.
48. Мурзакевич Н. Н. Петр Иванович Кёппен // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1867. – Т. 6. – С. 490–492.
- Murzakevich N. N. Petr Ivanovich Keppen // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. – 1867. – T. 6. – S. 490–492.
49. Кёне Б. В. Исследование об истории и древностях города Херсонеса Таврического. – СПб., 1848. – С. 1.
- Kene B. V. Issledovanie ob istorii i drevnostyakh goroda Khersonesa Tavricheskogo. – SPb., 1848. – S. 1.
50. Маркевич А. И. К биографии академика П. И. Кёппена... – С. 232. См. также: Чествование памяти П. И. Кёппена // Крымский вестник. – 1893. – 23 февр.
- Markevich A. I. K biografii akademika P. I. Keppena... – S. 232. Sm. takzhe: Chestvovanie pamyati P. I. Keppena // Krymskii vestnik. – 1893. – 23 fevr.
51. Кёппен. Taurica: als Fortsetzung der Krym'schen Sammlung = Крымский сборник. – Saint-Petersburg, 1840. – 39 с.

52. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.).– СПб.: Наука, 2002.– 676 с.
Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh Yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.).– SPb.: Nauka, 2002.– 676 s.
53. Непомнящий А. А. Историчне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): біобібліографічне дослідження.– Сімферополь: Бізнес-Інформ, 2003.– 456 с.
Nepomnyashchy A. A. Istorychne krymoznavstvo (kinets' XVIII – pochatok XX stolittya): Biobibliohrafichne doslidzhennya.– Simferopol': Biznes-Inform, 2003.– 456 s.
54. Непомнящий А. А. Кримведение в Одессе (середина XIX – начало XX вв.): биоисториографические этюды [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время.– 2016.– Т. 12.– Вып. 1: Кримведение: пространство и время Крыма.– Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_e-ast12-1.2016.51.
Nepomnyashchy A. A. Krymovedenie v Odesse (seredina XIX – nachalo XX vv.): bioistoriograficheskie jetjudy [Jelektronnyj resurs] // Jelektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremja.– 2016.– T. 12.– Vyp. 1: Krymovedenie: prostranstvo i vremja Kryma.– Stacionarnyj setevoj adres: 2227-9490e-aprov_e-ast12-1.2016.51.
55. Там же.
Tam zhe.
56. Непомнящий А. А. Из переписки Н. Н. Мурзакевича и Г. Н. Геннади // Библиография и книговедение.– 2018.– № 6.– С. 44–49.
Nepomnyashchy A. A. Iz perepiski N. N. Murzakevicha i G. N. Gennadi // Bibliografija i knigovedenie.– 2018.– № 6.– S. 44–49.
57. Непомнящий А. А. З історії вивчення джерел середньовічного Криму: І. М. Березин // Историчний журнал.– 2006.– № 3.– С. 74–78.
Nepomnyashchy A. A. Z istoriji vyvchennya dzherel seredn'ovichnoho Krymu: I. M. Berezyn // Istorychnyy zhurnal.– 2006.– № 3.– S. 74–78.
58. Непомнящий А. А. Начало научного этапа разработки источников по истории крымского ханства: В. Д. Смирнов // Золотоордынское обозрение.– 2015.– № 3.– С. 113–142.
Nepomnyashchy A. A. Nachalo nauchnogo etapa razrabotki istochnikov po istorii krymskogo khanstva: V. D. Smirnov // Zolotoordynskoe obozrenie.– 2015.– № 3.– S. 113–142.
59. Веселовский Н. И. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения.– 1889.– № 1, отд. 2.– С. 168–178.– Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века.– СПб., 1887.
Veselovskii N. I. [Retsenziya] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.– 1889.– № 1, otd. 2.– S. 168–178.– Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka.– SPb., 1887.
60. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии.– Одесса, 1889.– 252 с.; То же // Записки Одесского общества истории и древностей.– 1889.– Т. 15, отд. 1.– С. 152–403.
Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty v XVIII stoletii.– Odessa, 1889.– 252 s.; To zhe // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.– 1889.– T. 15, otd. 1.– S. 152–403.
61. Непомнящий А. А. Арсений Иванович Маркевич // Вопросы истории.– 2018.– № 11.– С. 29–48.
Nepomnyashchy A. A. Arsenii Ivanovich Markevich // Voprosy istorii.– 2018.– № 11.– S. 29–48.
62. ИБР РАН, ф. 50, оп. 1, д. 8, л. 1–34.
IVR RAN, f. 50, op. 1, d. 8, l. 1–34.
63. Веселовский Н. И. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения.– 1889.– № 1, отд. 2.– С. 168–178.– Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века.– СПб., 1887.
Veselovskii N. I. [Retsenziya] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.– 1889.– № 1, otd. 2.– S. 168–178.– Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka.– SPb., 1887.

64. Веселовский Н. И. Отзыв о диссертации В. Д. Смирнова «История Крымского ханства» // Протоколы заседаний Совета имп. Санкт-Петербургского университета за первую половину 1887–1888 академического года. – СПб., 1888. – № 37. – С. 24.

Veselovskii N. I. Otzyv o dissertatsii V. D. Smirnova «Istoriya Krymskogo khanstva» // Protokoly zasedanii Soveta imp. Sankt-Peterburgskogo universiteta za pervuyu polovinu 1887–1888 akademicheskogo goda. – SPb., 1888. – № 37. – S. 24.

65. Веселовский Н. И. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. – 1889. – № 1, отд. 2. – С. 168–178. – Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887.

Veselovskii N. I. [Retsenziya] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1889. – № 1, отд. 2. – S. 168–178. – Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka. – SPb., 1887.

66. ГИМ ОПИ, ф. 369, оп. 1, д. 8, л. 3–13.

ГИМ ОПИ, ф. 369, оп. 1, д. 8, л. 3–13.

67. [Рецензия] // Русский вестник. – 1890. – № 8. – С. 248–251. – Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. – Одесса, 1889. – 252 с.

[Retsenziya] // Russkii vestnik. – 1890. – № 8. – S. 248–251. – Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty v XVIII stoletii. – Odessa, 1889. – 252 s.

68. Шмаков И. [Рецензия] // Екатеринославские губернские ведомости. – 1887. – № 98. – 5 дек. – Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887.

Shmakov I. [Retsenziya] // Ekaterinoslavskie gubernskie vedomosti. – 1887. – № 98. – 5 dek. – Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka. – SPb., 1887.

69. Гордлевский В. А. Памяти В. Д. Смирнова (1846–1922) // Гордлевский В. А. Избр. соч.: в 4-х т. – М.: Наука, 1968. – Т. 4. – С. 408–414.

Gordlevskii V. A. Pamyati V. D. Smirnova (1846–1922) // Gordlevskii V. A. Izbr. soch.: v 4-kh t. – M.: Nauka, 1968. – T. 4. – S. 408–414.

70. Иконников В. С. [Рецензия] // Русская старина. – 1888. – № 5. – С. [II]. – Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887.

Ikonnikov V. S. [Retsenziya] // Russkaya starina. – 1888. – № 5. – S. [II]. – Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka. – SPb., 1887.

71. Веселовский Н. И. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. – 1889. – № 1, отд. 2. – С. 168–178. – Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887.

Veselovskii N. I. [Retsenziya] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1889. – № 1, отд. 2. – S. 168–178. – Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka. – SPb., 1887.

72. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887. – С. 209–250.

Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka. – SPb., 1887. – S. 209–250.

73. Там же.

Tam zhe.

74. Там же.

Tam zhe.

75. Веселовский Н. И. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. – 1889. – № 1, отд. 2. – С. 168–178. – Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887.

Veselovskii N. I. [Retsenziya] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1889. – № 1, отд. 2. – S. 168–178. – Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka. – SPb., 1887.

76. Гордлевский В. А. Памяти В. Д. Смирнова (1846–1922) // Гордлевский В. А. Избр. соч.: в 4-х т. – М.: Наука, 1968. – Т. 4. – С. 408–414.

- Gordlevskii V. A. Pamyati V. D. Smirnova (1846–1922) // Gordlevskii V. A. Izbr. soch.: v 4-kh t. – M.: Nauka, 1968. – T. 4. – S. 408–414.
77. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. – 432 с., ил. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 3).
- Nepomnyashchy A. A. Arsenii Markevich: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya. – Simferopol: Biznes-Inform, 2005. – 432 s., il. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; Vyp. 3).
78. Непомнящий А. А. Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX – начале XX века. – Симферополь: Таврида, 1998. – 208 с.
- Nepomnyashchy A. A. Ocherki razvitiya istoricheskogo kraevedeniya Kryma v XIX – nachale XX veka. – Simferopol: Tavrida, 1998. – 208 s.
79. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. – Киев: Стило, 2012. – 464 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 15).
- Nepomnyashchy A. A. Professor Nikolaj Jernst: stranicy istorii krymskogo kraevedeniya. – Kiev: Stilos, 2012. – 464 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 15).
80. Севастьянов А. В. Десять лет на службе краеведения: Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / Под ред. А. А. Непомнящего. – Киев; Симферополь, 2010. – 255 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 13).
- Sevast'yanov A. V. Desyat' let na sluzhbe kraevedeniya: Rossiiskoe obshchestvo po izucheniyu Kryma (1922–1932) / pod red. A. A. Nepomnyashchego. – Kiev; Simferopol, 2010. – 255 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 13).
81. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма: в 2-х ч. – Симферополь: Крымиздат, 1951. – Ч. 1. – 230 с.
- Nadinsky P. N. Ocherki po istorii Kryma: v 2-kh ch. – Simferopol: Krymizdat, 1951. – Ch. 1. – 230 s.
82. ГАРК, ф. Р-3296, оп. 1, д. 443, л. 1–3.
- GARK, f. R-3296, op. 1, d. 443, l. 1–3.
83. Ломакин Д. А. Крымская научная сессия АН СССР 1952 года и развитие крымоведения в середине XX века // Питання історії науки і техніки. – 2009. – № 2. – С. 10–17.
- Lomakin D. A. Krymskaya nauchnaya sessiya AN SSSR 1952 goda i razvitie krymovedeniya v seredine XX veka // Pitannya istorii nauki i tekhniki. – 2009. – № 2. – S. 10–17.
84. Брайчевський М. Ю. Кримська сесія 1952 р. // Ruthenica / Ін-т історії України НАН України. – Київ, 2002. – Вип. 1. – С. 175–184.
- Braychevs'kyu M. Yu. Kryms'ka sesiya 1952 r. // Ruthenica / In-t istoriyi Ukrayiny NAN Ukrayiny. – Kyiv, 2002. – Vyp. 1. – S. 175–184.
85. Рыбаков Б. А. О серьезных недостатках и задачах в изучении истории Крыма // Тезисы докладов на сессии по истории Крыма 24.V.1952 г. – Симферополь: Крымиздат, 1952; Рыбаков Б. А. Славяне в Крыму и на Тамани // Тезисы докладов на сессии по истории Крыма 24.V.1952 г. – Симферополь: Крымиздат, 1952.
- Rybakov B. A. O ser'eznykh nedostatkakh i zadachakh v izuchenii istorii Kryma // Tezisy dokladov na sessii po istorii Kryma 24.V.1952 g. – Simferopol: Krymizdat, 1952; Rybakov B. A. Slavyane v Krymu i na Tamani // Tezisy dokladov na sessii po istorii Kryma 24.V.1952 g. – Simferopol: Krymizdat, 1952.
86. Брайчевський М. Ю. Кримська сесія 1952 р. // Ruthenica / Ін-т історії України НАН України. – Київ, 2002. – Вип. 1. – С. 178–180.
- Braychevs'kyu M. Yu. Kryms'ka sesiya 1952 r. // Ruthenica / In-t istoriyi Ukrayiny NAN Ukrayiny. – Kyiv, 2002. – Vyp. 1. – S. 178–180.
87. Институт археологии Крыма РАН, научный архив. Стенограмма объединенной научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма. 23–25 мая 1952 г., л. 1–346.
- Institut arkheologii Kryma RAN, nauchnyi arkhiv. Stenogramma ob"edinennoi nauchnoi sessii Otdeleniya istorii i filosofii i Krymskogo filiala Akademii nauk SSSR po voprosam istorii Kryma. 23–25 maya 1952 g., l. 1–346.
88. Ломакин Д. А. Крымская научная сессия АН СССР 1952 года и развитие крымоведения в середине XX века // Питання історії науки і техніки. – 2009. – № 2. – С. 10–17.
- Lomakin D. A. Krymskaya nauchnaya sessiya AN SSSR 1952 goda i razvitie krymovedeniya v seredine XX veka // Pitannya istorii nauki i tekhniki. – 2009. – № 2. – S. 10–17.

89. Институт археологии Крыма РАН, научный архив. Стенограмма объединенной научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма. 23–25 мая 1952 г., л. 1–346.

Institut arkheologii Kryma RAN, nauchnyi arkhiv. Stenogramma ob"edinennoi nauchnoi sessii Otdeleniya istorii i filosofii i Krymskogo filiala Akademii nauk SSSR po voprosam istorii Kryma. 23–25 maya 1952 g., l. 1–346.

90. Там же.

Tam zhe.

91. Там же.

Tam zhe.

92. Там же.

Tam zhe.

93. Там же.

Tam zhe.

94. Там же.

Tam zhe.

95. Там же.

Tam zhe.

96. ГАРК, ф. Р-3296, оп. 1, д. 176, л. 1–4.

GARK, f. R-3296, op. 1, d. 176, l. 1–4.

97. ГАРК, ф. Р-3296, оп. 1, д. 358, л. 1–24.

GARK, f. R-3296, op. 1, d. 358, l. 1–24.

98. ГАРК, ф. Р-3296, оп. 2, д. 118, л. 1–2.

GARK, f. R-3296, op. 2, d. 118, l. 1–2.

99. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма: в 2-х ч. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – Ч. 2. – 303 с.

Nadinsky P. N. Ocherki po istorii Kryma: v 2-kh ch. – Simferopol: Krymizdat, 1957. – Ch. 2. – 303 s.

100. Очерки по истории Крыма / Под ред. И. С. Чирвы. – Симферополь: Крымиздат, 1964. – Ч. 3. – 222 с.; Ч. 4. – 307 с.

Ocherki po istorii Kryma / Pod red. I. S. Chirvy. – Simferopol: Krymizdat, 1964. – Ch. 3. – 222 s.; Ch. 4. – 307 s.

Nepomnyashchy A. A. Formation and development of the historiography of the history of the Crimea: major milestones (the second half of the XVIII – the first half of the XX century)

The first attempt to summarize the extensive material on the formation of the Crimean historiography was undertaken. The origin of interest to the Crimea in the scientific literature, which was closely related with the political and economic interests of the Russian Empire, was demonstrated. The role of the expeditions of the St. Petersburg Academy of Sciences and numerous notes of Russian and European travellers for becoming knowledge of the peninsula was shown. Some of the largest figures of Crimean local history, whose writings became the basis for further research for its era, were selected. The proceedings of E. E. Keler, P. I. Keppen, V. D. Smirnov, and others presently not only did not lose relevance, but it's are in the first lines of citation ratings. The formation of the local scientific group of historians, united in the Taurida Scientific Archival Commission (1887–1923), was investigated. The meaning the most productive scientific community of the 20s of the XX century, Russian Society for the Study of the Crimea, was considered. The history of creation in the mid-twentieth century the first attempt at writing an official generalizing scientific work on the history of the Crimea (P. N. Nadinsky) was investigated.

Keywords: historiography, the Crimea, Crimean local history, study of the Crimea.

УДК: 069.01(47)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ЯЛТИНСКОГО ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (1918–1924)

Пахомова Н. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: nataly.pahom@yandex.ru*

Проанализирован один из важнейших этапов развития музейного дела города Ялты – истории первого самостоятельного музейного учреждения города. На основе комплекса неопубликованных источников и небольшого количества существующих современных работ, посвященных музейному делу Ялты автор делает попытку наиболее полно воссоздать историческую летопись Ялтинского естественно-исторического музея, существовавшего с 1918 по 1924 гг. Документы из Государственного архива Республики Крым, Государственного архива Российской Федерации и Отдела письменных источников Государственного исторического музея позволяют более подробно остановиться на ранее неизвестных вопросах, касающихся конфронтации между администрациями Ялтинской мужской гимназии и Естественно-исторического музея, а также проясняют ситуацию связанную с переездом музея из помещений бывшего пансионата мужской гимназии в новое здание по ул. Гоголевская (Гоголя), 10. Таким образом объектом исследования данной работы является изучение музейного дела г. Ялты, предметом выступает Ялтинский естественно-исторический музей. Цель работы – ввести в научный оборот ряд неопубликованных источников и на их базе осветить вопросы истории вышеуказанного музея. Выявленные источники можно структурировать следующим образом: 1. Отчеты и заметки, опубликованные в Записках Крымского (Крымско-Кавказского) горного клуба и других периодических изданиях. 2. Неопубликованные документы, относящиеся к деятельности музея: а) протоколы заседаний; б) планы и отчеты; в) договора с нанятыми работниками; г) объяснительные записки вышестоящим контролирующим органам; е) внешняя переписка. 3. Доклады и отчеты КрымОХРИСа, касающиеся музеев г. Ялты. Данные материалы позволяют проанализировать научную и общественную жизнь города на примере деятельности Ялтинского естественно-исторического музея в тяжелый период для государства – Первой мировой войны, революции и Гражданской войны.

Ключевые слова: Ялтинский естественно-исторический музей, музейное дело, КрымОХРИС, мужская гимназия, Е. Э. Лейтнекер, А. С. Монсеев.

Уже более ста лет Ялтинский историко-литературный музей занимается сохранением культурного достояния родного края. Независимо от ситуации в стране он знакомит и напоминает гостям и жителям курорта о событиях и людях, сформировавших город в том виде, в котором он на сегодняшний день существует. Широкая и разнообразная деятельность подобного учреждения несомненно заслуживает отдельного изучения. Целью данной работы является освещение вопросов истории Ялтинского естественно-исторического музея (1918–1924) и введение в научный оборот комплекса ранее неизвестных документов, выявленных в Государственном архиве Республики Крым, Государственном архиве Российской Федерации, а также в Отделе письменных источников Государственного исторического музея.

Говоря об истории какой-либо организации, всегда возникает желание в качестве предисловия обратиться к обстоятельствам, предшествующим

возникновению объекта, имеющего столь значительное культурное и учебно-воспитательное значение для своего края.

Идея создания в Ялте городского музея как самостоятельного учреждения возникла еще в 1916 году, когда на совещании в Артеке 4 июля обсуждался вопрос об основании единой организации, которая бы объединила различные культурные формирования и общества. В статье заместителя директора по научной работе Ялтинского историко-литературного музея Л. В. Петренко «О создании естественно-исторического музея в Ялте, 1917–1920 гг.» приводится фрагмент решения совещания по данному вопросу: «Для сего желательно дружное объединение земства, городского самоуправления, Крымско-Кавказского Горного клуба, Никитского ботанического сада. Лесного ведомства. Комитета виноградарства и виноделия, местного медицинского отдела, Симеизского отделения Пулковской обсерватории, Лиги для борьбы с туберкулезом, местных учебных заведений и других общественных организаций. Были разработаны предложения по созданию музея» [1, с. 18].

Что же из себя представлял музей накануне своего преобразования. В 1916 году мы можем рассматривать его деятельность только в контексте общей работы Ялтинского отделения Крымско-Кавказского Горного клуба (далее – ККГК), так как он находился полностью на обеспечении последнего. Музей размещался в двух небольших помещениях в здании клуба по Набережной улице [2, с. 106].

Доходы Горного Клуба в дореволюционный период напрямую зависели от членских взносов и пособий, которые перечислялись Министерством Земледелия и Министерством торговли и промышленности, Министерством народного просвещения, Ялтинской городской управы и от родительских комитетов мужской и женской гимназий (с 1917 г.) [3, л. 42–43]. Наиболее значительной статьей дохода представляли экипажные экскурсии, хотя на них и уходило больше всего затрат. Согласно отчету Ялтинского отделения ККГК за 1916 год за перевозку экскурсантов была получена прибыль в 18135 рублей [3, л. 11].

Незначительный доход также был получен от изделий мастерской учебных пособий при клубе (344 рублей 95 копеек) и различных пожертвований: к примеру, в 1916 году В. К. Феррейн передал 95 рублей на приобретение стереоскопа и 25 рублей на нужды этнографической секции [3, л. 43].

Расходовались средства в первую очередь на перевозку экскурсантов (12431 рублей за 1916 г.) [3, л. 43]. Аренда экипажей – «линеек» представляла собой достаточно дорогостоящий и не всегда надежный вид вложений [4, с. 55]. Согласно отчету об экипажных экскурсиях за 1916 год «извозо-содержатель Бебеш» не удовлетворял предъявленные к нему требования. Отмечались его неблагонадежность и постоянные нарушения условий договора. Если в начале года он подавал исправно хотя бы 1–2 линейки, то к первым числам августа он и вовсе перестал предоставлять транспорт. Клубу пришлось самостоятельно искать экскурсионный инвентарь – приобретать у базарных извозчиков, что было невыгодно по финансовым причинам и затрудняло организацию экипажных экскурсий [3, л. 42]. Фамилия Бебеша встречается в статье одного из выпусков электронного журнала «Старая Ялта», где автор дает информацию о том, что он

имел собственную контору горных экскурсий. И действительно, в путеводителе «Крым» за 1914 год мы находим упоминание о трех экскурсионных организациях: Ялтинское отделение Крымско-Кавказского Горного клуба, Экскурсионное бюро доктора Ф. Д. Вебера и контора Я. Бебеша, вероятно того самого, о котором шла речь в документе. Согласно путеводителю экипажные экскурсии проходили ежедневно по маршрутам Горного клуба [5, с. 495]. Можно предположить, что неудовлетворительное отношение к обязанностям, прописанным в договоре, обусловлено конкуренцией и личной заинтересованностью Я. Бебеша.

Ниже приведем таблицу расходов Ялтинского отделения ККГК из отчета за 1916 г.

Перевозка экскурсантов	12431 руб. 56 к.
За возвращенные на экскурсии билеты	937 руб. 50 к.
Устройство пешеходных экскурсий	196 руб. 75 к.
Расходы этнографической секции	254 руб. 94 к.
Расходы музейной секции	947 руб. 26 к.
Проводники	322 руб.
Реклама	38 руб. 06 к.
Ремонт домика на Чатырдаге	30 руб.
Аренда Скельских пещер	Взнос за три года 150 руб.
Телефон в здании горного клуба	95 руб. 25 к.
Выданные авансы	1332 руб.
Аванс на устройство мастерской учебных пособий	175 руб.
На устройство библиотеки	194 руб. 12 к.
На приобретение стереоскопа	95 руб.
Жалование заведующему экскурсиями и делопроизводством	1200 руб.
Кассирам по продаже билетов	474 руб. 13 к.
Служителю здания Горного Клуба	231 руб. 70 к.
Правлению в Одессе вступительные новых членов	92 р.
Канцелярские и типографские расходы	168 руб. 88 к.
Печатанье годовичного отчета	120 руб.
Отопление и освещение здания	42 руб. 78 к.
Разные расходы	34 руб. 27 к.
Празднование 25 лет юбилея	85 руб. 87 к.
Остаток на 1-е января 1917 г.	1122 руб. 51 к.
Итого	21541 руб. 31 к.

Казначей: М.О. Ставраки» [3, л. 43].

Итоговая сумма всех расходов клуба за 1916 год – 21541 рублей 31 копеек, что полностью совпадает с цифрой прихода. [3, л. 43] Исходя из вышеизложенных

цифр, значительное место по расходам после жалований, авансов и затрат на перевозку является содержание музея, который практически не приносил никакой прибыли в мирное время, не говоря уже о его положении в период Первой мировой войны и революции. Из отчета за 1917 год музей вообще не значится в разделе о доходах. Помимо экипажных экскурсий, неплохой доход приносила продажа книг (за 1917 г. – 2070 рублей 16 копеек) [3, л. 42]. Однако с началом войны деятельность Клуба в обстановке сложных финансовых проблем сильно сократилась. Если в 1913 году посещаемость экскурсий составляла – 8665 человек в год, то по результатам подсчетов за 1915 год, количество экскурсантов уменьшилось до 2260 человек, то есть почти в четыре раза [3, л. 42].

Рис. 1. Открытка. Ялта. Горный клуб и Городская Дума. Издание Гранберг в Стокгольме (Швеция), начало XX в., из фондов МКУК «Ялтинский историко-литературный музей».

По предложению Правления Клуба в плане на 1917 год сотрудниками было запланировано проведение различных лекций по крымоведению и экскурсий для выздоравливающих офицеров и солдат из лазаретов. Однако в конце года работники отчитались только за 1 лекцию, проведенную Е. В. Вульфом. Остальные занятия не состоялись. В течение лета были организованы образовательные экскурсии для местных учебных заведений, однако и эти мероприятия не были осуществлены в полной мере. В отчете значится проведение нескольких экскурсий для детей, однако, учитывая сложившуюся ситуацию, многие дети были отправлены на различные работы, что повлияло на количество экскурсантов [6, л. 46]. Финансовое положение Клуба было очень тяжелое. Субсидии в 1917 году были получены только

от Министерства народного просвещения в размере 500 р. От остальных правительственных ведомств никаких пособий получить не удалось, а основной источник дохода – экипажные экскурсии, давали все меньше прибыли из-за отсутствия карет и лошадей. Мастерская учебных пособий в виду кризиса и в следствие отсутствия опытного руководителя также дохода не давала и временно находилась в состоянии анабиоза [6, л. 47].

Тем не менее несмотря на катастрофически сложную обстановку деятельность сотрудников продолжалась и, по причине отсутствия возможности проводить активную просветительную работу в городе, научная деятельность организации сосредотачивает свое внимание на внутренних преобразованиях.

В 1917 году Е. Э. Лейтнекер организывает и возглавляет новую социально-экономическую секцию. При музее был организован сбор памятников войны и революции. Также не переставала функционировать этнографическая секция. Работники продолжали проводить научные экспедиции и комплектовать археологические и естественно-научные коллекции [6, л. 46–47].

Для размещения поступающих в фонды музея предметов, Правление решает увеличить полезную площадь помещения. С этой целью было решено застеклить галерею и распределить туда часть коллекций [6, л. 46–47]. В документе «О деятельности секции по заведованию музеем за 1917 г.» встречаются подробные сведения о характере производимых изменений: летом 1917 года на должность заведующего музеем (изначально на 3 летних месяца) [3, л. 44–45] был приглашен геолог Александр Силович Моисеев, впоследствии ставший профессором Московского университета. Работы заключались в разборе собраний, укомплектованных в 1916 г., ремонте коллекций рыб и птиц, и систематизации этнографического отдела. В музее было произведено новое размещение шкафов и сделаны ящики для почв. В виду затруднительных материальных условий, а также отсутствия необходимых материалов для препарировки, пришлось ограничиться пополнением геологического и археологического отделов. Так, например, в окрестностях Ялты и Биюк-Узенбаша были собраны коллекции ископаемых растений и почв (12 ящиков) начиная с уровня моря и заканчивая яйлой. Главное же внимание в отчетном году было обращено на обследование стоянок доисторического человека. С этой целью были произведены изыскания на яйле в районе Ай-Петри и Лимен. Было найдено пять стоянок и собрано около 500 кремневых орудий, 100 ядер и более 11 тысяч осколков кремня [3, л. 44–45].

Помимо указанных приобретений в музей поступили следующие пожертвования: «От Ярцева – рельефная карта Южного Берега Крыма от Аю-Дага до Лимен <...>, от Никитского Сада коллекция шишек и лекарственных растений, от Коновалова коробка с насекомыми, от Н. Ф. Нейенкирхен коробка с перепончатокрылыми, от Е. В. Вульфа – гербарий, от Е. И. Висниовской рисунки кремневых орудий и растений, от А. А. Россинского – зуб Мамонта» [3, л. 44–45].

Не была забыта также библиотека (заведующий М. М. Решеткин) при Клубе и музее. Согласно отчету по библиотеке за 1917 г. производились работы по составлению карточного каталога. Благодаря пожертвованиям в библиотеку поступили: «От профессора С. И. Метальникова – 20 книг, от доктора Вебера свыше

100 книг и брошюр, от Спендиаровой до 200 единиц, из которых половина – записки Академии Наук, книги от Волковой и Голиаковой» [3, л. 44–45].

Рис. 2. Фотография. Семья Метальниковых. Ялта, начало XX в., из фондов МКУК «Ялтинский историко-литературный музей».

Количество новых поступлений достигло 400 единиц. Общее количество книг в библиотеке: не периодических – 1300 экз., периодических названий – 110, насчитывающих 1000 экз.

Научно-просветительская работа в данный период времени выражалась в проведении различных лекций сотрудниками по результатам своих научных изысканий. Так в 1917 г. состоялись заседания, на которых были прочитаны следующие доклады: А. С. Моисеева «О стоянках доисторического человека на Яйле» (2 доклада), Н. И. Кузнецова «Об организации Комитета объединенных Научных организаций Таврической губернии», А. И. Кузнецова: «О новых культурах Яйл Южного берега Крыма», Е. В. Вульфа: «О значении и географии распространения «Белладонны» в Крыму, С. С. Станкова «О распространении Крымской сосны» и др. [3, л. 44–45].

Тем временем положение в городе было напряженным. На протяжении всего 1917 года в газетах Ялты появлялись тревожные новости о глубинных переменах Российской Империи. «Ведомости Ялтинского Градоначальства» сообщали: «В 4 часа дня объявлено войскам гарнизона о падении самодержавия...». Через несколько дней в «Русской Ривьере» говорилось о торжественном праздновании «Русской Свободы»: «На Пушкинской площади был собран митинг в 10000 человек. Духовенством отслужены панихида и молебен. Выступали с речами священники Николай Владимирский и Сергей Щукин. Затем прошел парад войск гарнизона и проведен митинг» [7, с. 44]. В конце лета началась забастовка домашней прислуги, требовавшей увеличения зарплаты и сокращения рабочего дня до 8 часов. А в конце декабря в Народном доме (ныне к/т Спартак) был организован митинг, на котором собрались около 500 революционеров и приняли решение взять власть в городе. Начинаются военные действия. В ночь с 8 на 9 января 1918 года к Ялте подходит присланный из Севастополя миноносец «Гаджибей». В порту высаживается десант под командованием большевика К. Я. Зедина, а корабельная артиллерия поддерживает прибывшие силы огнем. Корреспондент столичной газеты свидетельствует: «Пострадали лучшие гостиницы... много частных домов и магазинов. <...> Паника создавалась невообразимая: застигнутые врасплох жители бежали в одном белье, спасаясь в подвалах, где происходили душераздирающие сцены... На улицах форменная война: дерутся на штыках, валяются трупы, течет кровь. Начался разгром города» [7, с. 44]. Здание Ялтинского отделения ККГК находилось на Набережной улице и попадало под прямой обстрел с моря. Вероятно, данный факт также повлиял на принятие решения – перенести музей со всеми коллекциями в другое помещение, подальше от военных действий. Еще одним немаловажным фактором для перевода музея стала гибель коллекций от сырости. Помещение плохо отапливалось, кроме того близость реки, занесенной наносами, угрожала наводнением [1, с. 19]. В апреле 1918 года на заседании Правления Ялтинского отделения ККГК рассматривалась возможность перевода музея в Ливадию, в помещение нового дворца, часть которого была передана Таврическому университету. Затем, на заседании в июне 1918 года профессорами С. И. Метальниковым и Н. И. Кузнецовым был вновь поднят вопрос о перемещении коллекций. Тогда было принято решение ходатайствовать перед городским самоуправлением об отдаче для музея старого здания городской библиотеки [7, с. 150]. Вопрос решился только к концу 1918 года. Согласно документу от Министра земледелия Краевых имуществ от 25 ноября 1918 г. для устройства музея переданы в бесплатное пользование Крымскому Горному Клубу помещения бывших пехотных Ливадийских казарм на 2 года [7, с. 151]. Этой же осенью музей был преобразован в самостоятельное учреждение, получив название Ялтинский естественно-исторический. В отчете за 1923 год мы находим уточнение, что реорганизация музея произошла за счет объединения коллекций музея при Ялтинском отделении Крымско-Кавказского Горного Клуба с коллекциями Метальниковых и немаловажно то, что помимо коллекций ими был подарен участок земли, продажа которого и позволила провести данное преобразование [8, л. 62].

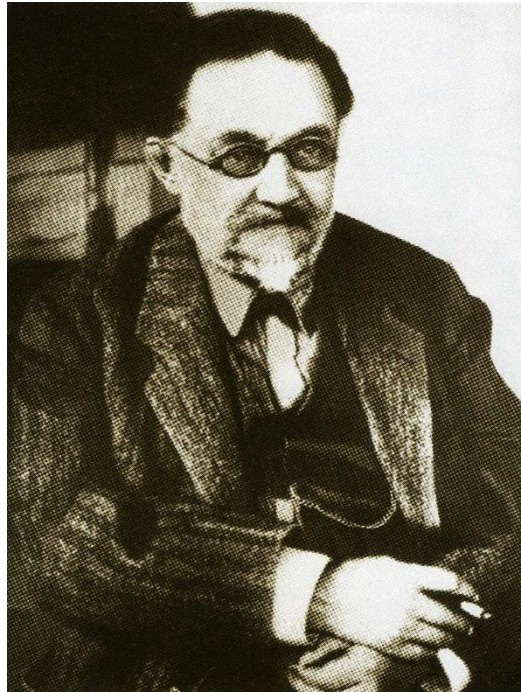

Рис. 3. Фотография. Профессор Н. И. Кузнецов из книги: Крюкова И. В. Никитский ботанический сад. История и судьбы. Симферополь: Н. Орианда, 2011. – С. 146.

До конца непонятным остается вопрос следующего содержания: в ГАРК сохранился документ в котором мы находим данные о том, что физико-математический факультет Таврического университета на собрании 12 ноября 1919 г. вынес решение принять в свое ведение Ялтинский естественно-исторический музей, так как Ялтинское отделение ККГК из-за прекращения экскурсий было не в состоянии его содержать [9, л. 59]. Из городского бюджета была назначена небольшая субсидия, однако ни она, ни продажа участка Метальниковых не могли полностью покрыть расходы, музей был на грани закрытия [10, л. 4 об.]. Таким образом, несмотря на реорганизацию музея, преобразование его в самостоятельное учреждение, из данного документа мы видим, что организация продолжала существовать на дотации от Горного клуба вплоть до 1919 года.

Параллельно перечисленным событиям в 1919 году Правление Ялтинского отделения ККГК поднимает вопрос об организации в Ялте областного объединенного музея, который бы соединил в себе отдельные отраслевые музейные комнаты, стихийно формирующиеся при различных учреждениях города [7, с. 151]. Еще в феврале член Ялтинского отделения ККГК Е. Э. Лейтнекер разработал проект Устава организации, создаваемой для заведования объединенным естественно-

историческим музеем в Ялте. Проект был передан на заключение городской Управе и предоставлен для регистрации в окружной суд. Учредителями естественно-исторического музея согласно уставу, являлись: Ялтинское отделение ККГК, Таврический университет, Ялтинское городское самоуправление, жертвователи профессор С. И. Метальников и Лига борьбы с туберкулезом. Согласно данным, опубликованным сотрудниками Ялтинского историко-литературного музея, смета нового объединенного учреждения на 1919 год составляла 31 тысячу рублей. Этого было недостаточно – требовалось еще 4 тысячи пособия на содержание и 10 тысяч субсидий Крымского краевого правительства [7, с. 151]. Однако власть в Крыму в очередной раз переменялась и положение музея теперь начинает ухудшаться в больше и больше. При Добровольческой Армии впервые возникает вопрос о выселении музея из Ливадийских казарм и только благодаря хлопотам сотрудников этот переезд удалось ненадолго отсрочить. К концу апреля 1919 года большевики захватывают власть и начинается период «второго большевизма», продлившийся всего 75 дней [11, с. 1]. Прифронтовое положение Крымской Советской Социалистической Республики вынуждало правительство прежде всего заниматься укреплением обороноспособности, и уже в мае 1919 года власти попросили освободить помещения бывших пехотных казарм. Помещения, в которых размещался Ялтинский естественно-исторический музей были реквизированы для военных нужд [12, с. 134].

Рис. 4. Пансион мужской гимназии из книги Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор высочайшего двора. Симферополь: Бизнес-Информ, 2003. – С. 55.

В связи с катастрофическим положением заведующий музеем А. С. Моисеев обращается к управляющему мужской гимназией В. К. Тарановичу с прошением о предоставлении для музея помещения в бывшем пансионе, куда по решению сторон музеев и был переведен. Здесь хотелось бы акцентировать внимание на весьма любопытную ситуацию связанную с дальнейшим конфликтом между администрацией мужской гимназии и музеем. В современной историографии мы часто встречаем упоминание о «насильном вытеснении музея» осенью 1919 года, однако исследователи не раскрывают данный вопрос подробнее, ограничиваясь только упоминанием бедственного положения естественно-исторического музея. В монографии А. А. Непомнящего, посвященной музейному делу в Крыму, приводится подробный исторический очерк, в котором рассматривается история ялтинского музея с 1892 по 1921 годы. Однако основное внимание в исследовании отводится научной, выставочной и просветительской деятельности [13. с. 239–246]. Что касается конфликта 1919 года – более подробно рассмотреть ситуацию, нам позволят документы, выявленные в архивах Республики Крым и г. Москвы. В Государственном архиве Республики Крым сохранился протокол собрания Хозяйственной комиссии Ялтинской мужской гимназии от 5-го мая 1919 г. На заседании было предложено рассмотреть вопросы: весь ли пансион желательно отвести под музей, на какой срок и на каких условиях. Эти моменты и являются ключевыми к пониманию будущей проблемы. Ниже мы приведем отрывки из вышеуказанного протокола:

«В заседании под председательством управляющего гимназией В. К. Тарановича, присутствовали: М. Ланда-Безверхий, О. Булгаков, Д. Азбукин, Д. И. Правдивый, К. Н. Черкезов... [прим.авт. – проч. фамилии неразборчивы], Председатель Горного Клуба В. В. Нейкирх... и заведующий музеем Горного Клуба А. С. Моисеев.

1. В. К. Таранович доложил о поступлении прошения Заведующего музеем Горного Клуба о предоставлении для музея помещения в пансионе гимназии, причем заявил, что в случае удовлетворения ходатайства по изложенному в прошении мотиву Хозяйственному комитету предстоит обсудить вопросы: весь ли пансион желательно отвести под музей, на какой срок и на каких условиях.

Таковые вопросы необходимо решить ввиду того что: 1) пансион должен осуществлять возложенную на него задачу – дать приют учащимся со слабым здоровьем; 2) пансион удовлетворял и удовлетворяет в настоящее время учебным потребностям гимназии; 3) часть помещений пансиона отведена хозяйственным комитетом на арендных условиях для устройства в нем культурно-просветительного учреждения – драматической студии.

Нейкирх объяснил, что ходатайство Горного Клуба было вызвано тем, что помещение, где в настоящее время находится музей, будет занято войсками Красной Армии по распоряжению коменданта, который между прочим указал, что музей может быть перенесен в свободное помещение пансиона Мужской гимназии.

Ланда-Безверхий дал обзор истории возникновения пансиона и объяснил, что пансион построен со специальной целью, что для музея может быть подыскано другое помещение, что для войск имеется лучше помещение в Массандре и

Ливадии и что можно переговорить с комендантским управлением, и быть может не будет нужды помещать музей в пансион.

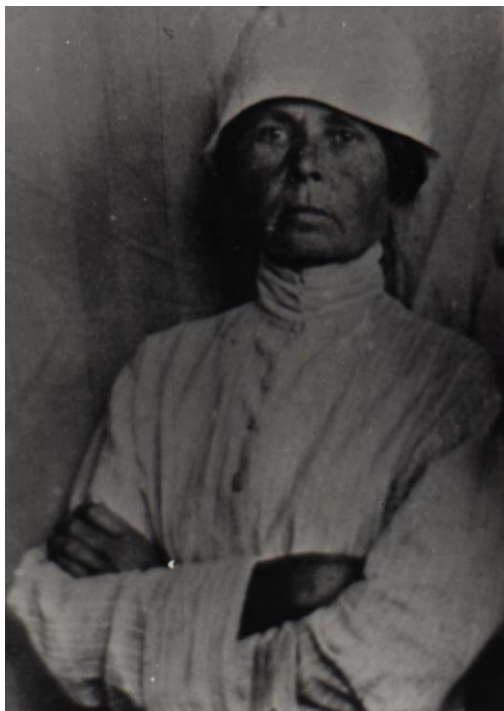

Рис. 5. Фотография. Художник, препаратор Е. И. Висниовская, из фондов МКУК «Ялтинский историко-литературный музей».

Черкезов заявил, что надо вопрос ставить принципиально, что пансион ничего хорошего не дал и ничего хорошего ожидать от него нельзя, что помещение пансиона можно будет лучше использовать для учебных задач гимназии, если в нем будет помещаться музей Горного Клуба, благодаря которому откроется возможность лучшего ознакомления учащихся с Крымом.

Моисеев заявил, что переход музея вынужденный... **но на это перемещение надо смотреть как на временное** [выделено авт.]» [3, л. 60–62].

Таким образом на собрании постановили следующее:

«В виду создавшегося критического положения музея Горного Клуба предоставить музею помещение пансиона во временное пользование впредь до того времени, когда возникнет возможность, с разрешения подлежащей власти, открыть пансион для учащихся гимназии.

Под помещение музея отведена в пансионе спальня старших учеников, воспитательская комната, уборная, зал в нижнем этаже и отведенное помещение под драматическую студию сохраняется за Мальской Найденовой до августа, согласно постановлению о том Хозяйственного комитета.

Музей, представляющий собою самостоятельную хозяйственную единицу, оплачивает расходы по освещению, снабжению водою и ремонту своих помещений; музей обзаводится своим счетчиком по определению количества расходуемой воды и электрической энергии.

За отведенное помещение музей вносит ежемесячно плату соответственно наличным средствам Правления Горного Клуба.» [3, л. 60–62].

Анализируя текст документа складывается впечатление о нежелании Хозяйственной комиссии мужской гимназии предоставлять свои помещения музею, пусть даже частично пустующие. И конечно, беря во внимание распоряжение Революционного комитета, которое было получено еще до заседания, положительное решение администрации гимназии вызвано безвыходностью ситуации и во избежание возможной конфронтации с новыми властями. Однако теперь становится известен факт «временного» предоставления пансиона под музей, предусматривающего переезд последнего, как только будет найдено более удобное здание. Несмотря на данное уточнение, как показывают более поздние документы Ялтинский естественно-исторический музей нашел свое новое пристанище в помещении пансиона мужской гимназии аж на неполных 4 года.

В отчете за период с 1918 – по январь 1921 г. мы находим сведения по структуре, деятельности и в целом, по положению музея в пансионе:

«В настоящее время [на момент января 1921 г. – авт.] музей занимает прекрасное здание бывшего пансиона Гимназии (Аутская, 25). Экспонаты и вспомогательные учреждения размещены в 5-и обширных залах и 6 комнатах. Ставя себе целью изучение родной природы и охрану памятников старины, равно как распространение естественно-исторических знаний, музей состоит из отдела крымоведения и общего естественно-исторического отдела, склада и мастерской учебных пособий, библиотеки и лаборатории.

В помещении Ялтинского естественно-исторического музея находится также музей по туберкулезу Здраводела» [12, с. 1].

Далее в документе приводится более подробное описание отделов:

«Отдел крымоведения, на который обращено главное внимание, включает 30 больших витрин, в которых представлены: 1) породы, минералы, полезные ископаемые, палеонтологические коллекции; 2) фауна горного Крыма и Черного моря; 3) растительность Крыма; 4) археология и этнография Крыма. Каждое собрание сопровождается пояснительными записками, диаграммами и фотографиями.

Общий естественно-исторический отдел включает 20 витрин с палеонтологическими и зоологическими коллекциями, не относящимися к Крыму.

Склад учебных пособий включает многочисленные пособия по природоведению (коллекции, таблицы, диапозитивы, модели и т.д.) В 1921 г. мастерской было изготовлено 80 художественных таблиц, рисунков и чертежей, 50 коллекций и 15 моделей.

Лаборатория музея снабжена двумя микроскопами и необходимыми материалами для работ. Музей имеет также два телескопа, из них один с объективом в 60 мм., на чугунном штативе, снабжен часовым механизмом.

Библиотека включает около 3 000 наименований по естествознанию, археологии и крымоведению» [14, с. 1–2].

По состоянию на январь 1921 года штат учреждения насчитывал 7 человек: А. С. Моисеев – заведующий музеем, геолог, М. А. Рязанцев – препаратор, М. М. Решеткин – библиотекарь, Л. А. Разникова – художник, Е. И. Висниовская – художник, И. Н. Кательникова – регистраторша, С. И. Соколова – служитель [14, с. 1–2].

В этот период сотрудники Ялтинского естественно-исторического музея проводили просветительскую деятельность по распространению знаний среди широких слоев населения. Были организованы курсы для учителей, экскурсии в горы, для посетителей лазаретов и санаториев устраивались выездные лекции. В помещениях музея проводились занятия для школьников и прочего населения [14, с. 3]. Музеем были организованы лекции по археологии, которые читал профессор А. Н. Деревницкий, занимавший в то время должность декана историко-филологического факультета с 1918 по 1920 гг. [15, с. 82–88] в Крымском педагогическом институте [16]. Лекции по естествознанию читались Г. И. Грабовским.

За 1921 г. (с 1 марта по январь 1922) музей посетили 1317 человек, 48 из которых были на экскурсии [9, с. 3]. Большинство посещений учреждения приходилось на ялтинских школьников и вероятно поэтому еще в 1919 году музей приобрел общегосударственное значение «как проводник правильных знаний о родине» [7, с. 152].

Можно с уверенностью сказать, что до 1921 года музей продолжал занимать помещения бывшего пансионата гимназии и активно проводил свою научную и учебную деятельность, несмотря на то, что осенью 1919 года судьба музея вновь «висела на волоске» от гибели. Мы вплотную подошли к упоминаемому выше конфликту и теперь рассмотрим его подробнее. В Государственном архиве Республике Крым в фонде 661 хранится протокол заседания, отрывки из которого приведем ниже:

«Протокол экстренного собрания членов Ялтинского отделения Крымско-кавказского горного клуба 10 ноября 1919 г.

Присутствовали: члены Клуба Е. А. Виноградов, А. С. Моисеев, О. Г. Туманская, Е. И. Висниовская, Г. И. Грабовский, А. Кливанская, д-р Ренчицкая, С. В. Розен, В. М. Головин, К. Н. Черкезов, Г. Я. Росселевич, И. С. Журбий, А. А. Попов, С. С. Конаржевский, Ю. В. Нейкирх, В. В. Нейкирх, д-р Бабский, Ф. Ф. Зиверт, В. М. Висниовский, В. А. Касаткин, Е. Э. Лейтнекер, Н. А. Беляев, Директор Гимназии И. Ю. Сабин-Гус, представитель библиотечного общества д-р Власенко, член Городской Управы д-р Шмигельский, О. С. Лейтнекер и Шмелева. Представителем собрания избирается Е. А. Виноградов, секретарем – Н. А. Беляев.

В. В. Нейкирх: докладывает, что настоящее собрание созвано правлением Горного Клуба для разрешения возникшего вопроса о помещении для естественно-исторического музея. История этого вопроса такова. Благодаря пережившим событиям, вся работа Горного Клуба должна была сосредоточиться исключительно

на музей и чисто научной деятельности. Счастливым стечением обстоятельств, именно: пожертвования С. И. Метальникова и других и работа А. С. Моисеева позволили расширить ранее существовавший в доме Горного Клуба музей. Тогда встал вопрос о помещении, ибо в старом доме уже не могли быть развернуты полностью имеющиеся коллекции и материалы. По разрешению Краевого правительства для музея были предоставлены Виленские казармы в Ливадии, куда он и был перевезен в октябре 1918 г. В казармах музей был еще более расширен присоединением к нему материалов Лиги борьбы с туберкулезом. Однако уже при Добровольческой Армии встал вопрос о выселении из казарм, и только благодаря хлопотам перед правительством удалось остаться. Но занявшие вскоре Крым большевики определенно потребовали очищения казарм и перевода музея в другое место. В это время было свободно помещение пансиона мужской гимназии. Педагогический совет, по ходатайству правления Горного Клуба, согласился на занятие помещения пансиона под музей, который и был перевезен в мае. А. С. Моисееву, к сожалению, был еще прислан от большевиков мандат на занятие пансиона, но получен он был уже после постановления Педагогического совета, и правление Клуба, занимая пансион, руководилось исключительно согласием совета. По мнению правления, помещение пансиона Гимназии было удобно для музея еще тем, что он таким образом ставился под защиту Министерства Народного Просвещения и потому избавлялся в дальнейшем от всяких случайностей. В августе было поручено предложение от мужской Гимназии освободить нижний зал, что администрация музея и сделала, расположившись с музеем исключительно в верхнем этаже. Работа музея пошла по-старому интенсивно, ибо предстояла организация школьного отдела, перевозка коллекций С. И. Метальникова, открытие сельскохозяйственного отдела. Но недавно получено от педагогического совета Гимназии новое предложение: освободить часть помещения пансиона к 15 ноября. На просьбу правления Клуба оставить музей хотя бы до весны, совет ответил отказом. По мнению правления, перевод музея в одну комнату лишит его возможности работать дальше и равносителен закрытию музея. Поэтому сегодня собранию надлежит разрешить вопрос, закрыть ли музей совсем или искать для него новое помещение. Правление клуба еще два месяца назад просило Город прийти музею на помощь предоставлением ему какого-либо городского помещения. Как только сформировалась новая Городская Управа, председатель правления вновь обращался с этой просьбой к городскому голове, председателю Думы и члену Управы Шмигельскому, но при всем сочувствии указанных лиц, город прийти на помощь музею не может, т.к. свободных помещений у него нет. Ночлежный дом, на который указывало правление, не может быть отдан под музей, ибо сейчас в нем много ночлежников и санитарный надзор протестует. Итак, сейчас нужно искать выход из создавшегося положения. Для музея конечно было бы приятнее и самому уйти из пансиона, если он не нужен Гимназии, но в наше время гибели столь многих культурных ценностей нельзя пропустить чтобы погибло еще одно учреждение.

А. С. Моисеев: В настоящее время музей состоит из трех отделов – кримоведения, школьного отдела и Лиги борьбы с туберкулезом, организуется отдел сельского хозяйства. Библиотека музея имеет до трех тысяч томов, очень

ценна по своему содержанию. Летом она приведена в порядок В. А. Черепнинным по образцу Румянцевской библиотеки и пополнена книгами и богатой коллекцией карт, пожертвованными А. Л. Бертъе-Делагардом. Все время работа музея шла интенсивно. Летом работала при музее группа учащихся под руководством двух педагогов. Было несколько чисто научных экскурсий. При большевиках администрация музея сделала многое по сохранению частных коллекций от разгрома. Ее стараниями была сохранена богатая коллекция в Ай-Тодоре. Помимо чисто научного значения, музей очень ценен своими наглядными пособиями, сейчас совершенно отсутствующими на рынке.

С. А. Винодаров: предлагает собранию сосредоточить все внимание на вопросе – как обеспечить музей помещением и просит И. Ю. Сабин-Гуса осветить вопрос с точки зрения мужской Гимназии.

Сабин-Гус: доводит до сведения собрания постановление педагогического совета Гимназии от 8-го ноября, по которому он делегируется на это собрание и уполномочивается заявить, что совет подтверждает необходимость освобождения музеем помещения пансионата к 15 ноября. Правление Клуба само виновато, что музей сейчас поставлен в такое положение, ибо правлению было хорошо известно, что педагогический совет отрицательно относится к занятию пансиона кем бы то ни было, что было видно и при ходатайстве коммерческого училища. Если педагогический совет и согласился при большевиках отдать пансион музею, то исключительно под давлением извне. Вторая ошибка правления заключается в том, что оно, зная, что настоящее помещение временно, тем не менее не приняло мер к поискам другого места и продолжало расширять свои отделы, привлекая к этому и другие учреждения. Заведующий музеем был предупрежден об очищении здания лично директором Гимназии и Г. Г. Знаменским. Вопрос о помещении бывшего пансиона пед.советом решен окончательно и сейчас бесполезно говорить об этом вновь. Лучше подумать, как быть дальше. Может возможно разбить музей по отделам и разместить по отдельным зданиям.

О. В. Розен: Вполне естественно, что занято под музей пустое помещение вблизи Гимназии, а не где-либо на окраине. Заслуживает удивления отношение педагогов к музею, не дорожащих им, а выселяющих, что внизу поместить курсы сестер милосердия и комнату для гимнастики, а верхний этаж отдать под квартиры. Было бы нормальнее подчинить частные интересы общему делу и подыскать квартиру персоналу Гимназии в другом месте.

В. В. Нейкирх: Музей переселялся в пансион Гимназии исключительно с согласия педагогического совета Гимназии, что при нужде и может быть подтверждено.

Д-р. Шмигельский: Городская Управа готова пойти навстречу и помочь музею, но к сожалению, просимый под музей ночлежный дом не может быть передан, а других свободных помещений у города нет. Если Горный Клуб укажет сам подходящее для музея помещение, то Управа будет ходатайствовать о нем.

В. М. Головин: Уполномочен правлением Учительского союза заявить, что он считает существование музея необходимым, как учебно-вспомогательного учреждения. К сожалению, союз лишен возможности прийти на помощь музею

материально, но готов ходатайствовать о нем перед надлежащими учреждениями о его сохранении.

Д-р Ренчицкая: От Имени Лиги борьбы с туберкулезом указывает на значение музея и готовность прийти на помощь музею в деле его сохранения.

К. Н. Черкезов: На заседании педагогического совета, при обсуждении вопроса о дальнейшем существовании пансиона Гимназии, указывалось, что общая разруха надолго лишит возможности гимназии иметь пансион, и будет лучше это помещение использовать под вспомогательные пособия. Сейчас пансиона при Гимназии нет, и потому нет надобности жить вблизи педагогическому персоналу. Можно бы подыскать квартиры в другом месте, испросив у соответствующих учреждений пособия на оплату этих квартир. Во всяком случае сейчас нужно просить гимназию подождать с выселением музея до подыскания им другого помещения.

И. С. Сабин-Гус: Странно слышать азбучные истины о значении музея. Педагогический совет сам великолепно понимает пользу музея, и если тем не менее он просит музей о выселении, то в силу необходимости и по праву хозяина. Предшествующие ораторы непоследовательны, посягая на автономию школы. Правление виновато, отдав свой дом на Набережной под кафе, которое позорит и самый Горный Клуб. Сейчас нужно скорее хлопотать о предоставлении музею Пушкинского Народного дома.

Д-р Бабский: делегирован на собрание медицинским обществом. Так как пансион Гимназии функционировать не будет, то не видно других более уважительных причин к выселению музея. Нужно хлопотать перед пед.советом об оставлении музея, а в крайнем случае – об отсрочке до отыскания другого помещения.

Д-р Власенко: как представительница Библиотечного общества, говорит о значении музея, как учреждения, которое пополнит и уяснит знания, почерпнутые из книг, и просит о возможно безболезненном выходе из создавшегося положения.

Д-р. Шмигельский: Если от правления Клуба поступит ходатайство, то Городская Управа немедленно передаст его на рассмотрение Думы, которая быть может, найдет подходящее разрешение вопроса.

В. В. Нейкирх: Здание Горного Клуба отдано под кафе потому, что последнее вносит известную сумму в кассу Клуба и тем пополнит его незначительные средства, а также многим способствует устройству пешеходных экскурсий. Отдана только половина дома, вторая же половина будет использована под продажу книг по крымоведению, выставку картин, рисующих жизнь и природу края и т.д. В крайнем случае правление удовлетворится зданием Пушкинского народного дома, но оно сейчас занято офицерской столовой.

Сабин-Гус указывает на возможность перевезти офицерскую столовую в помещение занятое кафе.

С. С. Конаржевский предлагает избрать комиссию для разрешения вопроса о помещении из представителей Города, Земства, Лиги, Клуба, Гимназии, Учительского союза и Библиотечного общества – есть и еще один выход: попросить у гр. Мордвинова разрешения занять его пустующий дворец, для чего уполномочить

живущего в Париже С. И. Метальникова, передав ему предварительно соответствующие мотивированные ходатайства.

Е. А. Виноградов. Как ни важен вопрос о помещении музея, тем не менее определенного выхода из создавшегося положения все-таки не видно, и сейчас приходится сказать, что требование совета Гимназии об очищении помещения к 15 ноября невыполнимое, поэтому следует просить пед.совет изменить его ультимативное требование.

В. В. Нейкирх – соглашаясь с требованием Конаржевского, предлагает избрать комиссию и внести вопрос о музее на заседание Думы.

Сабин-Гус предлагает собранию: 1) согласиться с требованиями об очищении помещения пансиона к 15 ноября. 2) поручить правлению направить ходатайство к занятию пушкинского дома.

В. В. Нейкирх предлагает собранию принять следующую резолюцию: Послание о просьбе к правлению принять все меры по поиску нового помещения. Ходатайство о передаче пушкинского народного дома и переговоры с Мордвиновым» [3, л. 63–64].

Таким образом общее собрание принимает резолюцию Нейкирха. Предложения Сабин-Гуса были проигнорированы, что директор не упустил отметить. Председатель объявил заседание закрытым. На данный момент не ясно к чему привели переговоры с графом Мордвиновым и велись ли они вообще. Однако нет никаких сомнений, что ни Пушкинский народный дом, ни «ночлежный дом» не стали новым пристанищем музея. Из документов более позднего времени нам известно о продуктивной, насколько возможно для беспокойного и кровопролитного времени, просветительской и научной деятельности. Музей продолжал использовать помещения пансиона вплоть до осени 1923 года, несмотря на недовольство администрации Гимназии.

Возвращаясь в 1922 год, в Меморандуме о положении крымских музеев и охраны памятников искусств и старины [17, л. 176] встречается информация о том, что Ялтинский естественно-исторический музей в числе прочих находится в ведении КрымОХРИСа. В конце документа имеется приписка – «сотрудники крымских музеев умирают от голодной смерти». Несмотря на данные обстоятельства в переписке и отчетах мы встречаем описание продолжающейся активной деятельности музейного учреждения. В документе за 1922 г. упоминается о большом научном значении Ялтинского естественно-исторического музея, ввиду чего он признан общегосударственным. Средства на содержание отпускаются из общегосударственного бюджета. В административном отношении музей подчинен Отделу Музеев через посредство КрымОХРИСа. Работа по наблюдению за правильностью постановкой культурно-просветительских задач отводится Ялтинскому отделению народного образования [17, л. 448].

К октябрю 1923 года администрация музея состояла из 3 человек: заведующего музеем и двух сотрудников при нем. Причем, заведующий музеем – товарищ Моисеев с начала лета и до конца отчетного года находился в научной

командировке в Туркестане по исследованию радиоактивных руд и его место занимал заместитель – товарищ Решеткин [18, л. 23 об.].

В отчете отмечается отсутствие средств на ремонт (за исключением починки водопроводных труб, частичной починки крыши и вставки 4-х стекол в витрины). За 1923 год сотрудниками музея была проделана работа по составлению геологической карты окрестностей Ялты, а также составлены два очерка Южного берега Крыма для путеводителя издаваемого КрымОХРИСом и для второго издания путеводителя Крымского общества Естествоиспытателей. С середины апреля отмечается пополнение гербария путем сбора дикорастущей, преимущественно Ялтинской флоры, а также культурных декоративных растений. С июня начался сбор палеонтологического материала из верхнеюрских известняков. Препаратором Е. И. Висниовской было сделано 11 акварелей характерных представителей местной флоры [18, л. 23 об.].

Научно-просветительская работа музея выражалась в проведении лекций и экскурсий. Учебным заведениям и отдельным лицам выдавались всевозможные пособия и справки. Также, при музее было организовано экскурсионное бюро, цель которого стало проведение экскурсий опытными руководителями для местных и приезжих по различным вопросам краеведения. Всего таких экскурсий было проведено за год 12, экскурсантами в основном были учащиеся, что опять же, обосновывается тяжелым положением в городе.

К октябрю 1923 года согласно отчету заканчивается инвентаризация, начатая по распоряжению КрымОХРИСа. За отчетный период музей посетило – 4241 человек [18, л. 23 об.].

19 октября 1923 года Ялтинский окружной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в целях концентрировать детские дома в помещениях естественно-исторического музея (в пансионе) поручил переместить музей в предварительно отремонтированное бывшее здание милиции, которое находилось по ул. Гоголевской, 10 (ныне ул. Гоголя) [17, л. 373]. Таким образом прерывается относительно спокойное существование Ялтинского естественно-исторического музея.

Следующие материалы проливают свет на события, связанные с переездом из пансиона в новое здание. В Отделе письменных источников Государственного исторического музея хранится переписка, освещающая всю безвыходность положения музея в условиях нехватки средств для организации перемещения многочисленных коллекций, а также невыполнение требований Ялтинского исполкома по части ремонта помещения по ул. Гоголевской. 23 ноября 1923 года комиссия по приему нового помещения составила следующее описание: «здание, видимо находится без надзора, все двери, как наружные, так и внутренние без запоров и открыты настежь, отсутствуют многие стекла, в нескольких случаях и в зимних и в летних рамах, отсутствует электрическое освещение (счетчики, патроны), выключатели, штепселя, печные плиты, водопроводные краны, каковые принадлежности и части были ранее; по мнению членов комиссии, нет стекол в иных рамах, где они ранее были...» [17, л. 376].

В постановлении, подписанным уполномоченным от КрымОХРИСа товарищем Кореневым, отметили следующее:

1) «в помещение в подобном состоянии невозможно переводить музейные ценности, препараты, библиотеки.

2) нужно просить Ялтинский исполком по возможности скорее закончить ремонт здания. Без исправления упомянутых элементарных исправлений музей не может считаться обеспеченным ни в смысле сохранности, ни возможности функционирования» [17, л. 376].

Согласно сводке, представленной уполномоченным Ялтинского ОХРИСа Н. Тихого, 1 декабря представитель исполкома Лебединский сообщил, что ремонт здания закончен и распорядился в двухдневный срок переместить все коллекции музея [17, л. 373]. Как сообщал Н. Тихий: «Требование немедленной переброски музея сопровождалось суровыми угрозами по адресу представителей Ялтинского ОХРИСа. Представитель исполкома т. Лебединский явился вооруженный револьвером и с крайне категоричным настроением. Правда, доступный доводам простого рассудка и чувства справедливости, юноша скоро стал на сторону интересов культурных ценностей и в результате совместного с представителем ОХРИСа осмотра здания, составил акт от 8 декабря, в котором была констатирована необходимость дополнительного ремонта» [17, л. 373]. О результате этого ремонта читаем в акте очередной комиссии от Ялтинского исполкома от 10 декабря – стены и потолки побелены, крыша окрашена и починена, установлена исправная плита [17, л. 381]. Далее в документе представлен перечень некоторых «незначительных дефектов» – на верандах, а также в некоторых других комнатах, вместо отсутствующих стекол вставлены фанеры; в коридоре и кухне отсутствуют три рамы, одна из которых заменена фанерой; на первом этаже плита находится в разрушенном состоянии; отсутствуют ключи внутренних дверей, за исключением главных и многие другие неисправности. Подводя итоги, комиссия постановила, что ремонт по большому счету выполнен, а указанные дефекты не могут служить причиной задержки переезда музея [17, л. 381]. Как и следовало ожидать, с данным постановлением уполномоченный КрымОХРИСа и заведующий естественно-историческим музеем товарищ Решеткин не согласился и оставил на обороте акта приписку следующего содержания:

«Соглашаясь со всеми пунктами настоящего акта, должен добавить, что согласно распоряжениям КрымОХРИСа, перевод Ест.-ист. музея в указанное помещение может состояться немедленно только вслед за произведением дополнительных работ, явствующих из акта и по получении по представленной смете средств на перевозку от Исполкома» [17, л. 381].

В таком ключе переписка продолжалась еще несколько дней. Последнее сообщение музея перед началом переезда заключалось в том, что комиссия признала возможным принять здание бывшей милиции в виду остроты вопроса с детскими домами, хотя и констатирует факт незаконченности ремонта произведенного Управлением Местхоза – отсутствие некоторых рам, стекол, неисправные шпингалеты, в окнах – либо треснутые стекла, либо фанеры, крысиные дыры, на втором этаже в прихожей нет печных винтов, нет замков и ручек у

некоторых дверей, электрическая проводка сохранена лишь частично, в подвале на окнах отсутствуют решетки, флигель в ужасном состоянии... [17, л. 382]. И это не полный перечень разрушений в предложенном здании.

С 17 декабря начался переезд естественного-исторического музея. Неизвестно какую сумму запрашивал ОХРИС у исполкома в смете на перевозку, однако администрация смогла выделить только 5 червонцев «на самые необходимые расходы» [17, л. 383]. Заработная плата работникам музея согласно смете – также не выплачивалась [17, л. 388].

Средств на наемную рабочую силу по переноске тяжестей не хватало, поэтому 17 декабря вместо 12 возов смогли переправить только 4 [17, л. 387]. Сотрудники отмечали, что без рабочих и без дополнительных матрацев для перевозки хрупких вещей (что было предусмотрено сметой) переехать музей к установленному сроку (до 21 декабря) не сможет.

Работа по переноске тяжестей для 4-х присланных работников оказалась непосильной. К тому же отмечалось отсутствие старшего рабочего (руководителя), что отразилось на неполной нагрузке и продолжительности работы и на поздней подаче «подвод» (вместо 8:00, в 10:30 утра). За день вместо 12-и успевали доставить только 4 веза. Ко всему прочему, при перевозке было обнаружено, что «половина входной двери открывается лишь при помощи крайних усилий, разрушающих дверь; плохо вставленные стекла высыпаются и крыша течет в нескольких местах» [17, л. 388].

Таким образом, ни основной, ни дополнительной ремонт согласно отношению КрымОХРИСа № 432 от 15/12 и №435 от 17/12 не выполнен. Музейные работники, промучившись 5 дней, прекратили перевозку 22 декабря. Сколько убытка и повреждений принесли вышеизложенные события многочисленным коллекциям неизвестно. Переезд был полностью завершен в начале января 1924 г. Однако работать в своем обычном режиме музей начал только с 17 апреля [8, л. 64].

Таким образом здание на ул. Гоголевская было передано в ведение отдела по делам музеев и охраны памятников старины и искусства постановлением Ялтинского исполкома от 17 октября 1923 года [8, л. 63].

С 15 августа 1924 г. заведующим музеем стал Г. Я. Россилевич [8, л. 65]. В 1928 году была опубликована его статья. Автор говорит уже о Краеведческом музее, который располагался на ул. Гоголевской, в доме № 10 [2, с. 106].

В этом здании до переезда Ялтинского естественного-исторического музея, располагалась милиция. О том, что находилось там ранее известно немного. Дом был построен в 1913 году и до октября 1917 года принадлежал Елизавете Васильевне Голиковой [8, л. 63].

Имение включало в себя 1 главное двухэтажное здание и ветхий двухэтажный флигель, построенные из «керченского камня». Согласно сохранившимся документам, капитальных перестроек не было.

Из отчета Ялтинского государственного естественного-исторического музея с 1 октября 1922 – по 1 октября 1923 г. мы имеем следующее описание:

«Количество выставочных залов в основном здании – 8. Полезная площадь стен – 359 кв. Освещение – керасиновое, электрическое на данный момент еще не

восстановлено, действует водопровод и городская канализация. Общая площадь участка – 3.180 кв.м. Имеется сад – декоративный и фруктовый – 2.700 кв.м.» [8, л. 63].

По состоянию на 1924 г. – отдел крымоведения имеет 1358 экспонатов, общий отдел естественно-исторический – 1156, отдел пособий – 712. Общее количество экспонатов – 6000 единиц. Общее количество не экспонирующихся материалов – свыше 10 000. В библиотеке – по Румянцевской системе описания – 2310 названий в 2891 томах [8, л. 63].

С 1923 по апрель 1924 гг. музей посетило 5096 человек [18, л. 35].

За 4 месяца работы, с 17 апреля по середину августа 1924 г. музей посетило 4700 человек» [8, л. 65].

Такова непростая судьба шестилетнего существования Ялтинского естественно-исторического музея в период кровопролитной Гражданской войны и в первые годы советской власти в Крыму. В обстановке частой смены администрации из-за переходящей из рук в руки власти, в условиях голода и разбоев самоотверженные сотрудники музея продолжали свое нелегкое дело по просвещению людей, по изучению и сохранению богатейших собраний, пожертвованных меценатами и собранных во время научных экспедиций. Их вклад в историю города в целом и в музейное дело, в частности, не должен оставаться неизведанным пятном. Биографии А. С. Моисеева, М. М. Решеткина, Е. И. Висниовской, семьи Метальниковых, Е. Э. Лейтнекера, Г. Я. Россилевича и других, по нашему скромному мнению достойны отдельного изучения и освещения в литературе.

Постановлением III Крымской конференции музейных работников в 1924 году Ялтинский Государственный естественно-исторический музей был переименован в Краеведческий [7, с. 152]. Так начался новый период в истории музейного дела г. Ялты.

Список использованных источников и литературы

1. Петренко Л. В. О создании естественно-исторического музея в Ялте (1917–1920) // VII Дмитриевские чтения (Ялт. ист.-лит.музей) / сост. Петренко Л. В. – Симферополь, 2004. – С. 18–23.
Petrenko L. V. O sozdanii estestvenno-istoricheskogo muzeya v Yalte (1917–1920) // VII Dmitrievskie chteniya (YAlt. ist.-lit.muzej) / sost. Petrenko L. V. - Simferopol', 2004. – S. 18–23.
2. Россилевич Г. Я. Ялтинский музей краеведения // Крым. – Москва, 1928. - №2(8), вып. 2. – С. 106–109.
Rossilevich G. Y. Yaltinskiy muzey kraevedeniya // Kryim. – Moskva, 1928. - №2(8), vyip. 2. – S. 106–109.
3. ГАРК, ф. 661, оп. 1, д. 12, 142 л.
GARK, f. 661, op. 1, d. 12, 142 l.
4. Вебер Ф. Д. История развития и деятельность Ялтинского отделения крымского горного клуба // XXV Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба. Одесса, 1915. – С. 47–63.
Veber F. D. Istoriya razvitiya i deyatel'nost' YAltinskogo otdeleniya krymskago gornogo kluba // XXV Yubilejnyj sbornik Krymsko-Kavkazskogo gornogo kluba. Odessa, 1915. – S. 47–63
5. Крым: путеводитель / под ред. К. Ю. Бумбера, Л. С. Вагина, Н. Н. Клепинина, В. В. Соколова; Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы. – Симферополь, 1914. – 688 с.
Krym: putevoditel' / pod red. K. U. Bumbara, L. S. Vagina, N. N. Klepinina, V. V. Sokolova; Krymskoe obshchestvo estestvoispytatelej i lyubitelej prirody. – Simferopol', 1914. – 688 s.
6. ГАРК, ф. 661, оп. 1, д. 8, 59 л.

- GARK, f. 661, op. 1, d. 8, 59 l.
7. Ялта / под ред. С. Б. Филимонова. – Симферополь: «ЧерноморПРЕСС», 2006 г. – 243 с.
Yalta / pod red. S. B. Filimonova. – Simferopol: «ChernomorPRESS», 2006 g. – 243 s.
8. ГИМ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 1011, 93 л.
GIM OPI, f. 54, op. 1, d. 1011, 93 l.
9. ГАРК, ф. Р-2235, оп. 1, д. 12.
GARK, f. R-2235, op. 1, d. 12.
10. ГАРК, ф. Р-2235, оп. 1, д. 19.
GARK, f. R-2235, op. 1, d. 19.
11. История Крыма: в 2-х т. / Ин-т российской истории РАН; под ред. А. В. Юрасова. – [2-е изд.]. – Москва: Кучково поле, 2018. – Т. 2. – С. 387–420.
Istoriya Kryma: v 2-h t. / In-t rossijskoj istorii RAN; pod red. A. V. Urasova. – [2-e izd.]. – Moskva: Kuchkovo pole, 2018. – T. 2. – S. 387–420.
12. Андросов С. А. Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи (1917–1920 гг.) // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2004. – № 3–4. – С. 126–138.
Androsov S. A. Sudba kulturnogo naslediya Kryima na izlome istoricheskoy epohi (1917–1920 gg.) Istoricheskoe nasledie Kryma. – Simferopol', 2004. – № 3–4. – S. 126–138.
13. Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Библиографическое исследование / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2000. – 360 с.
Nepomnyashchij A. A. Muzejnoe delo v Krymu i ego starateli (XIX – nachalo XX veka): Bibliograficheskoe issledovanie / Tavricheskij nac. un-t im. V. I. Vernadskogo. – Simferopol', 2000. – 360 s.
14. Краткий отчет за 1918 – по 1 января 1922 г. // Записки Ялтинского естественно-исторического музея / под ред. А. С. Моисеева. – Ялта, 1922. – № 1. – 13 с.
Kratkij otchet za 1918 – po 1 yanvarya 1922 g. // Zapiski YAltinskogo estestvenno-istoricheskogo muzeya / pod red. A. S. Moiseeva. – Yalta, 1922. – № 1. – 13 s.
15. Непомнящий А. А. К истории профессорской корпорации Таврического университета: А. Н. Деревницкий // Вестник Томского государственного университета. Серия: «История». – Томск, 2018. № 52. – С. 82–88.
Nepomnyashchij A. A. K istorii professorskoj korporacii Tavricheskogo universiteta: A. N. Derevickij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: «Istoriya». – Tomsk, 2018. № 52. – S. 82–88.
16. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук. – Белгород: Константа, 2018. – 352 с., илл.
Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentah i fotografiiyah / avt.-sost. A. A. Nepomnyashchij, A. S. Kravchuk. – Belgorod: Konstanta, 2018. – 352 s., ill.
17. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 3, д. 316, 213 л.
GARF, f. A-2307, op. 3, d. 316, 213 l.
18. ГИМ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 996, 127 л.
GIM OPI, f. 54, op. 1, d. 996, 127 l.

Pakhomova N. A. The question about the history of Yalta's natural and historical museum (1918–1924)

The work is devoted to one of the most important stages in development of museum business in Yalta – the history of the first independent museum institution of the city. Based on a complex of unpublished sources and a small number of existing contemporary works dedicated to the museum business of Yalta, the author makes an attempt to recreate the historical chronicle of the Yalta's Natural History Museum, which existed from 1918 to 1924, most fully. Documents from the State Archives of the Republic of Crimea, the State Archives of the Russian Federation and the Department of Written Sources of the State Historical Museum allow for a more detailed discussion of previously unknown issues relating to the confrontation between the administrations of the Yalta Men's Gymnasium and the Natural History Museum, and also clarify the situation associated with moving the museum from the premises the former boarding house of the male gymnasium in a new building on the Gogolya street, 10. Thus, the object of research of this work is the study of the museum business of Yalta, the subject is the Yalta Natural History Museum. The purpose of the work is to introduce a

number of unpublished sources into scientific circulation and on their basis to cover the history of the above-mentioned museum. The identified sources can be structured as follows: 1. Reports and notes published in the Notes of the Crimean (Crimean-Caucasian) Mountain Club and other periodicals. 2. Unpublished documents relating to the activities of the museum: a) protocols of a meeting; b) plans and reports; c) contracts with hired workers; d) explanatory notes to higher controlling bodies; e) external correspondence. 3. Reports and reports of CrimeaOKHRIS concerning the museums of Yalta. These materials allow you to analyze the scientific and public life of the city on the example of the Yalta Natural History Museum in a difficult period for the state - the First World War, the Revolution and the Civil War. In the context of frequent changes of the administration, due to the power passing from the hands to the hands, in the conditions of famine and robbery, the dedicated employees of the museum continued their difficult work in educating people, in studying and preserving the richest collections donated by patrons and collected during scientific expeditions.

Keywords: Yalta natural history museum, museum business, CrimeaOKHRIS, men's gymnasium, E. E. Leitneker, A. S. Moiseev.

УДК 86.38

ИД АЛ-АДХА: СПОРЫ, ЗНАЧЕНИЕ И ПРАВИЛА ПРАЗДНИКА

Спивак И. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: lspivaq@mail.ru*

Процесс формирования мусульманской обрядности протекал в условиях острой полемики между зарождавшимся исламом, язычниками и представителями иудейско-христианской традиции. Одним из результатов этой полемики явилось переосмысление языческих обрядов паломничества к святыням Мекки и учреждение пророком Мухаммадом исламских обрядов хаджа. Кульминацией этих обрядов стал праздник жертвоприношения, связанный с преданием о жертвоприношении Ибрахима. Анализ имеющихся источников, посвященных «прощальному паломничеству» пророка и календарной реформе, возвратившей мусульман к лунной системе счета времени, позволяет сделать вывод о том, что главным фактором, под действием которого произошло окончательное оформление ритуалов хаджа, стала полемика с иудеями, проживавшими на территории Аравии. Сопоставление иудейской традиции о жертвоприношении Авраама с мусульманским преданием об Ибрахиме, анализ имеющихся данных о кровавых жертвоприношениях аравийских язычников, позволяют выявить религиозное содержание мусульманского обряда жертвоприношения. Изучение развития предания о жертвоприношении Ибрахима в традиции комментаторов Корана приводит к выводу о том, что в дальнейшей полемике с иудеями первостепенное значение приобретает вопрос об Исмаиле и Исхак: кто из них был предназначен в жертву? Анализ аргументов, выдвинутых мусульманскими полемистами, позволяет выявить значение этого вопроса для мусульманской традиции.

Ключевые слова: жертвоприношение, Ибрахим, искупление, Исмаил, Исхак, иудеи, Мухаммад, полемика, традиция.

Обряды хаджа (حَجَّة) и, являющийся их частью, праздник жертвоприношения (عيد الأضحى ид ал-адха), приходящийся на 10-е число двенадцатого месяца зу-л-хиджжа (ذو الحجة) лунного календаря, завершают годовой ритуальный цикл праздников, памятных дней и ночей в исламе. Абу Рейхан ал-Бируни, говоря о памятных днях в зу-л-хиджжа, сообщает: «Десятый день называется «днем жертв» и «днем заклания», ибо в этот день закладывают жертвенных животных и животных, приводимых для жертвоприношения в Мекку. Это последний день паломничества. В этот день Измаил, обреченный на заклание, был выкуплен барашком. Говорят, что в этот день был сотворен мост «сырат», ведущий к месту расчета и суда над умершими» [1, с. 382]. Каждый мусульманин, имеющий материальную и физическую возможность, обязан совершить хадж, хотя бы раз в жизни. Эта обязанность нашла свое отражение и была закреплена в тексте Корана: «А у Аллаха на людях обязательство хаджа к дому, — для тех, кто в состоянии совершить путь к нему» (III: 91/97) [2].* Коранический текст, наряду с предписанием относительно совершения хаджа в целом, содержит и указание на обряд жертвоприношения: «И завершайте хадж и посещение ради Аллаха. Если вы

* Здесь и далее коранические цитаты и ссылки на коранический текст приводятся по изданию: Коран / Пер. с араб. и комм. И. Ю. Крачковского. — Баку: Язычы, 1990.— 744 с.

затруднены, то – то из жертвенных животных, что легко. И не брейте своих голов, пока не дойдет жертва до своего места» (II: 192/196). И далее: «Тучных Мы сделали для вас из отмеченных для Аллаха; для вас в них благо. Поминайте же имя Аллаха над ними, стоящими в ряд. А когда их бока повергнутся, то ешьте их и кормите сдержанного и просящего стыдливо. Так Мы подчинили их вам, – может быть, вы будете благодарны» (XXII: 37/36). В соответствии с традицией, исламские обряды хаджа были определены Мухаммадом во время «прощального паломничества» в 632 г. [3, с. 261]. Как свидетельствует Ибн Хишам (ум. в 834 г.): «Совершая паломничество, Пророк показал паломникам их обряды, учил их тому, что вменил Аллах в обязанность паломников: места предстояния, бросания камней, обхождения вокруг Каабы, что им разрешено во время совершения паломничества и что запрещено» [4, с. 440]. Выделение праздника жертвоприношения в качестве главного, называемого по традиции «большим» (عيد الكبير), в противоположность «малому» (عيد الصغير) – празднику разговения (عيد الفطر), в годовом ритуальном цикле, нуждается в своем объяснении. Учитывая, с одной стороны, связь этого праздника с фигурой пророка Ибрахима (إبراهيم), а, с другой, существование обрядов хаджа и кровавых жертвоприношений у доисламских арабов, место, роль и значение ид ал-адха в истории ислама, по нашему мнению, следует рассматривать в контексте процесса ритуально-догматического обособления мусульманской уммы (أمة) от представителей других религиозных традиций.

Следует отметить, что такой подход к проблеме догматического обоснования мусульманских обрядов, связанных с Меккой и храмом Каабы (كعبة), используется в научной литературе уже со второй половины XIX века. Первым из европейских ученых, кто подверг обстоятельному анализу обряды хаджа, был голландский востоковед Христиан Снук Хюргронье (1857–1936 гг.). В 1880 г. им была подготовлена докторская диссертация «Het Mekkaansche Feest» («Мекканский праздник»), в которой, среди прочего, обосновывался тезис о возникновении и сознательном развитии Мухаммадом легенды об Аврааме как основателе Каабы и ее культов, в противовес язычникам курейшитам и мединским иудеям [5, с. 387]. Последующие исследователи также акцентировали внимание на процессе ритуального и догматического дистанцирования Мухаммада и его общины, от представителей других религиозных традиций, как на одном из главных факторов формирования ислама. Основной метод такого дистанцирования виделся в арабизации пророком иудейско-христианской традиции. Примером использования подобного подхода может служить опубликованное в Берлине в 1885–1887 гг. сочинение Августа Мюллера (1848–1892 гг.) «Der Islam im Morgen und Abendland», известное в русском переводе как «История ислама от основания до новейших времен» [6, с. 104]. Так, при анализе факта перемены направления при молитве (قبلة) – с Иерусалима на Мекку – немецкий востоковед писал: «Оригинальным в его догматике... является арабизирование христианско-иудейских вероучений, начавшееся с того, что дом Божий в Мекке становится на место иерусалимского христианского храма, расположенного на святой горе иудейского бога. Соответственно этому все помыслы Мухаммеда последующего периода устремлены на то, чтобы подогнать свое учение, насколько возможно, к преданиям и

предрассудкам древней Аравии...» [7, с. 158]. Сходной точки зрения в начале XX века придерживался и Юлиус Велльхаузен (1844–1918 гг.). Характеризуя деятельность Мухаммада по созданию мусульманской обрядности, он исходил из того, что целью пророка было, прежде всего, установление ритуальных отличий от христиан и иудеев. В условиях непризнания последними его пророческого статуса, вполне естественным было обращение Мухаммада к арабским корням. «Он утвердил паломничество к Каабе... так в ислам вошел центр языческого поклонения и популярный языческий праздник... Было сказано, что мекканская святыня и культ первоначально были единобожными и основаны Авраамом и лишь в последующие времена выродились и превратились в языческие. Отец веры Авраам был изгнан иудеями и стал основателем доисламской религии арабов с ее святыней в Мекке...» [8, с. 18–19]. Данный подход нашел свое отражение и развитие в отечественном исламоведении. Так, полемикой пророка с христианами, иудеями и язычниками объяснял обращение Мухаммада к фигуре Авраама при обосновании необходимости почитания Каабы в начале 20-х гг. прошлого века выдающийся отечественный востоковед Василий Владимирович Бартольд (1860–1930 гг.). В научно-популярном очерке «Ислам» он писал: «... Мухаммед еще в Мекке обратил внимание на библейские предания об Аврааме и Исмаиле, предке арабов, привел обоих в Мекку и сделал их строителями Каабы, будто бы только потом обращенной в храм идолов. Теперь он напомнил своим противникам, что Авраам жил до Моисея и Иисуса, следовательно, не был ни евреем, ни христианином, а все-таки был последователем единого бога и, по общему убеждению евреев и христиан, находится в раю; следовательно, с верой Авраама можно было спастись; именно эту веру Авраама и проповедует Коран...» [9, с. 97].

Сходные точки зрения на обоснование мусульманских обрядов хаджа, в том числе и праздника ид ал-адха, инициированное нежеланием иудеев и христиан признать пророческую миссию Мухаммада, и осуществленное пророком через обращение к фигуре Ибрахима/Авраама, утверждение его непосредственной связи с Меккой и храмом Каабы, на протяжении XX века неоднократно высказывались ведущими западными и отечественными востоковедами. В 1956 г. об этом писал Уильям Монтгомери Уотт (1909–2006 гг.) [10, с. 225–229, 334–336], в 1970 г. Густав фон Грюнебаум (1909–1972 гг.) [11, с. 37]. Итогом развития отечественной историографии в вопросе формирования исламской традиции об Ибрахиме и Исмаиле, связанных с ними обрядах паломничества, можно считать точку зрения О. Г. Большакова, изложенную им в первом томе фундаментальной «Истории халифата», вышедшем в свет в 1989 году. В той части, которая непосредственно касается нашего вопроса, она включает в себя следующие положения. Во-первых, в начале своей деятельности Мухаммад отождествлял проповедуемые им идеи с верой иудеев, как она представлена в Торе. Отсутствие собственных разработанных обрядов и ритуалов, на этом этапе, приводило к некоторым заимствованиям из обрядовой жизни иудеев. К последним можно отнести пост ашура (عاشوراء) – 10-го тиштри. Признание особого статуса за «людьми Писания» (أهل الكتاب) проявилось и в предписании обращаться во время молитвы лицом к Иерусалиму и, вероятно, в разрешении для мусульман пищи тех, «кому даровано Писание». Во-вторых,

упорное нежелание иудеев признать тождество проповеди Мухаммада с их собственным вероучением, инициировало процесс ритуального и догматического обособления от них мусульманской общины. Наиболее ярко это обособление проявилось в перемене киблы. В этой связи: «возникает историко-религиозное обоснование особой роли Каабы. Главной фигурой предшествующей истории взаимоотношений Аллаха и человека становится Ибрахим, библейский Авраам. Оказывается, что Аллах заключил союз с Ибрахимом именно в Мекке и приказал ему построить «дом» (ал-байт), т. е. Каабу, установить законы и призвать людей совершать паломничество к Каабе» [12, с. 105–106]. На разрыв с иудеями Медины, как на основную причину провозглашения Ибрахима «духовным предком Мухаммада и ислама», а, следовательно, придания особого значения жертвоприношению Исмаила (إسماعيل) и обрядам почитания святынь Мекки, указывает и статья «Ибрахим», написанная Михаилом Борисовичем Пиотровским для энциклопедического словаря «Ислам», изданного в Москве в 1991 г. [13, с. 87–88].

Получивший распространение в западном востоковедении критический подход к данным мусульманского предания, находил и находит своих критиков, прежде всего, в лице представителей мусульманской уммы [14, с. 980–981]. В этой связи, следует отметить, что в большинстве своем, мусульманские авторы, обращающиеся к биографии пророка в вопросе о роли, которую играют в исламе фигуры Ибрахима и Исмаила, по вполне понятным причинам, предпочитают передавать устоявшуюся традицию, чаще всего, игнорируя внешний по отношению к ней опыт. Иллюстрацией к сказанному может служить, вышедшая в издательстве Oxford University Press в 2007 г. и изданная в русском переводе в 2015 г., биография пророка, автором которой является один из наиболее известных представителей современного «европейского ислама» Тарик Рамадан. Показательно, что в этой работе собственно жизнеописание пророка Мухаммада, предваряется пересказом истории Авраама и Исмаила, после чего, в строгом соответствии с исламской традицией, делается заключение: «Фактически Пророк Мухаммад является потомком детей Исмаила и, следовательно, частью «великого народа», о котором сказано в Писании. Поэтому Авраам – его «отец», в широком смысле, и, согласно мусульманской традиции, благословения в молитве отца распространяются как на его потомка, последнего Пророка, так и на то место, где Авраам оставил Агарь и Исмаила, – там, через несколько лет, он должен будет пройти ужасное испытание, принесение в жертву своего сына. Впоследствии там же им вместе суждено воздвигнуть Заповедный Дом Бога (Каабу)» [15, с. 21]. Другим примером такого традиционного подхода является, получившее широкое распространение в современном мусульманском мире, двухтомное «Жизнеописание Пророка», написанное Али Мухаммадом ас-Салляби, изданное на русском языке в 2012 г. [16, с. 76]. Общим местом для произведений мусульманских полемистов, когда речь идет о фигуре Ибрахима, является ссылка на следующие коранические аяты: «О обладатели писания! Почему вы препираетесь об Ибрахиме? Тора и Евангелие были ниспосланы только после него... Ибрахим не был ни иудеем, ни христианином, а был он ханифом (حنيف) предавшимся и не был из многобожников. Самые близкие к

Ибрахиму люди, конечно, те, которые за ним последовали, и этот пророк и те, которые уверовали» (III: 58/65–61/68). Мусульманские ученые, с опорой на данный текст, приходят к выводу о том, что упоминание Ибрахима в качестве духовного предшественника ислама было вызвано не полемикой Мухаммада с иудеями и христианами, а полемикой христиан и иудеев между собой. Следовательно, нет смысла искать истоки исламского предания об Ибрахиме в нежелании иудеев или христиан признавать пророческую миссию Мухаммада. В частности, такой подход нашел свое отражение на страницах «Жизни пророка Мухаммада» – текста, написанного на основе самого полного, из имеющихся на русском языке, пересказа преданий о жизни пророка [17, с. 381].

Придерживаясь все же иной точки зрения, обратим внимание на реформу арабо-мусульманского календаря, произведенную пророком, которая, по нашему мнению, может служить дополнительным аргументом в пользу того, что именно полемика с иудеями способствовала окончательному формированию мусульманской традиции об Ибрахиме. Как свидетельствует этимология названий некоторых месяцев арабо-мусульманского календаря, явно связанных с временами года, доисламские арабы уже с середины V в. пользовались не лунным, а лунно-солнечным календарем [18, с. 182–183]. Лунно-солнечные системы счисления времени, за счет вставки дополнительного (эмболисмического) месяца, позволяют ликвидировать разницу в количестве дней, существующую между лунным календарным годом и истинной продолжительностью тропического года. Вставка дополнительного 13 месяца производилась в соответствии с 19-летним циклом, 7 лет из которого содержали эмболисмический месяц. Происходило это в Мекке во время ярмарки. Дополнительный месяц назывался также как предыдущий и вставлялся после всех месяцев календаря. По свидетельству Абу Рейхана ал-Бируни, переход к лунно-солнечному календарю у арабов осуществился под влиянием соседствующих с ними иудеев и имел целью привязать паломничество к определенному времени года, наиболее благоприятному для проведения большой ярмарки. «Арабы во времена джахилии пользовались этими месяцами примерно так же, как ими пользуются мусульмане; паломничество у них делало круг по четырем временам года. Потом они пожелали совершать паломничество в такое время, когда будут готовы для продажи их товары: шкуры, кожи, плоды и прочее, и чтобы паломничество утвердилось в одном неизменном положении, в самое приятное и изобильное время. И вот они научились у евреев, соседствовавших с ними, добавлять к году месяцы, – а это было примерно за двести лет до хиджры, – и стали делать с месяцами нечто подобное тому, что делали евреи, то есть добавлять к месяцам избыток времени, между их годом и годом по Солнцу, когда этот избыток составит полный месяц» [1, с. 78]. Согласно данным мусульманской традиции, Мухаммад во время «прощального паломничества», произнося проповедь, запретил вставку дополнительного месяца в календарь, объявив такую практику греховной, что нашло свое отражение в тексте Корана: «Поистине, число месяцев у Аллаха – двенадцать месяцев в писании Аллаха в тот день, как Он сотворил небеса и землю. Из них – четыре запретных, это – стойкая религия... Вставка – только увеличение неверия; заблуждаются в этом те, которые не веруют; они разрешают это в один год

и запрещают в другой, чтобы согласовать с тем счетом, который запретил Аллах» (IX: 36/36–37/37). Таким образом, арабы вновь вернулись к лунному календарю. Ибн Хишам приводит следующие слова из проповеди пророка: «О люди! Перевод времени – это увеличение неверия. Этим вводятся в заблуждение те, кто не верует – они в один год объявляют месяц дозволенным, незапретным, а в другой год – запретным и нарушают тем самым установленное Аллахом число. Они объявляют незапретными месяцами те, которые Аллах объявил запретными, и объявляют запретными те месяцы, которые Аллах объявил незапретными» [4, с. 438]. Практика выделения запретных месяцев (شهر حرام), существовала у арабов задолго до возникновения ислама. Сроки наступления одного из них – зу-л-хиджжа – напрямую связаны со сроками паломничества и праздника ид ал-адха. В этой связи, нельзя не обратить внимание на то, что реформа календаря была произведена во время «прощального паломничества», тогда же, когда упорядочены обряды хаджа, связанные с традицией об Ибрахиме. Указание на то, что переход от лунной к лунно-солнечной системе счета времени у доисламских арабов, произошел под влиянием иудеев, позволяет предполагать, что возврат к лунному календарю означал завершение процесса ритуального дистанцирования ислама от иудаизма. Таким образом, проведение календарной реформы уже не на доктринальном, а на ритуальном уровне, поставило точку в споре об Ибрахиме/Аврааме между двумя традициями.

Не преследуя цели подвергнуть анализу все аргументы, выдвинутые в ходе дискуссии о формировании мусульманской традиции об Ибрахиме, попытаемся представить догматическую основу и ритуальные традиции праздника ид ал-адха в том виде, в котором они существовали и существуют в сознании представителей мусульманской уммы. Рассказ о жертвоприношении, совершенном Ибрахимом, который стал мифологической основой праздника, следующим образом зафиксирован в кораническом тексте. «И мы обрадовали его кротким юношей. А когда он дошел до утра вместе с ним, он сказал: «Сынок мой, вижу я во сне, что закалываю тебя в жертву, и посмотри, что ты думаешь». Он сказал: «Отец мой, делай, что тебе приказано; ты найдешь меня, если пожелает Аллах, терпеливым». И когда они оба предались Аллаху и тот поверг его на лоб, и воззвали Мы к нему: «О Ибрахим! Ты оправдал видение». Так Мы вознаграждаем добродетельных! Поистине, это – явное испытание. И искупили Мы его великою жертвой» (XXXVII: 99/100–107/107). Интерпретация данного отрывка и его сравнение с аналогичным рассказом, содержащимся в Торе, приводят мусульманских авторов к осознанию важного различия двух текстов. Действительно, согласно иудейско-христианскому варианту: «И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой» (Бытие. 22: 7–8) [19].* Неопределенный ответ Авраама в мусульманской традиции

* Здесь и далее цитаты и ссылки на библейский текст приводятся по изданию: Тора. Пророки, Писания и Новый Завет.– Иерусалим: Израильская ассоциация по распространению Библейских писаний, 1992.– 1018 с.

получает следующую трактовку: «На прямой вопрос сына о том, где же агнец для всесожжения, Авраам отвечает туманно. Он один откликается на Божественный призыв. Это различие между двумя повествованиями может показаться незначительным; однако оно оказывает огромное влияние на сущность понимания веры, ее испытаний и отношений человека с Богом» [15, с. 25]. Таким образом, по мысли автора приведенных строк, мусульманская традиция о жертвоприношении Исаила не только противостоит индивидуализму в вопросах веры, но и утверждает в качестве основного принципа этой веры покорность воле Бога, а в качестве основных добродетелей – жертвенность, терпение и искренность.

Еще одной важной точкой расхождения между двумя традициями является давний спор о том, какого именно сына намеревался принести в жертву Ибрахим. Несмотря на то, что в соответствующих айатах имя сына Ибрахима не названо, анализ контекста коранической суры позволяет утверждать, что в данном случае под «кротким юношей» подразумевается Исаил. Важным аргументом в пользу такой трактовки коранического текста является то, что непосредственно вслед за историей жертвоприношения сына Ибрахима помещен рассказ о рождении Исхака/Исаака (إسحاق): «И обрадовали Мы его Исхаком, пророком из достойных, и благословили и его, и Исхака...» (XXXVII: 112/112–113/113) [20, с. 82]. Еще одним кораническим отрывком, на который ссылается мусульманская традиция в контексте спора о сыновьях Ибрахима, являются айаты, в которых жене Ибрахима сообщается о появлении на свет Исхака, а затем Йакуба (يعقوب). «А жена его стояла и рассмеялась; и Мы ее обрадовали вестью об Исхаке, а за Исхаком – об Йакубе» (XI: 74/71). Данный аят получил следующую интерпретацию, переданную Ибн Исхаком (ум. в 767 г.): «Он упоминает сына и сына сына. Он не велел принести в жертву Исхака (Исаака), пообещав, что у этого сына будет сын. Поэтому единственным, кого Аллах велел принести в жертву, был Исаил (Измаил)» [21, с. 577]. Следует отметить, что и позднее «аргументы» в этом споре в «пользу» Исаила, продолжали формулироваться средневековыми мусульманскими авторами в русле полемики с иудеями. Один из авторитетнейших комментаторов Корана – Ибн Касир (1302–1373 гг.), в составленных им «Рассказах о пророках», детально рассматривает мнения различных мусульманских ученых по этому вопросу. Подводя итог, Ибн Касир приводит следующую историю. Будто бы халиф Умар б. Абд ал-Азиз, правивший с 717 по 720 гг., желая прояснить вопрос о том, кого из сыновей намеревался принести в жертву Ибрахим, обратился к одному человеку. «Прежде этот человек был иудеем, но принял ислам и стал хорошим мусульманином, и было видно, что он относился к числу иудейских ученых. Умар ибн Абд-аль-Азиз спросил его: «Кого из двух сыновей Ибрахима было велено принести в жертву?» Тот ответил: «Клянусь Аллахом, Исаила, о повелитель правоверных! Поистине, иудеи знают об этом, но завидуют вам, арабам, ибо Аллах отдал веление, касающееся вашего праотца, и упомянул о его заслуге, ибо он проявил терпение, когда его было велено принести в жертву. Они же отрицают это и утверждают, что в жертву было велено принести Исхака, поскольку Исхак – их праотец» [22, с. 289–290].

Таким образом, на первое место в споре между мусульманами и иудеями выдвигается этногенетический аргумент. В связи с приведенным, хотелось бы подчеркнуть тот факт, что большинство современных мусульманских авторов, в соответствии с традицией, продолжают возводить этногенез арабов к Исмаилу. «Историки разделили арабов на три группы в соответствии с их происхождением. Исчезнувшие арабы. Это племена Ад, Самуд, аль-Амалика, Джадис, Умайм, Джурхам, Хадрамаут и все, кто связан с ними. Все они исчезли до ислама. У них были цари, власть которых распространялась до Шама и Египта. Южные арабы. Это потомки Яруба ибн Яшджуба ибн Кахтана. К ним принадлежали цари Йемена, королевства Маин, Сабы (Химьяра). Северные арабы. Это потомки Аднана, который ведет свое происхождение от Исмаиля, сына Ибрахима (мир им обоим)... Это Исмаиль, его потомки и джурхумиты, от которых Исмаиль научился арабскому языку и с которыми он породнился, в результате чего его дети выросли арабами, подобно ему самому... Другие же считают, что все арабы, и северные и южные, ведут свое происхождение от Исмаиля (мир ему). [16, с. 28–30]. Любопытно отметить, что с другой стороны, в современной академической среде были выдвинуты аргументы против общности арабо-еврейского этногенеза, возводимого к фигурам Исаака и Исмаила. Примером подобного подхода может служить изданная в серии «Библиотека «Иудаика» в переводе на русский язык в 2001 г. монография Ш. Д. Гойтейна «Евреи и арабы. Их связи на протяжении веков». Основные положения, выдвинутой автором точки зрения сводятся к следующему. Измаил – название древнего племени, исчезнувшего в истории. Под термином «измаильтяне» в библейском тексте следует понимать общее обозначение кочевников, обитавших в пустыне. В период Второго Храма это название было распространено и на арабов, с которыми евреи поддерживали тесные отношения. Из сказанного делается вывод: «Идея о том, что евреи и арабы являются «кузенами» через Измаила и Исаака, сыновей Авраама, не была традиционной ни в Библии, ни среди древних арабов. Но поскольку она была безоговорочно принята во всей еврейской литературе со времени Второго Храма, а также введена Мухаммадом в само священное писание ислама, положение о близком родстве признавалось обоими народами на протяжении всего долгого периода их симбиоза в исламские времена» [23, с. 25–26]. Родство же евреев и арабов, автор склонен возводить не к Исмаилу и Исааку, а к другим потомкам и родственникам Авраама [23, с. 35–36].

Как бы ни решался вопрос об общности происхождения арабов и евреев в рамках академической науки, очевидно, что и иудейская и исламская религиозные традиции возводят к фигуре Авраама/Ибрахима и его потомков этногенез обоих народов. Таким образом, для обеих традиций спор об Исмаиле/Исааке имеет два измерения – религиозное и этническое. Применительно к традиции ислама это означало, что: «Ибрахим оказывается одновременно и предвестником ислама, и отцом Исмаила, прародителем арабов. Правомочность ислама как религии, равной иудаизму и христианству, приобретает любезное сердцу арабов того времени генеалогическое обоснование» [12, с. 106]. Укажем в этой связи, что недвусмысленное упоминание имени Исаака, как предназначенного в жертву, в текстах иудейско-христианской традиции, неоднократно приводило часть

мусульманских полемистов к выводу о допущении христианами и иудеями намеренных фальсификаций (تحريف) в священных писаниях. Уже Ибн Касир писал: «... Исмаил, рожденный египтянкой Хаджар. Ибрахим должен был принести в жертву именно его, что же касается тех, кто утверждает, что в жертву следовало принести Исахака, то они полагаются на сообщения израильтян, которые подменили, исказили и по-своему истолковали Тору и Евангелие, нарушив заповеди этих ниспосланных свыше Писаний» [22, с. 387]. Как противостоящую устойчивой традиции, следует отметить в отечественной литературе попытку Тауфика Ибрагима доказать необоснованность такого подхода. Говоря в этом контексте о жертвоприношении Ибрахима, он пишет: «...предание о жертвоприношении Исмаила, при всей его распространенности, является внеканоническим: оно не входит ни в один из «шести сводов» хадисов... если уточнение о сыне столь принципиально, то как могло случиться, что и Коран и Сунна обходят его молчанием?!» [24, с. 191–192].

К сожалению, следует признать, что имеющиеся в нашем распоряжении источники, не позволяют однозначно судить о том насколько этногенетический аргумент в споре с иудеями, относительно Исмаила и Исаака, был важен для самого основателя ислама. Отметим, в этой связи, только тот факт, что в тексте Корана, на наш взгляд, проведена четкая грань между Исхаком и тем сыном Ибрахима, который был предназначен для жертвоприношения. Кроме уже приводившихся аргументов мусульманской традиции, обратим внимание на различие в эпитетах/характеристиках двух потомков Ибрахима, которые содержит коранический текст. Так, там, где речь идет о сыне, предназначенном в жертву, он назван «кротким юношей» (بِغْلَمٍ خَلِيمٍ) (XXXVII: 99/101). Там же, где речь идет о «гостях Ибрахима», рассказ о которых связан с обещанием рождения Исхака, сказано: «Не бойся, ведь мы радуем тебя мудрым мальчиком» (بِغْلَمٍ عَلِيمٍ) (XV: 53). Характеристика же потомков Исхака, содержащаяся в кораническом тексте, заставляет признать, что этногенетический аргумент в споре с иудеями был, как минимум, сформулирован при жизни пророка. «И обрадовали Мы его Исхаком, пророком из достойных, и благословили и его, и Исхака; а в потомстве (وَمِنْ ذُرِّيَّتِهِمَا) их – добродетельный и несправедливый к самому себе явно (XXXVII: 112–113).

Не вызывает сомнений, что этот аргумент приобрел первостепенное значение для последующего развития традиции, когда возникла необходимость обоснования господствующего положения арабов по отношению к израильтянам, сложившееся после великих арабских завоеваний и возникновения халифата. Уже в VIII в. Ибн Исхак (ум. в 767 г.) – автор одного из наиболее ранних жизнеописаний пророка – рассуждая о причине враждебных действий иудеев против Мухаммада, говорил: «И тогда священнослужители иудеев начали враждебные действия против Пророка, притесняя, завидуя и питая злобу к нему, когда Аллах избрал арабов, чтобы Мухаммада послать Пророком из их среды» [4, с. 170–171]. Очевидно, что в контексте такого объяснения отношения иудеев к Мухаммаду и исламу спор о предках приобрел особую актуальность. Содержание этого спора, вероятно, должно рассматриваться через призму выделения и избранничества того, кто был предназначен в жертву. Напомним, в этой связи, что и к качествам животных,

приносимых в жертву, мусульманское право предъявляет целый ряд требований. Говоря о человеческих жертвоприношениях, издавна бытовавших в семитской среде, необходимо отметить, что в литературе высказывались различные мнения по вопросу об обязательном первородстве, предназначавшегося в жертву ребенка. Согласно одному из них, для жертвы предназначались первенцы. Реконструируя религиозный культ жителей Угарита, Ю. Б. Циркин приходит к выводу: «По-видимому, в Угарите сохранялась и практика человеческих жертвоприношений: приносили в жертву перворожденных сыновей, и делалось это обычно при закладке какого-нибудь очень важного здания или в случае чрезвычайной опасности» [25, с. 221]. К сходному выводу пришел и другой известный отечественный семитолог И. Ш. Шифман (1930–1990 гг.), когда писал: «...жертва собственных детей (как правило, первенца или одного единственного) по представлениям жертвователей (финикийцев, иудеев, моавитян и других) была вовсе не актом нечеловеческой жестокости... Человек жертвует Богу самое дорогое из того, что у него есть, и тем самым заручается неизменным благоволением Бога» [26, с. 224–225]. Напротив, немецкий исследователь истории, культуры и религии Карфагена В. Хусс, проанализировав сообщения античных авторов о человеческих жертвоприношениях у карфагян, считает, что: «Слой населения, который приносил эти жертвы, античными авторами определялся различно, но никто не утверждает, что в жертву приносился старший ребенок или перворожденный» [27, с. 376]. О том, что в жертву могли приноситься как старшие, так и младшие сыновья, наглядно свидетельствует библейский текст, в частности, повествование о строительстве Иерихона во время правления в Израиле царя Ахава: «В его дни Ахиил Вефилянин построил Иерихон: на первенце своем Авираме он положил основание его и на младшем своем сыне Сегубе поставил ворота его, по слову Господа, которое Он изрек через Иисуса, сына Навина» (III Цар., 16:34). Таким образом, само по себе первородство, скорее всего, не могло служить главным критерием при выборе жертвы. Оно приобретало значение в контексте понятия «единственность».

Это подтверждает рассказ о жертвоприношении Авраама, в том виде, в каком он представлен в иудейско-христианской традиции. «Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака...» (Быт., 22:2). Если указание на «единственность» находится в явном противоречии с предшествующим рассказом об Исмаиле, на что всегда обращали внимание представители исламской традиции, то требование отцовской любви, находит свое соответствие и в мусульманском предании. В повествовании о жертвоприношении деда Мухаммада Абд ал-Мутталиба, где жребий пал на отца пророка Абдаллаха, и которое, судя по всему, является репликой на жертвоприношение Ибрахима, Ибн Хишам сообщает: «Абдаллах ибн Абд аль-Мутталиб был самым младшим сыном... Как утверждают, Абдаллах был самым любимым сыном Абд аль-Мутталиба, и Абд аль-Мутталиб думал, что стрела промахнется и пощадит его» [4, с. 42]. Очевидно, что единственным – уникальным – избранным предназначенного в жертву сына делает отцовская любовь. В конечном счете, требования предъявляемые к предназначенному в жертву потомку, могут быть сведены к главному: в жертву должно быть принесено самое дорогое и лучшее из того, чем обладает

жертвователю. Таким образом, с точки зрения представителей средневековой мусульманской традиции важна принципиальная близость между Ибрахимом и Исмаилом. Эта близость – как превосходство арабов над израильтянами – на этногенетическом и религиозном уровнях была осмыслена следующим образом. Передавая сведения о потомках Исаака и Исмаила Ибн Касир сообщает: «У Исаака родился Якуб, или же Исраиль, сыновья которого стали родоначальниками двенадцати колен израильтян. Среди представителей этих колен было очень много пророков, точное число которых известно лишь Тому, Кто направлял их к людям, последним же из них стал Иса, сын Марьям. Что же касается Исмаила, то он стал родоначальником всех арабов, разделившихся на отдельные племена. Среди его потомков был только один Пророк – последний из пророков, их господин и гордость рода человеческого в обоих мирах Мухаммад ибн Абдуллах ибн Абд аль-Мутталиб ибн Хашим аль-Кураши аль-Хашими, которому в День воскресения позавидуют первые и последние» [22, с. 312]. Таким образом, пророк Мухаммад, будучи потомком Исмаила, оказывается и единственным и лучшим среди пророков, воплощая в себе главные характеристики, которыми обладал его предок, предназначавшийся в жертву Богу.

В этой связи не удивительно, что известный сюжет об оставлении Авраамом Исмаила и его матери Агарь в пустыне, в том виде, как он представлен в иудейско-христианской традиции, не мог быть включен в мусульманскую традицию. Он получил здесь несколько иную интерпретацию. Якобы Ибрахим привез Хаджар с младенцем в Мекку, которая тогда была пустынным местом. Здесь, оставив им мешок фиников и мех с водой, он отправился обратно. Когда мех с водой опустел, а Исмаил стал испытывать муки жажды, Хаджар семь раз пробежала между возвышенностями Сафы и Марвы (الصفا و المروة), в надежде обрести помощь. В память о чем установлен соответствующий обряд хаджа – саай (سعى). Затем, на том месте, где сегодня находится источник Замзам (زمزم), она увидела ангела, копающего землю, пока из углубления не забила вода. Появление источника привлекло к этому месту людей из племени джурхум, которые и стали первым населением Мекки. После того, как Исмаил вырос, он взял в жены одну из дочерей джурхумитов. Ибрахим, передвигаясь верхом на Бураке (براق), несколько раз навещал Исмаила. В одно из таких посещений к Ибрахиму и пришло повеление Аллаха принести Исмаила в жертву. По велению Аллаха, Ибрахим вместе с Исмаилом восстановили Каабу, разрушенную потопом, и очистили ее от идолов [22, с. 273–309]. Прямой приказ Аллаха, адресованный Ибрахиму и его сыну Исмаилу, содержится в аятах второй суры, где сказано: «И Мы заповедали Ибрахиму и Исмаилу: «Очистите Мой дом для совершающих обход, и пребывающих, и преклоняющихся, и падающих ниц!... И вот, Ибрахим воздвигает основы дома, и Исмаил: «Господи наш! Прими от нас, ведь Ты, поистине – слышащий, знающий! Господи наш! И сделай нас предавшимися тебе и из нашего потомства – общину, предавшуюся Тебе, и покажи нам места нашего поклонения, и обратись к нам, ведь Ты – обращающийся, милосердный!» (II: 119/126–122/128). Далее, как известно, следует мольба Исмаила, в которой он просит Аллаха даровать будущей общине посланника. Таким образом, через Исмаила устанавливается прямая генетическая и

духовная связь пророка Мухаммада с Ибрахимом, а через него с арабомусульманской общиной, минуя иудеев и христиан. Стремление подчеркнуть эту связь, находит свое отражение в фактах биографии Мухаммада, являющихся своеобразными репликами на «факты» биографий Ибрахима и Исмаила, которые были зафиксированы мусульманским преданием. В их число, по нашему мнению, могут быть включены: нарратив о жертвоприношении Абд ал-Мутталиба, повествование об участии пророка в перестройке Каабы, наконец, рассказ об очищении Мухаммадом мекканского храма от идолов. Ибрахим – первый пророк-монотеист и проповедник единобожия, носитель истинной веры (XXVI: 69/69 – 74/74), с чем связан устойчивый, по отношению к нему, эпитет – «друг Аллаха» (خليل الله). Мухаммад – последний пророк-монотеист, миссия которого заключается в восстановлении подлинного единобожия, которого придерживался Ибрахим.

Не вызывает сомнений, что рассказ о замене сына Ибрахима/Авраама во время жертвоприношения животным, является отражением распространенной в семитской среде так называемой «жертвы замещения» [27, с. 372; 26, с.255]. Несмотря на то, что рассказ о принесении в жертву вместо Исмаила/Исаака животного отражает общую тенденцию, иудейская и мусульманская традиции акцентируют внимание на разных смысловых аспектах этого рассказа, извлекая из него, если можно так выразиться, разные уроки. Согласно первой из них: «...рассказ о жертвоприношении Авраама имеет одной из основных своих целей отвержение человеческих жертвоприношений, практиковавшихся окрестными языческими народами» [28, с. 52]. Строгий запрет на жертвоприношения детей в тексте Пятикнижия повторяется еще несколько раз (Лев.,18:21, 20: 2–5). Кроме ритуального дистанцирования от окрестных язычников, важным итогом жертвоприношения Авраама является обещания, данные ему Богом. «Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твоё, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твоё городами врагов своих; И благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего» (Быт., 22:17–18). Таким образом, «жертва замещения» приводит к тем же результатам, что и жертвоприношение ребенка – обретение божественного благословения, реализующегося в плодovitости и господстве.

Несколько иначе раскрывается смысл жертвоприношения Ибрахима в мусульманской традиции. Напомним, что, в отличие от Торы, текст Корана не содержит прямого указания на запрет человеческих жертвоприношений. Этот запрет скорее подразумевается, а внимание в истории жертвоприношения Ибрахима акцентируется на ином. Во-первых, весь контекст аятов 99/101–110/110 XXXVII суры – действия Ибрахима, оповещение Исмаила и обещание последнего, «если пожелает Аллах» (إِنْ شَاءَ اللَّهُ), проявить терпение – говорит об абсолютной покорности Ибрахима и Исмаила воле Аллаха. Отметим, в этой связи, что и действие кульминационного момента жертвоприношения в тексте передается глаголом أَسْلَمَا – «покорились». Во-вторых, там, где речь идет о замене Исмаила животным, от лица Аллаха сообщается: «И искупили Мы его великою жертвой» (وَفَدَيْنَاهُ بِذَبْحٍ عَظِيمٍ) (XXXVII: 107/107). Ибн Касир, комментируя соответствующий аят, пишет: «Слова Аллаха «И Мы выкупили его, [позволив Ибрахиму принести]

великую жертву [вместо сына]» означают, что Аллах заменил жертвоприношение сына тем, что было легко для Ибрахима» [22, с. 284]. Таким образом, кровь жертвы «искупила/выкупила» жизнь Исмаила. В свете приведенного, не вызывает удивления и то, что текст Корна менее многословен, чем текст Торы, в вопросе «вознаграждения» Ибрахима: добрая молва в поколениях, рождение Исхака, благословение Ибрахима и Исхака (XXXVII: 108/108 – 113/113). Следует признать, что главная награда за покорность и готовность пожертвовать жизнью Исмаила – жизнь Исмаила. Обратим внимание, в этой связи, на распространенный мусульманский обычай акика (عقيقة) – принесение жертвы за новорожденного. В соответствии с текстом достоверного хадиса: «Сообщается, что Сальман бин Амир ад-Дабби, да будет доволен им Аллах, сказал: «Я слышал, как посланник Аллаха, ﷺ, сказал: «За новорожденного мальчика следует приносить жертву /акика/. Выпускайте из нее кровь и устраняйте то, что доставляет страдания (младенцу)» (1824) [29, с. 740–741]. По традиции, за новорожденного приносят в жертву две овцы, а за новорожденную – одну. Приведенное заставляет признать, что основной смысл коранического рассказа о жертвоприношении Ибрахима заключается, с одной стороны, в демонстрации эталонной покорности воле Аллаха, а, с другой, в утверждении искупительной силы жертвы. Что же означает содержательная сторона этой искупительной силы для мусульман, совершающих обряд жертвоприношения сегодня? В качестве ответа на этот вопрос приведем мнение одного из современных отечественных комментаторов Корана: «Со времен заключительного Божьего посланника, пророка Мухаммада, авраамическая традиция жертвоприношения стала важным религиозным ритуалом, проводимым раз в год в каждой мусульманской семье: на Курбан-байрам принести в жертву перед Богом барашка, тем самым «выкупая» свое и своей семьи благополучие, избавляя себя и семью от отягощающих грехов» [30, с. 1090]. В связи с упоминанием об искуплении грехов, напомним, что согласно широко распространенному преданию, когда Мухаммад приносил жертву от имени своей дочери Фатимы, он выразил желание, чтобы Фатима присутствовала при этом, сказав, что ее грехи будут прощены с падением первой капли крови жертвы. Таковы, на наш взгляд, основные различия в интерпретации предания о жертвоприношении Ибрахима/Авраама, которые можно выделить между иудейской и мусульманской традициями, и которые являются наиболее значимыми для второй из них.

Выше мы уже отмечали, что некоторые представители западноевропейского востоковедения XIX в. видели в исламских обрядах, прежде всего, результат арабизации иудейско-христианской традиции. На наш взгляд, было бы явным упрощением считать, что мусульманский обряд заклания жертвенных животных – простое заимствование из ритуальной практики доисламского населения Аравии. Дошедшие до нас источники позволяют рассматривать языческие ритуалы жертвоприношений, которые совершали арабы, как широко распространенную практику приношения даров божествам и их «кормления». Так, например, Хишам ал-Калби (ум. в 819 или в 822 гг.) приводит следующее свидетельство: «Арабы и курайшиты давали по ней имя – Абд ал-Узза. Она была самым почитаемым идиолом у курайшитов. Они приходили к ней, приносили ей дары и старались снискать ее

расположение жертвоприношением. Сообщили нам, что посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует,... сказал: «Я принес в дар ал-Уззе рыжеватую козу, когда следовал вере моих сородичей» [31, с. 20]. Вероятно, в представлении арабов, живших до ислама, основной «пищей» божеств во время жертвоприношений являлись мясо и кровь закалываемых животных. Так, до нас дошли свидетельства, что некоторых идолов арабы поливали жертвенной кровью [31, с. 28]. Совершенно иначе трактуется обряд жертвоприношения в исламе. По этому поводу в кораническом послании говорится: «Не дойдет до Аллаха ни их мясо, ни их кровь, но доходит до Него богобоязненность ваша. Так Он подчинил их вам, чтобы вы возвеличили Аллаха за то, что Он вывел вас на прямой путь, а ты обрадуй делающих добро!» (XXII: 38/37). Ибн Касир в своем толковании Корана на этот аят раскрывает обстоятельства его ниспослания. «Джурайдж сообщил, что в доисламский период люди приносили к Дому мясо и кровь жертвенных животных. Тогда сподвижники Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует) сказали: «У нас больше прав на это». В этот момент Аллах ниспослал этот аят... В «Сахихе» сказано: «Аллах смотрит не на вашу внешность и состояние, а на ваши сердца и поступки. Другой хадис: «Милостыня попадает в руки Милостивого до того, как попадает в руки просящего. А кровь жертвенного животного возвеличена перед Господом еще до того, как успеют капли ее упасть на землю» [21, с. 108]. Таким образом, обряд жертвоприношения в исламе, в отличие от языческой практики «кормления» и задабривания идолов, следует рассматривать, прежде всего, как акт поклонения Аллаху, связанный с выражением богобоязненности и покорности воле Аллаха, искуплением грехов и приобретением благополучия.

Говоря о традициях ид ал-адха, необходимо отметить, что с обрядом жертвоприношения в исламе связан целый ряд необходимых условий и юридических норм. Принято считать, что не только паломники, но каждый свободный мусульманин, способный приобрести жертвенное животное должен совершить жертвоприношение 10-го зу-л-хиджжа. Относительно уровня обязательности этого ритуального акта в среде мусульманских ученых высказывались различные мнения. Так, некоторые из представителей ханафитского и шафиитского мазхабов считали, что заклание жертвенного животного, является желательным. Основатель ханафитского мазхаба Абу Ханифа полагал, что это действие обязательное, то есть, не совершивший его без уважительной причины, впадает в грех. В любом случае, по мнению большинства: «Канонически порицаемо пренебрежение этим видом поклонения со стороны тех, кто имеет на то материальные средства» [32, с. 295]. На основании данных мусульманского предания, были сформулированы несколько критериев, по которым человек должен определять для себя обязательность заклания жертвенного животного. Во-первых, как уже было сказано, мусульманин должен быть свободным, во-вторых, совершеннолетним и психически здоровым, в третьих, на него не должен распространяться статус путника (مسافر). Наконец, он должен располагать необходимыми материальными средствами. О размере последних представителями различных религиозно-правовых школ высказывались различные точки зрения. Например, правоведы шафиитского мазхаба (مذهب) считают, что у человека должны

быть средства для содержания себя и своей семьи на четыре праздничных дня, и сверх того на приобретение жертвенного животного. Ханафиты считают, что обязанность жертвоприношения распространяется на всякого, кто выплачивает закят (زكاة) [32, с. 296–297].

В связи с тем, что заклание жертвенного животного требует определенных навыков, которыми обладают далеко не все представители мусульманской уммы, большое значение приобретает следующий вопрос: обязательно ли совершать обряд самому, или возможно, чтобы это сделал вместо жертвующего другой мусульманин, отвечающий необходимым для этого критериям? Ответ на этот вопрос содержится в сунне. Так, например, имам Муслим приводит хадис, из которого следует, что пророк Мухаммад совершал жертвоприношение за членов своей семьи (1269) [33, с. 641]. Одним из условий, на котором настаивают некоторые богословы, при таком варианте жертвоприношения, является присутствие жертвующего во время обряда. Следует отметить, что, в соответствии с установлениями ислама, далеко не всякое животное может быть принесено в жертву. Согласно единодушному мнению исламских правоведов и богословов, для жертвоприношения годны: верблюды, буйволы, быки, коровы, бараны, овцы и козы. Требования к возрасту закладываемых животных определены указаниями, которые содержатся в хадисах. Например: «Передают со слов Джабира ибн Абдуллаха, да будет доволен Аллах ими обоими, что посланник Аллаха сказал: «Приносите в жертву двухгодовалых животных, а если делать это вам будет затруднительно, то приносите в жертву годовалых овец» (1266) [33, с. 640]. Животное, пригодное для жертвоприношений должно быть лишено изъянов, в противном случае, оно не подходит для совершения обряда. Среди таких изъянов наиболее распространенными являются: слепота, хотя бы на один глаз, хромота, не позволяющая животному самостоятельно дойти до места заклания, отсутствие каких-либо частей тела [32, с. 299]. Поскольку выбор жертвенного животного следует осуществлять в соответствии с указанными требованиями, а также учитывая массовый характер совершения обряда, неудивительно, что в мусульманском мире накануне праздника организуются ярмарки по продаже скота. Э. У. Лэйн, говоря о Каире XIX века, свидетельствует: «В течение нескольких предшествующих этому празднику дней в столицу сгоняют стада овец и множество буйволов, чтобы продавать их для жертвоприношения» [34, с. 379]. В этой связи, необходимо отметить, что установления ислама, регламентирующие обряд жертвоприношения, допускают его совместный характер. Так, при заклании коровы или верблюда, допустимой нормой является – одно животное на семерых человек (746) [33, с. 382].

Напомним, что исламский способ забоя скота предполагает перерезание животному горла, таким образом, чтобы рассеченными оказались основные артерии, но не был поврежден спинной мозг. Одно из важных условий, соблюдение которого считается необходимым при совершении жертвоприношения – произнесение над жертвой определенных молитвенных формул. Текст Корана содержит специальное предписание по этому поводу: «Поминайте же имя Аллаха над ними, стоящими в ряд» (XXII: 37/36). Над жертвенным животным произносят три раза такбир (الله أكبر), басмалу (بسم الله الرحمن الرحيم), вновь троекратный такбир,

славословие пророку, обратившись лицом к кибле, просят у Аллаха принять жертву [35, с. 88]. Существует целая группа хадисов, которые предписывают свести страдание жертвенного животного к необходимому минимуму. Так, например, запрещается тащить животное к месту жертвоприношения, или пользоваться при забое тупым орудием. Не разрешается использовать орудия, сделанные из когтей и зубов животных. Специальные правила регламентируют распределение мяса и шкур жертвенных животных. Обыкновенно, две трети мяса раздается, а из оставшейся части готовится праздничное блюдо для семьи. Если же жертва приносится по обету, то раздать следует все. В этой связи необходимо подчеркнуть, что благотворительность для мусульманина является одной из форм поклонения Аллаху. Не могут не впечатлить объемы этой благотворительности, осуществляемой в связи с праздником жертвоприношения. Начиная с 80-х гг. только на территории Саудовской Аравии ежегодно перерабатывается мясо приблизительно полумиллиона овец, с последующим распределением его среди нуждающегося населения мусульманских стран [36, с. 35].

В соответствии с предписаниями сунны, жертвоприношение, для того, чтобы считаться действительным, должно быть совершено в определенный промежуток времени. Например: «Передают, что аль-Бара ибн Азиб, да будет доволен Аллах ими обоими, сказал: «Однажды в день жертвоприношения посланник Аллаха сказал: «Поистине, первым, с чего мы начнем в этот наш день, будет совершение молитвы, а потом мы вернемся и заколем жертвенных животных. Тот, кто сделает это, поступит согласно нашей сунне, а тот, кто уже заколол своих животных, пусть знает, что это – мясо, которое он принес своей семье и которое не имеет никакого отношения к обряду жертвоприношения». Услышав это, Абу ибн Нияр, уже заколовший свое животное, сказал: «У меня есть годовалая козочка, которая лучше, чем двухлетка», и тогда пророк сказал: «Заколи ее, но после тебя это больше никому не послужит заменой» (1265) [33, с. 639]. Таким образом, время, предписанное для заклания жертвенных животных, наступает после праздничной молитвы. Завершается это время, по мнению представителей большинства религиозно-правовых школ, «незадолго до захода солнца третьего дня» [32, с. 300]. В этой связи следует отметить, что не только 10-е число месяца зу-л-хиджжа, но и следующие за ним три дня считаются праздничными. Эти дни получили название «дни ташрика» (أيام التشريق). Слово «ташрик» (التشريق) в переводе с арабского означает «заготовка, вяление мяса». Мусульманское предание содержит данные о том, что сначала Мухаммад запретил использование мяса жертвенных животных по истечении трех дней с момента жертвоприношения, но позднее этот запрет был им отменен (1270–1271) [33, с. 641]. Постится в эти дни считается предосудительным, на что также есть специальное указание в сунне: «...посланник Аллаха сказал: «Дни ташрика являются днями, когда следует есть и пить» (629) [33, с. 328]. Важным ритуалом, связанным с днем жертвоприношения, для мусульманина является участие в особой праздничной молитве – салат ал-идайн (صلاة العيدین), время для которой наступает приблизительно через 40 минут после восхода солнца [32, с. 290]. Как и в случае с праздником разговения, молитва состоит из двух ракаатов (ركعة), и включает в себя большое количество молитвенных формул, восхваляющих

Аллаха (تكبير). Другими элементами праздничной культуры мусульман, связанной с днями жертвоприношения, являются обычаи совершать визиты родственникам и знакомым, обмениваться подарками, надевать новую одежду [37, с. 73]. Подобно тому, как это происходит, например, во время праздника разговения, в праздничные дни месяца зу-л-хиджжа, принято посещать кладбища, проводя время у могил предков [35, с. 88].

Рассмотренный нами материал позволяет прийти к некоторым заключениям. Существование обрядов хаджа и кровавых жертвоприношений в доисламской Аравии, с одной стороны, и связь мусульманского обряда жертвоприношения с фигурой пророка Ибрахима, с другой, делают, на наш взгляд, оправданным подход к изучению мусульманской традиции ид ал-адха, выработанный в мировом и отечественном востоковедении. Его основное положение заключается в том, что древний праздник был переосмыслен в монотеистическом ключе, под воздействием полемики как с арабами язычниками, так и с носителями иудейско-христианской традиции. Отметим, что паломничество, как это сумел показать У. М. Уотт, признавалось важным актом поклонения мусульманами и до открытого разрыва с мединскими иудеями [10, с. 334]. Этот факт заставляет предположить, что первый импульс для монотеистического переосмысления праздника жертвоприношения Мухаммаду могла дать дискуссия с язычниками. Следует признать, что главным ее итогом стал отказ от взгляда на жертвоприношение как на обряд кормления или задабривания божества. Позднее основным фактором формирования исламской традиции о жертвоприношении Ибрахима, которое превратилось в прототип ид ал-адха, стала полемика пророка с иудеями Медины. Точка в этой полемике была поставлена во время «прощального паломничества», когда произошло упорядочивание обрядов мусульманского хаджа. Одним из аргументов в пользу сказанного, является, на наш взгляд, календарная реформа, осуществленная тогда же и вернувшая арабов к лунному календарю. Отмена лунно-солнечной системы счета времени, позаимствованной арабами у иудеев, позволила зафиксировать сроки паломничества и праздника жертвоприношения.

Догматической основой обрядов ид ал-адха стал коранический рассказ о жертвоприношении Ибрахима. Средневековая мусульманская традиция, сталкиваясь с библейской версией данного нарратива, продолжала развиваться в полемическом русле. Одним из главных вопросов, волновавших мусульманских полемистов и комментаторов Корана, стал вопрос о том, кого из сыновей должен был принести в жертву Ибрахим. Преобладающим в мусульманской традиции стало мнение, согласно которому, в жертву предназначался Исмаил – прародитель арабов. Анализ коранического текста позволяет предположить, что этногенетический аргумент в полемике с иудеями мог быть сформулирован уже при жизни Мухаммада, однако первостепенное значение он приобрел позднее, когда возникла необходимость обоснования политического господства арабо-мусульманской уммы. Религиозная ценность этого аргумента, по нашему мнению, определялась и определяется не только тем, что Исмаил в мусульманской традиции является предком арабов, но, в большей степени, тем, что пророк Исмаил – прямой предок пророка Мухаммада.

Несмотря на то, что обе версии рассказа о жертвоприношении Ибрахима отражают общую распространенную в древней семитской среде практику «замещения жертвы», сопоставление их позволяет выявить различия между ними и особенности каждой из них. Анализ этих особенностей, на наш взгляд, приводит к пониманию смысла обряда жертвоприношения и праздника ид ал-адха в исламе. Этот смысл, применительно к кораническому сюжету, заключается в демонстрации образцовой покорности воле Аллаха, на примере поведения Ибрахима и Исмаила, и искуплении/выкупе жизни Исмаила. Историческая трансформация понятий «покорность» и «искупление/выкуп» привели к тому, что мусульманин, совершающий заклание жертвенного животного сегодня, своим актом поклонения выражает богобоязненность и искупает/выкупает грехи. Источником правил, регламентирующих обряд заклания жертвенных животных, является текст Корана и, в большей степени, мусульманское предание – сунна (سنة). Среди наиболее важных из них следует отметить: выбор жертвенного животного, в соответствии с предъявляемыми к нему требованиями; время жертвоприношения; произнесение во время обряда предписанных молитвенных формул; способ забоя жертвы; соблюдение правил раздела туши, принесенного в жертву животного.

Список использованных источников и литературы

1. Бируни Абу Рейхан. Памятники минувших поколений / Абу Рейхан Бируни // Избранные произведения. – Т. 1. – Ташкент: Изд-во АНУзССР, 1957. – 488 с.
Biruni Abu Rejhan. Pamjatniki minuvshih pokolenij / Abu Rejhan Biruni // Izbrannye proizvedenija. – T. 1. – Tashkent: Izd-vo ANUzSSR, 1957. – 488 s.
2. Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. – Баку : Язычы, 1990. – 744 с.
Koran / Per. I. Ju. Krachkovskogo. – Baku : Jazychy, 1990. – 744 s.
3. Ермаков Д. В. Хадж / Д. В. Ермаков // Ислам: энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1991. – С. 261.
Ermakov D. V. Hadzh / D. V. Ermakov // Islam: jenciklopedicheskiy slovar'. – M. : Nauka, 1991. – S. 261.
4. Ибн Хишам. Жизнеописание пророка Мухаммада / Ибн Хишам / Пер. с араб. Н. А. Гайнулина. – М. : Умма, 2002. – 485 с.
Ibn Hisham. Zhizneopisanie proroка Muhammada / Ibn Hisham / Per. s arab. N. A. Gajnulina. – M. : Umma, 2002. – 485 s.
5. Крачковский И. Ю. Памяти Хр. Снука Хюргронье, почетного члена Академии наук СССР (8 II 1857–26 VI 1936) / И. Ю. Крачковский // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. V. – М. – Л. : АН СССР, 1958. – С. 386–396.
Krachkovskij I. Ju. Pamjati Hr. Snuka Hjurgron'e, pochetnogo chlena Akademii nauk SSSR (8 II 1857–26 VI 1936) / I. Ju. Krachkovskij // Krachkovskij I. Ju. Izbrannye sochinenija. T. V. – M. – L. : AN SSSR, 1958. – S. 386–396.
6. Микульский Д. В. Август Мюллер: «устаревший» и новый / Д. В. Микульский // ППС. – 2005. – Вып. 102. – С. 104–111.
Mikul'skij D. V. Avgust Mjuller: «ustarevshij» i novyj / D. V. Mikul'skij // PPS. – 2005. – Vyp. 102. – S. 104–111.
7. Мюллер А. История ислама: От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов / А. Мюллер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004. – 911 с.
Mjuller A. Istorija islama: Ot doislamskoj istorii arabov do padenija dinastii Abbasidov / A. Mjuller. – M.: ООО «Izdatel'stvo Astrel»: «Izdatel'stvo AST», 2004. – 911 s.
8. Велльхаузен Юлиус. Арабский халифат. Золотой век ислама / Ю. Велльхаузен / Пер. с англ. Т. М. Шуликовой. – М. : Центрполиграф, 2018. – 315 с.

- Vell'hauzen Julius. Arabskij halifat. Zolotoj vek islama / Ju. Vell'hauzen / Per. s angl. T. M. Shulikovo. – М. : Centrpoligraf, 2018. – 315 s.
9. Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата / В. В. Бартольд. – М. : Вост. лит., 2002. – 784 с.
- Bartol'd V. V. Raboty po istorii islama i Arabskogo halifata / V. V. Bartol'd. – М. : Vost. lit., 2002. – 784 s.
10. Уотт У. М. Мухаммад в Медине / У. М. Уотт / Пер. с англ. – СПб. : ДИЛИА, 2007. – 480 с.
- Uott U. M. Muhammad v Medine / U. M. Uott / Per. s angl. – SPb. : DILJa, 2007. – 480 s.
11. Грюнебаум Г. Э. фон Классический ислам. Очерк истории (600–1258) / Г. Э. Грюнебаум / Пер. с англ. И. М. Дижур. – М. : Наука, 1986. – 216 с.
- Grjunebaum G. Je. fon Klassicheskij islam. Ocherk istorii (600–1258) / G. Je. Grjunebaum / Per. s angl. I. M. Dizhura. – М. : Nauka, 1986. – 216 s.
12. Большаков О. Г. История халифата Т. 1 : Ислам в Аравии (570–633) / О. Г. Большаков. – М. : Наука, 1989. – 312 с.
- Bol'shakov O. G. Istorija halifata. T. 1 : Islam v Aravii (570–633) / O. G. Bol'shakov. – М. : Nauka, 1989. – 312 s.
13. Пиотровский М. Б. Ибрагим / М. Б. Пиотровский // Ислам: энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1991. – С. 87–88.
- Piotrovskij M. B. Ibrahim / M. B. Piotrovskij // Islam: jenciklopedicheskij slovar'. – М. : Nauka, 1991. – С. 87–88.
14. Paret R. Ibrahim / R. Paret // Encyclopaedia of Islam V. III. – Leiden : Brill, 1986. – P. 386–396.
15. Рамадан Т. По стопам Пророка: уроки из жизни Мухаммада / Т. Рамадан / Пер. с англ. – М. : Слово без границ, 2015. – 304 с.
- Ramadan T. Po stopam Proroka: uroki iz zhizni Muhammada / T. Ramadan / Per. s angl. – М. : Slovo bez granic, 2015. – 304 s.
16. ас-Саляби Али Мухаммад. Жизнеописание Пророка. Изложение событий и их анализ Т. 1 / А. М. ас-Саляби / Пер. с араб. Е. Сорокоумовой. – М. : Аль-Китаб, 2012. – 624 с.
- as-Saljabi Ali Muhammad. Zhizneopisanie Proroka. Izlozhenie sobytij i ih analiz T. 1 / A. M. as-Saljabi / Per. s arab. E. Sorokoumovoj. – М. : Al'-Kitab, 2012. – 624 s.
17. Ефремова Н. В., Ибрагим Т. К. Жизнь пророка Мухаммада / Н. В. Ефремова, Т. К. Ибрагим. – М. : Научно-издательский центр «Ладомир», 2009. – 1062 с.
- Efremova N. V., Ibragim T. K. Zhizn' proroka Muhammada / N. V. Efremova, T. K. Ibragim. – М. : Nauchno-izdatel'skij centr «Ladomir», 2009. – 1062 s.
18. Климишин И. А. Календарь и хронология / И. А. Климишин. – М. : Наука, 1985.
- Klimishin I. A. Kalendar' i hronologija / I. A. Klimishin. – М. : Nauka, 1985.
19. Тора. Пророки, Писания и Новый Завет. – Иерусалим : Израильская ассоциация по распространению Библейских писаний, 1992. – 1018 с.
- Tora. Proroki, Pisanija i Novyj Zavet. – Ierusalim : Izrail'skaja asociacija po rasprostraneniu Biblejskih pisanij, 1992. – 1018 s.
20. Пиотровский М. Б. Коранические сказания / М. Б. Пиотровский. – М. : Наука, 1991. – 219 с.
- Piotrovskij M. B. Koranicheskie skazaniya / M. B. Piotrovskij. – М. : Nauka, 1991. – 219 s.
21. Ибн Касир. Толкование Корана в 4-х т. – Т. III / Ибн Касир / Пер. с араб. А. А. Шипиловой. – М. : Аль-Китаб, 2015. – 640 с.
- Ibn Kasir. Tolkovanie Korana v 4-h t. – T. III / Ibn Kasir / Per. s arab. A. A. Shipilinoj. – М. : Al'-Kitab, 2015. – 640 s.
22. Ибн Касир. Рассказы о пророках / Ибн Касир / Пер. с араб. и коммент. А. Нирша. – М. : Эксмо: Умма, 2017. – 1024 с.
- Ibn Kasir. Rasskazy o prorokah / Ibn Kasir / Per. s arab. i komment. A. Nirsha. – М. : Jeksmo: Umma, 2017. – 1024 s.
23. Гойтейн Д. Ш. Евреи и арабы. Их связи на протяжении веков / Пер. с англ. Н. Б. Кондыревой. – М. – Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2001. – 286 с.
- Gojtej D. Sh. Evrei i araby. Ih svjazi na protjazhenii vekov / Per. s angl. N. B. Kondyrevoj. – М. – Ierusalim: Mosty kul'tury, Gescharim, 2001. – 286 s.
24. Ибрагим Т. К. Коранический гуманизм / Т. К. Ибрагим. – М. : ИД «Медина», 2015. – 576 с.

- Ibragim T. K. Koranicheskiy gumanizm / T. K. Ibragim. – М. : ID «Medina», 2015. – 576 s.
25. Циркин Ю. Б. Мифы Финикии и Угарита / Ю. Б. Циркин. – М. :ООО «Издательство АСТ»; ООО «Астрель»; ЗАО «Редакционно-издательский комплекс Русанова», 2000. – 480 с.
- Cirkin Ju. B. Mify Finikii i Ugarita / Ju. B. Cirkin. – М. :ООО «Izdatel'stvo AST»; ООО «Astrel'; ЗАО «Redakcionno-izdatel'skij kompleks Rusanova», 2000. – 480 s.
26. Шифман И. Ш. Древняя Финикия – мифология и история / И. Ш. Шифман // Финикийская мифология. – СПб. : «Летний сад», Журнал «Нева», 1999. – С. 185–324.
- Shifman I. Sh. Drevnjaja Finikija – mifologija i istorija / I. Sh. Shifman // Finikijskaja mifologija. – SPb. : «Letnij sad», Zhurnal «Neva», 1999. – S. 185–324.
27. Хусс В. История карфагенян / В. Хусс / Пер. с нем. Ю. Б. Циркина. – СПб. : Нестор-История, 2015. – 448 с.
- Huss V. Istorija karfagenjan / V. Huss / Per. s nem. Ju. B. Cirkina. – SPb. : Nestor-Istorija, 2015. – 448 s.
28. Тантлевский И. Р. История Израиля и Иудеи до разрушения Первого Храма / И. Р. Тантлевский. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 402 с.
- Tantlevskij I. R. Istorija Izrailja i Iudei do razrushenija Pervogo Hrama / I. R. Tantlevskij. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. – 402 s.
29. ал-Бухари. Сахих / ал-Бухари / Пер. с араб. В. А. Нирша. – М. : Умма, 2005. – 959 с.
- al-Buhari. Sahih / al-Buhari / Per. s arab. V. A. Nirsha. – М. : Umma, 2005. – 959 s.
30. Аляутдинов Ш. Перевод смыслов Священного Корана / Ш. Аляутдинов. – СПб. : «Издательство «ДИЛЯ», 2017. – 1792 с.
- Aljautdinov Sh. Perevod smyslov Svjashhennogo Korana / Sh. Aljautdinov. – SPb. : «Izdatel'stvo «DILJa», 2017. – 1792 s.
31. Хишам ибн Мухаммад ал-Калби. Книга об идолах (Китаб ал-аснам) / Хишам ал-Калби / Пер. с араб., пред. и прим. В. В. Полосина ; отв. ред. П. А. Грязневич. – М. : Наука, ГРВЛ, 1984. – 64 с.
- Hisham ibn Muhammad al-Kalbi. Kniga ob idolah (Kitab al-asnam) / Hisham al-Kalbi / Per. s arab., pred. i prim. V. V. Polosina ; otv. red. P. A. Grjaznevich. – М. : Nauka, GRVL, 1984. – 64 s.
32. Аляутдинов Ш. Все о мусульманском посте и Курбан-байраме / Ш. Аляутдинов. – СПб. : «Издательство «ДИЛЯ», 2013. – 320 с.
- Aljautdinov Sh. Vse o musul'manskom poste i Kurban-bajrame / Sh. Aljautdinov. – SPb. : «Izdatel'stvo «DILJa», 2013. – 320 s.
33. Муслим. Сахих: Краткое изложение, составленное имамом аль-Мунзири / Муслим / Пер. с араб. В. А. Нирша. – М. : Умма, 2011. – 1216 с.
- Muslim. Sahih: Kratkoe izlozhenie, sostavlennoe imamom al'-Munziri / Muslim / Per. s arab. V. A. Nirsha. – М. : Umma, 2011. – 1216 s.
34. Лэйн Э. У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. / Э. У. Лэйн. – М.: Наука, 1982. – 436 с.
- Ljejn Je. U. Nrapy i obychai egiptjan v pervoj polovine XIX v. / Je. U. Ljejn. – М.: Nauka, 1982. – 436 s.
35. Резван Е. А. ИД ал-АДХА / Е. А. Резван // Ислам: энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1991. – С. 88.
- Rezvan E. A. ID al-ADHA / E. A. Rezvan // Islam: jenciklopedicheskij slovar'. – М. : Nauka, 1991. – S. 88.
36. Ханмагомедов Я. М. Хадж: происхождение и сущность / Я. М. Ханмагомедов // Исламоведение. – 2009. – №1. – С. 25–39.
- Hanmagomedov Ja. M. Hadzh: proishozhdenie i sushhnost' / Ja. M. Hanmagomedov // Islamovedenie. – 2009. – №1. – S. 25–39.
37. аль-Мансури И. Мусульманские праздники и обряды / И. аль-Мансури. – «Леном», 1998. – 176 с.
- al'-Mansuri I. Musul'manskije prazdniki i obrjady / I. al'-Mansuri. – «Lenom», 1998. – 176 s.

Spivak I. A. Eid al-adha: debates, meaning and rules of holiday

The process of Muslim ceremonies' formation had been proceeding under conditions of acute polemics between dawning Islam, heathens and representatives of Judaic and Christian tradition. The reconsideration of heathen rituals of pilgrimage to the sacred shrines of Mecca and establishment of Islamic ritual of the Hajj by Prophet Muhammad was one of the results of this polemic. Culmination of these rituals became feast of sacrifice, associated with the legend about Ibrahim's sacrifice. The analysis of available sources on Farewell pilgrimage of the Prophet and calendar reform that returned Muslims to the lunar timing system suggests a conclusion that the main factor to affect the final establishment of Hajj rites was polemics with Jew dwelling on the territory of Arabia. Comparison of Jew tradition of Abraham's sacrifice and Muslim legend of Ibrahim, analysis of available data on bloody sacrifices of Arabian heathens reveals religious meaning of Muslim sacrifice rite. Research of development of the Ibrahim's sacrifice legend in Koran commentator's tradition directs to conclusion that the question about Ismail and Isaac «who was meant to be sacrificed?» becomes of the main significance in further polemics with Jew. The analysis of arguments suggested by Muslim polemicists shows the importance of this question to the Muslim tradition.

Keywords: sacrifice, Ibrahim, expiation, Ismail, Isaac, Jew, Muhammad, polemics, tradition.

УДК 908(047.2) : 929.7

МИЛЮТИН И ВОРОНЦОВЫ: СОСЕДИ ПО УСАДЬБАМ

Твердохлебов Н. И.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: nick-aquarius@mail.ru*

Рассмотрены записи из дневников графа Дмитрия Алексеевича Милютин (1816–1912), опубликованные в 2008–2013 гг. Милютин проживал постоянно с 1881 г. в имении «Симеиз», имел широкий круг общения и в качестве ближайшего соседа освещает в дневниковых записях ряд событий, связанных с Алупкинским майоратом Воронцовых. Особую ценность представляют сведения 80–90-х гг. когда имение приходило в запустение, а в нем и вокруг него разворачивались весьма драматические события. Проанализировано участие Милютина и других лиц в истории скандального бракосочетания владельца майората светлейший князя Воронцова, графа Павла Андреевича Шувалова с баронессой Елизаветой Карловной Пилар фон Пильхау. Приведены данные о этом событии из метрической книги Архангело-Михайловской церкви в Алупке. Выявлено удивительные совпадения в биографиях жен дяди и племянника – Семена Михайловича Воронцова и Павла Андреевича Шувалова – Марии Васильевны и Елизаветы Карловны. Приведены свидетельства Милютина о визитах в Ялту в 90-е годы бывшего вице-консула Великобритании в Севастополе Гарфорда, который имел в Алупке дом и поддерживал в 70-е годы дружеские отношения с семьей Воронцовых. Рассмотрены обстоятельства кончины в алупкинском дворце в апреле 1891 г. великого князя Николая Николаевича Старшего. Интерес представляет критическая характеристика Милютина мужа последней владелицы майората в Алупке Елизаветы Андреевны Воронцовой Дашковой – Иллариона Ивановича, министра императорского двора и уделов (1881–1897).

Ключевые слова: майорат Алупка, Дмитрий Алексеевич Милютин, Семен Михайлович Воронцов, Мария Васильевна Воронцова, Павел Андреевич Шувалов, Елизавета Карловна Пилар фон Пильхау, Генрих Карлович Гарфорд, великий князя Николай Николаевич Старший, Илларион Иванович Воронцов-Дашков.

Дневники как вид письменного источника личного происхождения являются важными историографическими документами, прежде всего потому, что в отличие от мемуаров и воспоминаний, они наиболее точно и достоверно отражают события «по горячим следам». Особую ценность представляют дневники выдающихся государственных и общественных деятелей, обладавших огромным кругом общения и доступом к закрытой информации.

Граф Дмитрий Алексеевич Милютин – русский военный историк и теоретик, военный министр при Александре II (1861–1881), основной разработчик и проводник военной реформы 1860–70-х годов. Последний из русских, носивший звание генерал-фельдмаршала (с 1898). Милютин прожил долгую жизнь – 96 лет! Он родился при Александре I (1816), а умер при Николае II (1912).

Профессор П. А. Зайончковский, крупнейший специалист по истории России второй половины XIX века, дает ему такую характеристику: «Человек большого ума и обширных знаний, Милютин значительно выделялся из окружавшей его среды министров и царских сановников, являясь не только реформатором русской армии, но и крупным государственным деятелем своего времени. Будучи по своим политическим взглядам человеком либерального образа мыслей, Милютин в известной мере выражал взгляды и чаяния российского либерализма...» [1, с. 65].

В 1881 году, после убийства Александра II, он уходит в отставку и, оставшись членом Государственного совета, почти безвыездно живет в своём крымском имении в Симеизе, которое он приобрел в 1873 году на имя своей жены Натальи Михайловны. Там он работал над дневниками и воспоминаниями.

Дневник Д. А. Милютин вел с апреля 1873 г. по декабрь 1899 г. Он опубликован полностью в пяти томах в 2008–2013 гг. и, помимо прочего, является ценным документом по истории Большой Ялты 70–90 гг. XIX века [2]. Как ближайший сосед Воронцовых Милютин освещает целый ряд событий, связанных с алупкиным майоратом. Особую ценность представляют записи 1880–90-х гг. когда имение приходило в запустение, а в нем и вокруг него разворачивались весьма драматические события. Эти свидетельства очевидца позволяют более полно представить прошлое одного из самых известных дворянских имений, которые «...хранят в себе частичку великой и трагической истории Крыма и России» [3, с. 351].

Д. А. Милютин в период жизни в Симеизе.

С первым хозяином имения в Алушке – Михаилом Семеновичем Воронцовым – автор дневников лично знаком не был, хотя оба служили на Кавказе, но в разное время. Милютин в 1839–1844 гг. принимал участие в военных операциях против

Шамя, а в 1856–1859 гг. был начальником главного штаба войск Кавказской армии [4].

Семена Михайловича Воронцова и его супругу Марию Васильевну Милютин хорошо знал по службе в Петербурге и поддерживал добрососедские отношения в 70–80-е годы во время пребывания в своем симеизском имении. Так 7 октября 1876 г., когда в Ливадии Александр II обсуждал с приближенными неизбежность войны с Турцией, Милютин пишет: «...Вечером посетил нас сосед, князь Воронцов. Много толковали о том, что делать обитателям Южного берега в случае войны...» [5, с. 110].

С. М. и М. В. Воронцовы.

Развитию отношений после переезда Милютина в Симеиз на постоянное жительство в июне 1881 г. помешало ухудшение здоровья Воронцова и его скоропостижная кончина в мае 1882 г. О том, что в последний год жизни владелец Алупки был тяжело болен, свидетельствует запись в дневнике от 7 августа 1881 г. Милютин пишет о внезапном прибытии в Алупку генерал-губернатора Одессы князя А. М. Дондукова-Корсакова «...по случаю полученного им извещения об опасном положении нашего соседа князя Семена Михайловича Воронцова, которому, однако же, теперь легче...» [6, с. 334].

После кончины бездетного Семена Михайловича алупкинский майорат перешел старшему сыну его сестры Софьи отставному штабс-ротмистру Павлу Андреевичу Шувалову. По высочайшему указу он стал именоваться «Светлейший

князь Воронцов, граф Шувалов», однако «как психически больной, состоял под опекой с самого начала вступления своего в наследственные права» [7, с. 93, 101].

В январе 1885 г. в возрасте 38 лет Павел Андреевич женился первым браком на Елизавете Карловне, урожденной баронессе Пилар фон Пильхау (1852–1939), бывшей жене камер-юнкера Павла Валериановича Столыпина [10]. Свадьба состоялась в Алушке и Милютин подробно описывает это полное драматизма мероприятие как непосредственный участник. Приглашен он был не только как сосед. Дмитрия Алексеевича и его семью связывали теплые дружеские отношения с сестрой невесты – фрейлиной Анной Карловной, а также с её теткой – Екатериной Федоровной Тизенгаузен, камер-фрейлиной императрицы Марии Александровны, владелицей имения в Кореизе. Ее имя неоднократно упоминается на страницах дневника.

О бракосочетании сохранилась запись в метрической книге Архангело-Михайловской церкви в Алушке, в которой в числе «поручителей по жениху» значатся граф Ф. Ф. Сумарокова-Эльстон и генерал-адъютант граф Д. А. Милютин [10]. Феликс Феликсович был частым гостем в кореизском имении своей матери Елены Сергеевны, с которой автор дневника часто обменивался визитами. Его сестра Александра Феликсовна в 1891 г. стала женой племянника Д. А. Милютина Юрия Николаевича Милютина [8, с. 212, 260, 262].

Вот что записано в дневнике от 7 января 1885 г.: «Брак этот совершился не совсем в обыкновенном порядке: свадьба разыграна экспромтом, пока не успели расстроить ее добрые родственники жениха (граф и графиня Воронцовы-Дашковы и Балашовы), весьма не желающие, чтобы владетель Алушки и прочих наследий светлейшего князя Воронцова обзавелся потомством. Обряд венчания был назначен сегодня вечером в Алупской церкви; я был приглашен с моею семьею присутствовать при венчании, а потом на ужин в новоприобретенном князем Воронцовым там же, в Алушке, доме англичанина Гарфорта, поблизости церкви. Но вместо того обряд совершился утром, так неожиданно, что мы узнали об этом от самих молодых, приехавших к нам в Симеис прямо из церкви, после венчания. По приглашению их мы все-таки приняли участие в ужине, приготовленном в доме Гарфорта. Все происходило в самой простой, деревенской обстановке. И очень малочисленном обществе, но не обошлось без драматического инцидента. Новобрачные, приехав в назначенный час к ужину, были страшно встревожены неожиданным отказом венчавшего их священника занести их бракосочетание в церковную книгу и выдать им формальное свидетельство, вследствие только что полученных из Петербурга угрожающих телеграмм с предостережением о мнимой противозаконности брака. Новобрачный с братом своим и с графом Сумароковым-Эльстон бросились к священнику, чтобы объяснить с ним и устранить возникшее недоразумение. Переговоры длились добрых часа два, и в продолжение всего этого времени бедная новобрачная была в таком волнении, в таком отчаянии, что жаль было видеть ее. Наконец, дело было улажено, ужин прошел в приятном настроении, и разъехались мы довольно поздно. Молодые водворяются на несколько дней в Кореисе, на даче графини Тизенгаузен, а затем уедут за границу.

Для объяснения всех этих свадебных перипетий надобно заметить, что ближайшие родственники двух братьев Шуваловых, из которых старший сделался князем Воронцовым, выдают их за идиотов, не способных не только управлять обширными имениями, но даже иметь потомство. Этим несчастных братьев держат под опекой на положении слабоумных, тогда как в действительности они очень далеки от этой категории больных. По всей справедливости они могут быть причислены разве только к неврастеникам» [7, с. 151–152].

Е. К. Воронцова (урожденная Пилар фон Пильхау).

Прямо из Алупки молодые отправились в свадебное путешествие во Францию, где Павел Андреевич неожиданно скончался 4 апреля 1885 г. в Париже, похоронен на кладбище Монмартра. О П. А. Шувалове имеется очень мало документальных сведений. Достоверно известно, что во время вступления в наследство Воронцовых он был отставным штабс-ротмистром. Этот чин в «Табели о рангах» для кавалерии соответствовал чину штабс-капитана в пехоте, титулярному советнику у чиновников. Скорее всего, в отставку он вышел в 1876 г., когда, после кончины своего отца Андрея Павловича Шувалова, получил в наследство имение Парголово под Петербургом.

Интересно отметить поразительное сходство биографий жен дяди и племянника Воронцовых – Марии Васильевны и Елизаветы Карловны. Обе были первым браком замужем за Столыпиными, причем первый муж Марии Васильевны – флигель-адъютант Алексей Григорьевич Столыпин (1805–1847) – приходился родным дядей первому мужу Елизаветы Карловны – надворному советнику Павлу Валериановичу Столыпину (1843–1899). После первого брака со

Столыпинными обе имели по одному ребенку, обе в одном возрасте вышли замуж повторно за Воронцовых – в 32 года. После смерти мужей обе проживали в основном в Италии (Воронцова с сыном «на своей сказочной вилле «Маргерита» [11, с. 201–204.]). Третьим мужем Елизаветы Карловны был итальянский граф Джулио ди Ручеллаи (Рукеллаи). Она скончалась в 1939 г. в возрасте 86 лет [12].

Встречающиеся в некоторых публикациях упоминания о том, что третьим мужем М. В. Воронцовой был некий итальянец, являются досужим вымыслом и основаны на том, что ее сын Николай Алексеевич Столыпин (1843–1898) получил от итальянского короля титул герцога де Монтелфи. Такой же титул имела дочь Елизаветы Карловны Мария Павловны Столыпина (1872–1953) [12].

Как следует из вышеприведенной записи Милютина, свадьбу формальный владелец алупкинського дворца был вынужден праздновать в спешно купленном доме Гарфорта. В упомянутой метрической записи о бракосочетании капитан Генрих Карлович Гарфорд значится «поручителем по невесте» вместе с младшим братом жениха отставным сенатским регистратором графом Михаилом Андреевичем Шуваловым [10]. Фамилия этого англичанина (в вариантах Гарфорт и Гарфорд) несколько раз упоминается в дневнике Милютина [13]. В записи от 29 мая 1895 года читаем: «Совершенно неожиданный гость – бывший английский консул в Севастополе и бывший владелец дачи в Алупке – Гарфорд, который уже лет 6 или более переведен консулом на Канарские острова, а дачу свою давно продал...Гарфорд принадлежит к разряду добродушных англичан, он пользовался дружеским гостеприимством у Воронцовых и по старой памяти вспомнил о нас» [9, с. 355–356].

Еще один визит описан три года спустя 4 июня 1898 года: «Посетил нас сегодня Гарфорт, бывший некогда английским консулом в Севастополе. В свое время он пользовался самым радушным гостеприимством у Воронцовых, имел даже собственную дачу в Алупке. Прошло, кажется, уже два десятилетия с тех пор, как он покинул Крым..., но сохранил такую привязанность к Крыму, такие дружеские отношения к прежним приятелям, что продолжает по временам навещать наш южный берег, не страшась дальнего пути. В приезды свои он, по обыкновению, гостит у князя Трубецкого, но не забывает навестить и нас» [9, с. 481]. Владимир Васильевич Трубецкой (1825–1904) – родной брат Марии Васильевны Воронцовой – с 1867 г. постоянно проживал в Ялте и управлял всеми южнобережными имениями Воронцовых до 1882 г. [15].

Подробно отражена на страницах дневника и кончина в алупкинском дворце в апреле 1891 г. великого князя Николая Николаевича Старшего. 22 сентября 1890 г. Милютин пишет, что узнал о приезде великого князя и собирался представиться ему. Однако встреча не состоялась. Адьютант князя «удержал меня от встречи с великим князем, объявив мне, что видеть его теперь совершенно невозможно, что он в болезненном нервном состоянии, путается в мыслях и словах...» [8, с. 421; 17]. Опасаясь широкой огласки сумасшествия знаменитого фельдмаршала и дяди царствующего императора, на высшем уровне (скорее всего по предложению Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова) было решено поместить его в

пустующем дворце, как пишет Милютин, «с принятием всех возможных мер к доставлению больному полного уединения и спокойствия» [8, с. 422].

Елизавета Ксаверьевна Воронцова в окружении дочери Софьи Михайловны Шуваловой, внуков Павла Андреевича (слева) и Михаила Андреевича (справа) Шуваловых, внучки Елизаветы Андреевны Воронцовой-Дашковой и трех ее дочерей – Ирины, Александры и Софьи. Фотография 1873 г. из «лондонского архива» [14].

С целью подготовки дворца к пребыванию в нем Николая Николаевича, который первое время содержался в доме графини Клейнмихель в Кореизе, из Петербурга спешно приехал опекун алупкинскому майората Н. С. Абаза. В дневниковой записи от 22 сентября 1890 г. читаем: «Возвратившись домой, нашел у себя неожиданного посетителя Николая Саввича Абазу. С удовольствием провел я с ним около часа утром и потом большую часть вечера. В промежутках двух своих посещений он осматривал Алупку в качестве опекуна воронцовских имений. Николай Савич приятный собеседник, умный, развитый человек» [8, с. 423].

Н. С. Абаза – доктор медицины, гофмейстер, сенатор и член Государственного совета – принадлежал к известному русскому дворянскому роду молдавского происхождения. С семьей Абазы Милютин был связан родственными отношениями. Его брат Николай Алексеевич был женат на Марии Аггеевне, сестре Александра Аггеевича Абазы, действительного тайного советника, занимавшего высокие государственные посты при Александре II и Александре III. В 80–90 гг. он вел с Милютиным переписку, сообщая о происходящем в правительственных кругах Петербурга [8, с. 527].

10 октября 1890 года после визита великого князя Михаила Николаевича, владельца имения «Ай-Тодор», Милютин записывает «весьма печальные сведения» о состоянии его брата: «психическое расстройство его доходит до буйственного

состояния, после которого наступает продолжительное забытье, полная прострация» [8, с. 425]. 13 апреля 1891 года следует запись о кончине Николая Николаевича: «Для него смерть была самым желательным выходом из жалкого, безотрадного положения» [9, с. 29].

Милютин хорошо знал великого князя, с которым связан один из самых драматичных эпизодов его жизни. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. после поражения русской армии под Плевной в августе 1877 г. главнокомандующий Николай Николаевич и все великие князья потребовали у Александра II отвода войск за Дунай, с чем император согласился. Милютин один выступил против, доказывая, что отступление повлечет военное и политическое поражение России, и настаивал на продолжении осады, чем вызвал резкое возражение Николая Николаевича [16, с. 65–66; 17].

Вот как описывается этот эпизод в дневнике: «Я встал и подошел к государю, который вполголоса, с грустным выражением сказал: «Приходится отказаться от Плевны, надо отступить...». Как громом пораженный таким неожиданным решением, я горячо восстал против него, указав неисчислимые пагубные последствия подобного исхода дела. «Что ж делать, – продолжал государь, – надобно признать, что нынешняя кампания не удалась нам». – «Но ведь подходят уже подкрепления», – возразил я. На это главнокомандующий заметил, что пока эти подкрепления не прибыли, он не видит возможности удержаться перед Плевной, и с горячностью добавил: «Если считаете это возможным, то и принимайте команду; а я прошу меня уволить».

Однако после этой булады и благодаря печальному настроению государя начали обсуждать дело спокойнее... Решение было, что войска останутся пока на занятых ими позициях, прикроются укреплениями и не будут предпринимать новых наступательных действий» [5, с. 275].

Великий князь Н. Н. Романов.

После взятия Плевны через два месяца Александр II наградил Милютина высшей военной наградой Российской империи Орденом святого Георгия 2-ой степени, напомнив при этом о совещании 31 августа [1, с. 50].

В дневнике упоминается и граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, супруг последней владелицы Алупки Елизаветы Андреевны урожденной Шуваловой. Крайне сдержанный в личных оценках Милютин дает Воронцову-Дашкову как министру императорского двора и уделов весьма нелестную характеристику. 12 июня 1882 года он пишет по поводу увольнения «благодаря подлой интриге» управляющего Ливадией Н. П. Горбунова, с которым он был знаком много лет: «...Вся честная и усердная служба Горбунова запятнана легкомысленными и несправедливыми обвинениями, клеветами и подозрениями... Пожалуй и тут найдут образец твердого характера в лице графа Воронцова-Дашкова, который, дав водить себя за нос всяким прощелыгам, раз поддавшись гнусной интриге, настаивает с упрямством на своем несправедливом решении участи честного и усердного труженика. По всем рассказам видно, что граф Воронцов-Дашков ничего не смыслит в делах, не понимает азбуки администрации» [8, с. 48].

В заключение следует еще раз подчеркнуть особую ценность дневника Д. А. Милютина как документа по истории России 70–90-х годов XIX века. Помимо событий, связанных с алупкинским майоратом Воронцовых, в дневнике запечатлены подробности пребывания семей Александра II и Александра III, а также императорского двора в Ливадии. Автор сообщает множество сведений о событиях в Ялте и окружающих имениях (вплоть до погодных условий и температуре воздуха), о встречах с большим кругом людей, игравших видную роль в общественно-политической жизни России.

Список использованных источников и литературы

1. Дневник Д. А. Милютина / Ред., биогр. очерк [«Д. А. Милютин», с. 5–72] и примеч. П. А. Зайончковского; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отд. рукописей. – Т. 1: 1873–1875. – М., 1947. – 256 с.: ил.
Dnevnik D. A. Milyutina / Red., biogr. ocherk [«D. A. Milyutin», s. 5–72] i primech. P. A. Zaionchkovskogo; Gos. ordena Lenina b-ka SSSR im. V. I. Lenina. Otd. rukopisei. – T. 1: 1873–1875. – M, 1947. – 256 s.: il.
2. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / Д. А. Милютин; под ред. Л. Г. Захаровой. – Т. 1–5. – М.: Политическая энциклопедия, 2008–2013.
Dnevnik general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina / D. A. Milyutin; pod red. L. G. Zakharovoi. – T. 1–5. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2008–2013.
3. Непомнящий А. А. Усадебная культура Крыма / А. А. Непомнящий // История Крыма: в 2-х т. / Ин-т российской истории РАН; под ред. А. В. Юрасова. – [2-е изд.]. – Москва: Кучково поле, 2018. – Т. 2. – С. 342–351.
Nepomnyashchii A. A. Usadebnaya kul'tura Kryma / A. A. Nepomnyashchii // Istoriya Kryma: v 2-kh t. / In-t rossiiskoi istorii RAN; pod red. A. V. Yurasova. – [2-e izd.]. – Moskva: Kuchkovo pole, 2018. – T. 2. – S. 342–351.
4. Подробную биографию Д. А. Милютина см.: Петелин В. В. Жизнь графа Дмитрия Милютина: историческое повествование / В. В. Петелин – М.: Центрполиграф, 2011. – 639 с.
Podrobnuyu biografiyu D. A. Milyutina sm. Petelin V. V. Zhizn' grafa Dmitriya Milyutina: istoricheskoe povestvovanie / V. V. Petelin – M.: Tsentrpoligraf, 2011. – 639 s.
5. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1876–1878 / Д. А. Милютин; под ред. Л. Г. Захаровой. – М.: Политическая энциклопедия, 2009. – 704 с.

Dnevnik general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1876–1878 / D. A. Milyutin; pod red. L. G. Zakharovoi. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2009. – 704 s.

6. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879–1881 / Д. А. Милютин; под ред. Л. Г. Захаровой. – М.: Политическая энциклопедия, 2010. – 600 с.

Dnevnik general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1879–1881 / D. A. Milyutin; pod red. L. G. Zakharovoi. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2010. – 600 s.

7. Боборыкин М. М. Сказание о Воронцовском дворце и бывших владельцах его. Неизвестные страницы истории Воронцовского майората в Алушке: юридический очерк / Под ред. Г. Г. Филатовой. – Евпатория: ИП Бабенко Е. А., 2018. – 144 с.

Boborykin M. M. Skazanie o Vorontsovskom dvortse i byvshikh vladel'tsakh ego. Neizvestnye stranitsy istorii Vorontsovskogo maiorata v Alupke: yuridicheskii ocherk / Pod red. G. G. Filatovoi. – Evpatoriya: IP Babenko E. A., 2018. – 144 s.

8. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1882–1890 / Д. А. Милютин; под ред. Л. Г. Захаровой. – М.: Политическая энциклопедия, 2010. – 584 с.

Dnevnik general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1882–1890 / D. A. Milyutin; pod red. L. G. Zakharovoi. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2010. – 584 s.

9. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1891–1899 / Д. А. Милютин; под ред. Л. Г. Захаровой. – М.: Политическая энциклопедия, 2013. – 774 с.

Dnevnik general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1891–1899 / D. A. Milyutin; pod red. L. G. Zakharovoi. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2013. – 774 s.

10. Книга метрическая Архангело-Михайловской церкви в Алушке 1867-1889. 1885 год, часть вторая, раздел «О бракосочетавшихся» // Ялтинский историко-литературный музей (КП. 44549, Д. 5371).

Kniga metricheskaya Arkhangel-Mikhailovskoi tserkvi v Alupke 1867-1889. 1885 god, chast' vtoraya, razdel «O brakosochetavshikhsya» // Yaltinskii istoriko-literaturnyi muzei (KP. 44549, D. 5371).

11. Волконский С. М. Воспоминания. Т.1. Лавры. Странствия. Разговоры / С. М. Волконский. – М.: Захаров, 2004. – 533 с.

Volkonskii S. M. Vospominaniya. T.1. Lavry. Stranstviya. Razgovory / S. M. Volkonskii. – M.: Zakharov, 2004. – 533 s.

12. Решетов С. Потомки и родственники М. И. Голенищева-Кутузова и Наполеона Бонапарта в Одессе / Всемирный клуб одесситов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.odessitclub.org/publications/almanac/alm_51/alm_51-43-60.PDF

Reshetov S. Potomki i rodstvenniki M. I. Golenishcheva-Kutuzova i Napoleona Bonaparta v Odessa / Vsemirnyi klub odessitov [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.odessitclub.org/publications/almanac/alm_51/alm_51-43-60.PDF

13. Галиченко А. А. Кто такой Гарфорд? // Воронцовы и Англия: IV Международные Воронцовские научные чтения. – Симферополь: Крымский архив, 2002. – С. 25–36.

Galichenko A. A. Kto takoi Garford? // Vorontsovy i Angliya: IV Mezhdunarodnye Vorontsovskie nauchnye chteniya. – Simferopol': Krymskii arkhiv, 2002. – S. 25–36.

14. Корченев В. Воронцовская Одесса в «лондонском архиве»: По материалам коллекции Леонида Рабиновича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.odessitclub.org/publications/almanac/alm_54/alm_54-30-52.pdf

Korchenov V. Vorontsovskaya Odessa v «londonskom arkhive»: Po materialam kollektsii Leonida Rabinovicha [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.odessitclub.org/publications/almanac/alm_54/alm_54-30-52.pdf

15. Бибигов Ю. Н. Князя Трубецкие в Крыму / Ю. Н. Бибигов // Воронцовы и русское дворянство между Западом и Востоком: Сб науч. ст. и докл. / Ред. и сост. Г. Г. Филатова. – Симферополь: Н.Орианда, 2012. – С. 254–258.

Bibikov Yu. N. Knyaz'ya Trubetskiiye v Krymu / Yu. N. Bibikov // Vorontsovy i russkoe dvoryanstvo mezhdru Zapadom i Vostokom: Sb nauch. st. i dokl. / Red. i sost. G. G. Filatova. – Simferopol': N.Orianda, 2012. – S. 254–258.

16. Золотарев В. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в отечественной историографии конца XIX–начала XX вв. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1978. – 144 с.

Zolotarev V. A. Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg. v otechestvennoi istoriografii kontsa XIX–nachala XX vv. – М.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1978. – 144 s.

17. Непомнящий А. А., Кравчук А. С. Высшие чиновники Таврической губернии в восприятии иностранных путешественников первой половины XIX века // Новый исторический вестник. – 2018. – № 3(57). – С. 18–41.

Nepomnyashchy A. A., Kravchuk A. S. Vysshie chinovniki Tavricheskoi gubernii v vospriyatii inostrannykh puteshestvennikov pervoi poloviny XIX veka // Novyi istoricheskii vestnik. – 2018. – № 3(57). – С. 18–41.

Tverdokhlebov N. I. Milyutin and Vorontsovs: neighbors on homesteads

The article reviewed the entries from the diaries of Count Dmitry Alekseevich Milyutin (1816–1912), published in 2008–2013. Milyutin lived permanently since 1881 in the estate «Simeis», had a wide circle of contacts and, as closest neighbor, covered a number of events in the diary records related to the Vorontsovs' majorat Alupka. Of particular value is the information of the 1880–90s when the estate fell into disrepair, and very dramatic events unfolded in it and around it. The participation of Milyutin and other persons in the history of the scandalous marriage of the owner of the majorat, the Most Serene Prince Vorontsov Count Pavel Andreevich Shuvalov to Baroness Elizaveta Karlovna Pilar von Pilchau is analyzed. The data on this event from the metric book of the Archangel Michael Church in Alupka are given. Surprising coincidences are revealed in the biographies of the wives of the uncle and nephew - Semyon Mikhailovich Vorontsov and Pavel Andreevich Shuvalov – Maria Vasilyevna and Elizaveta Karlovna. Milyutin's evidence is given of the visits to Yalta in the 1890s of the former Vice-Consul of Great Britain in Sevastopol Garford who had a house in Alupka and maintained friendly relations with the Vorontsovs family in the 1870s. Considered information is given about the death of Grand Duke Nikolai Nikolayevich the Elder in Alupka Palace in April 1891. Of interest is Milyutin's critical characteristic of the husband of the last owner of the Alupka majorat Elizaveta Andreyevna Vorontsova Dashkova – Illarion Ivanovich, minister of the imperial court and inheritances (1881–1897).

Keywords: Alupka majorat, Dmitry Alekseevich Milyutin, Semen Mikhailovich Vorontsov, Maria Vasilyevna Vorontsova, Pavel Andreevich Shuvalov, Elizaveta Karlovna Pilar von Pilchau, Henry Karlovich Garford, Grand Duke Nikolai Nikolaevich the Elder, Illarion Ivanovich Vorontsov-Dashkov.

УДК 93/94

**МЕЖДУ НАМЕСТНИКОМ И МИНИСТРАМИ:
РОЛЬ В. П. БУТКОВА В РАБОТЕ КАВКАЗСКОГО КОМИТЕТА
(1845–1854 ГГ.)¹**

Урушадзе А. Т.

*Южный научный центр Российской академии наук,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: aturushadze@sfedu.ru*

В статье рассматривается служба и карьера В. П. Буткова в связи с проблемой управления южной окраиной Российской империи. В. П. Буткову удалось превратить «техническую» во многом позицию управляющего делами Кавказского комитета в ключевой пост посредника-медиатора в противоречивых, а порой, и прямо враждебных отношениях кавказского наместника и министров – членов высшего территориального комитета. Анализ того, как это стало возможным и на чьей стороне в противостоянии Тифлиса (административного центра Кавказского наместничества) и Петербурга оказывался В. П. Бутков, посвящена предлагаемая статья. В ней приводятся подробные сведения об основных этапах карьерного развития В. П. Буткова и наградах, им полученных. Эмпирической основой статьи стали документы из фондов Российского государственного исторического архива.

Ключевые слова: В. П. Бутков, Российская империя, Кавказский комитет, Кавказ.

Владимира Петровича Буткова можно назвать человеком второго плана в истории [2]. Самый, возможно, талантливый отечественный чиновник-канцелярист занимал на протяжении службы множество ответственных постов: управляющий делами Кавказского комитета, управляющий делами Сибирского комитета, управляющий делами Комитета министров, председатель Особой комиссии для изготовления проектов уставов уголовного и гражданского судопроизводства и судоустройства. Однако он никогда не руководил деятельностью высших или центральных государственных институтов. Этим объясняется дефицит специальных работ о жизни и карьере В. П. Буткова в современной историографии.

Ему и его выдающимся профессиональным качествам посвящены несколько страниц монографии А. В. Ремнева о Комитете министров [9, с. 257–262], управляющим делами которого В. П. Бутков являлся в 1850–1853 гг., а в период с 1 мая 1849 г. по 1 января 1850 г. исправлял должность помощника управляющего делами Комитета министров. Упомянут В. П. Бутков и в статье Г. Г. Лисицыной об институциональном формировании и функциях Кавказского комитета [4], в котором чиновник так же занимал должность управляющего делами.

В. П. Буткову удалось превратить «техническую» во многом позицию управляющего делами Кавказского комитета в ключевой пост посредника-медиатора в противоречивых, а порой и прямо враждебных отношениях кавказского

¹ Исследование выполнено за счет средств Российского научного фонда проект № 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

наместника и министров – членов этого высшего территориального комитета. Анализ того, как это стало возможным и на чьей стороне в противостоянии Тифлиса (административного центра Кавказского наместничества) и Петербурга оказывался В. П. Бутков, посвящена предлагаемая статья. Ее эмпирическую основу составили документы архивных фондов Российского государственного исторического архива.

В. П. Бутков родился 10 апреля 1813 г. в семье известного историка-кавказоведа и лингвиста П. Г. Буткова, занимавшего должность правителя канцелярии главноуправляющих в Грузии К. Ф. Кнорринга (в 1801–1802 гг.) и П. Д. Цицианова (в 1802–1803 гг.). В 1869 г. уже после смерти П. Г. Буткова были опубликованы его «Материалы для новой истории Кавказа» в трех томах [1].

В. П. Бутков получил образование в Санкт-Петербургском высшем училище, которое закончил в 1832 г. В том же году В. П. Буткова приняли на службу в канцелярию Военного министерства [14, л. 2]. Интересно, что он получил свою первую должность «без производства жалованья, впредь до усмотрения его способностей» [10, л. 7]. Способности и усидчивость молодого чиновника оказались высшей степени и начальство не уставало поощрять службу В. П. Буткова. Первым свидетелем неутомимости В. П. Буткова в канцелярской работе стал директор канцелярии Военного министерства М. М. Брискорн, пользовавшийся самым широким доверием министра А. И. Чернышева. «...Бутков в особенности заслуживает внимания по хорошим его способностям...», – писал М. М. Брискорн А. И. Чернышеву 24 июня 1833 г., испрашивая согласия министра на выплату В. П. Буткову единовременного жалованья в размере 750 рублей [10, л. 7].

22 апреля 1834 г. В. П. Бутков «в награду отличной усердной службы» был произведен в коллежские секретари, а три дня спустя его назначили на должность помощника начальника особой экспедиции по делам общим и секретным канцелярии Военного министерства [14, л. 2]. С этого времени В. П. Бутков был постоянно на виду у А. И. Чернышева, который имел вполне оправданную репутацию одного из любимцев императора Николая I. Постепенно военный министр привык доверять талантливому чиновнику, успешно справлявшемуся со всеми порученными делами.

В 1835 г. В. П. Буткова назначили правителем дел специального Комитета для проверки и составления Свода военных постановлений. Кодификация военного законодательства, начиная с актов петровской эпохи, являлось трудной задачей, сопряженной с напряженной бюрократически-канцелярской работой. Составление Свода военных постановлений было в целом завершено к началу 1838 г. Деятельность В. П. Буткова была отмечена орденом Св. Станислава 2-ой степени. Именно В. П. Буткову была поручена редакция Свода и контроль над его печатанием [16]. Со всем этим чиновник вновь справился блестяще, что было поощрено выплатой 5 тысяч рублей ассигнациями [14, л. 6]. В последующие несколько лет (1839–1840 гг.) В. П. Бутков работал над составлением продолжений к Своду военных постановлений и алфавитного указателя к нему.

Весной 1841 г. В. П. Бутков впервые занял должность управляющего делами профильного высшего комитета по южной окраине империи (подменив на время

М. П. Позена, который отправился в отпуск), который тогда именовался Комитетом об устройстве Закавказского края. Его назначение было связано как с имеющимися заслугами, так и с тем, что его отец был известным ученым – знатоком Кавказа. Необходимо отметить и еще одно важное обстоятельство: председателем Комитета об устройстве Закавказского края являлся военный министр А. И. Чернышев, давно знавший В. П. Буткова и ценивший его профессиональные качества.

Именно в 1840–1841 гг. Комитет об устройстве Закавказского края приобрел важное институциональное значение во властной вертикали Российского государства. Комитет контролировал работу специальной Комиссии для составления положения об управлении Закавказским краем, которую возглавлял сенатор П. В. Ган [15]. Комиссия П. В. Гана должна была провести тотальное реформирование административно-судебных учреждений на территории Южного Кавказа. Фундаментальностью задачи, обсуждаемой в Комитете об устройстве Закавказского края, объясняется его представительный состав, который в 1840 г. дополнили министр финансов Е. Ф. Канкрин и министр государственных имуществ П. Д. Киселев [5, с. 301].

После провала административной реформы П. В. Гана, в которой, по словам М. А. Корфа, «многое на деле оказалось не соответствующим местным нуждам, даже невозможным в исполнении; другое, противное нравам и навыкам жителей, возбудило ропот, недоразумения, вящие неурейства...» [3, с. 174], статус территориального комитета только повысился.

В 1842 г. Комитет по устройству Закавказского края был переименован в Комитет по делам Закавказского края. Смена названия закрепляла расширение сферы внимания коллегияльного института управления. Если ранее сюда поступали дела, касавшиеся почти исключительно подготовки и проведения административной реформы, то согласно новому положению на рассмотрение комитета направлялись все дела по управлению краем, в которых необходимо было участие императора [6, с. 891].

Для В. П. Буткова 1842 г. начался с продолжительной командировки на Кавказ, куда он отправился вместе с управляющим делами Комитета по делам Закавказского края статс-секретарем М. П. Позеном, которому поручили ревизию административных и судебных институтов Южного Кавказа. В. П. Бутков занимался проверкой присутственных мест в Каспийской области (Талышинский, Шекинский и Ширванский уезды), Грузино-Имеретинской губернии (Джаробелоканский и Телавский уезды), а также ревизовал Тифлисскую городскую полицию [14, л. 11–12].

Рапорты В. П. Буткова о проведенной им ревизии уездных судов, казначейств и полиции представляют собой многостраничные документы с обилием цифр и фактов [10, л. 120–132]. Он был ревизором обстоятельным и беспощадным. Так, например, несмотря на все старания телавского уездного начальника выгородить себя и объяснить допущенные по службе упущения, В. П. Бутков в рапорте М. П. Позену отметив неспешность работы окружного суда, добавил, что «с движением новых дел заметна также чрезвычайная медленность, как в

рассмотрении старых» [10, л. 114]. В столицу, В. П. Бутков вернулся 8 августа 1842 г., а уже спустя неделю он был пожалован в коллежские советники.

Спустя год (13 июля 1843 г.) В. П. Буткову поручили управлять делами Комитета по Закавказскому краю. Вскоре его служба была вновь отмечена очередным повышением – 26 марта 1844 г. В. П. Бутков произведен в статские советники, как сказано в формулярном списке, «в воздаяние отлично усердной службы и особых трудов» [14, л. 15].

В конце 1844 г. последовали большие перемены в модели управления южной окраиной империи. Николай I решил назначить на Кавказ наместника с почти неограниченными полномочиями. Первым кавказским наместником стал граф М. С. Воронцов, сохранивший при этом должность Новороссийского генерал-губернатора и наместника Бессарабии. Идея учреждения Кавказского наместничества, вероятно, принадлежала самому императору. Это стало полной неожиданностью для петербургской бюрократической элиты. М. П. Позен, попытавшийся отговорить Николая I от принятого решения, оказался в опале и был отстранен от «кавказских» дел [17, с. 22]. М. С. Воронцов, которому в 1844 г. было уже за шестьдесят, согласился на переезд в Тифлис с условием максимальной свободы от министерского контроля. По утвержденным в 1846 г. особым правилам, которые регламентировали отношения между наместником и центральными ведомствами [8, с. 17–19], М. С. Воронцов получил право непосредственного обращения к председателю Кавказского комитета А. И. Чернышеву и императору Николаю I, обходя мнения министров.

В этой схеме наиболее важные вопросы, связанные с введением новых законов или коренным изменением ранее действовавших регламентов, рассматривались Кавказским комитетом. Именно так с февраля 1845 г. стал именоваться бывший Комитет по делам Закавказского края [7, с. 168]. Ключевой фигурой в обсуждении вопросов управления Кавказом становился управляющий делами Кавказского комитета. Если для министров заседания Кавказского комитета были дополнительными занятиями к основной работе по должности, то для управляющего делами комитета эта работа была главным содержанием и смыслом деятельности. Именно управляющий делами первым получал запросы наместника, мнения министров, а так же вел переписку с этими и другими должностными лицами. Одной из наиболее важных функций управляющего делами было представление мнений и позиций министров на заседаниях Кавказского комитета [13, л. 2], которые главы ведомств посещали далеко не регулярно и с большой неохотой. Управляющий делами Кавказского комитета при наличии определенных навыков мог представить соображения министра в выгодном или, напротив, невыгодном для наместника свете. От бойкости пера и остроты языка управляющего делами зависело решение многих дел Кавказского комитета. Поддержка управляющего делами во многом гарантировала успешное прохождение представлений наместника через Кавказский комитет.

В. П. Буткову покровительствовал военный министр и председатель Кавказского комитета А. И. Чернышев, который находился в приятельских отношениях с М. С. Воронцовым. Американский историк Э. Райлендер справедливо

отметил множественные параллели в карьерах А. И. Чернышева и М. С. Воронцова: они были приблизительно одного возраста, оба выдвинулись в период Наполеоновских войн, имели опыт административного управления на окраинах империи и, наконец, оба достигли большого политического влияния в государстве Романовых [18, с. 144]. К тому же, беспрецедентные служебные права и привилегии кавказского наместника нисколько не тревожили главу военного ведомства, в отличие от других министров. Кавказская война шла с переменным успехом, а до окончательной победы над горцами было еще очень далеко. Уступить ответственность за возможные военные неудачи наместнику было для А. И. Чернышева приятной необходимостью. В отношении же дел гражданского управления многое решалось в Кавказском комитете, который возглавлял военный министр.

Вероятно, именно наличие позитивных неформальных отношений между М. С. Воронцовым и А. И. Чернышевым предопределило то, что В. П. Бутков стал на сторону наместника в его почти непрерывных служебно-иерархических столкновениях с министрами и главноуправляющими. Управляющий делами Кавказского комитета находился в самой тесной деловой связи с канцелярией кавказского наместника. Переписка В. П. Буткова с главой воронцовской канцелярии С. В. Сафоновым насчитывает 900 листов за период с 3 августа 1845 г. по 7 марта 1852 г. [11].

В. П. Бутков стремился сосредоточить рассмотрение всех дел относительно законодательных преобразований на южной окраине империи в Кавказском комитете. Это существенно повышало возможность их решения в пользу Тифлиса. Однако не являлось гарантией успеха. Уже первое столкновение с министрами в Кавказском комитете по вопросу введения на Кавказе свободной торговли встретило горячие возражения главы финансового ведомства Ф. П. Вронченко, преодолеть которые В. П. Буткову, при всем старании, так и не удалось. Заметим, что именно министерство финансов являлось основным оппонентом кавказской администрации на протяжении всего существования наместничества на Кавказе. Министр финансов порой отказывал наместнику даже в выплате пособий и пенсий в размере, определенном Тифлисом. Предвидя жесткое сопротивление министров по ходатайствам наместника, В. П. Бутков писал С. В. Сафонову: «...я с своей стороны готов сделать все, чтобы исполнить желания вашего превосходительства и буду всемерно стараться сделать то, о чем вы изволите писать; но не скрою от вас, что успех дела не всегда зависит от одного меня...» [11, л. 31].

Управляющий делами Кавказского комитета действовал в пользу наместника не по одному только корпоративному раскладу, но, вероятно, и по собственному убеждению. В его письмах С. В. Сафонову есть фрагменты, которые невозможно представить порождением исключительно служебной лести: «Давно уже занимаясь делами Кавказа, я никогда с таким наслаждением не ожидал оттуда почты и не читал тамошних бумаг, как теперь. В каждом слове, в каждой строчке князя Михаила Семеновича видно одно: благодетельное желание чистой, истинной пользы этому несчастному краю. В короткое управление его сиятельства положено начало стольким добрым намерениям, что одно исполнение их заставит край вечно

благословлять имя князя Михаила Семеновича. Как русского меня восхищает еще и то, что князь так заботлив о развитии тех даров, коими природа наградила Кавказ» [11, л. 19].

Несмотря на опасность позиции В. П. Буткова, которая провоцировала конфликты с министрами, недовольными активной поддержкой многочисленных начинаний М. С. Воронцова на Кавказе, служебное положение чиновника и его корпоративный авторитет только укреплялись. В самом начале 1847 г. В. П. Бутков был произведен в действительные статские советники, а спустя год получил статусный подарок императора – золотую табакерку, украшенную бриллиантами с вензелевым изображением царского имени [14, л. 17]. Еще год спустя, В. П. Буткова пожаловали орденом Св. Станислава 1-ой степени. Большое карьерное продвижение случилось у чиновника в 1849–1850 гг., когда он вначале был назначен помощником управляющего делами Комитета министров, а затем и управляющим делами самодержавного правительства. 1 января 1851 г. В. П. Бутков был пожалован в статс-секретари, в которые обычно производились только особенно доверенные министры. Звание статс-секретаря давало право личного доклада царю.

В заключении отметим, что продвижение В. П. Буткова по Табели о рангах, а также укрепление его авторитета в неформальной сфере, привели к изменению тональности в отношениях управляющего делами Кавказского комитета с преемниками М. С. Воронцова на посту кавказского наместника. Если первый кавказский наместник обращался лично к В. П. Буткову только по «техническим» вопросам (о назначении выплат чиновникам, устройству кавказских уроженцев в столичные университеты), то А. И. Барятинский уже обсуждал с управляющим делами принципиальные вопросы устройства управления на южной окраине империи [12]. В.П. Бутков занимался подбором кадров для административных институтов Кавказского наместничества и по-прежнему «продавливал» интересы Тифлиса в Петербурге.

Список использованных источников и литературы

1. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 г. Ч. I – III. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1869.
Butkov P. G. Materialy dlya novoj istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 g. Ch. I – III. – SPb.: Tipografiya imperatorskoj akademii nauk, 1869.
2. Корзун В. П., Колеватов Д. М. На первый-второй рассчитайся: человек второго плана как исследовательский проект // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 28. – М.: «Наука», 2009. – С. 342–357.
Korzun V. P., Kolevatov D. M. Na pervyj-vtoroj rasschitajs': chelovek vtorogo plana kak issledovatel'skij projekt // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. Vyp. 28. – M.: «Nauka», 2009. – S. 342–357.
3. Корф М. А. Записки. – М.: Захаров, 2003. – 720 с.
Korf M. A. Zapiski. – M.: Zaharov, 2003. – 720 s.
4. Лисицына Г. Г. Кавказский комитет. 1845–1882 // Клио. Межвузовский журнал для ученых. 1997. №. 2. С. 140–148.
Lisicyna G. G. Kavkazskij komitet. 1845–1882 // Klio. Mezhvuzovskij zhurnal dlya uchenyh. 1997. №. 2. S. 140–148.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XV. Ч. I. № 13413. – СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1841.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. T. XV. Ch. I. № 13413. – SPb.: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii, 1841.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XVII. Ч. I. № 16008. – СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1843.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. T. XVII. Ch. I. № 16008. – SPb.: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii, 1843.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XX. Ч. I. № 18702. – СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. T. XX. Ch. I. № 18702. – SPb.: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii, 1846.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXI. Ч. I. № 19590. – СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1847.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. T. XXI. Ch. I. № 19590. – SPb.: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii, 1847.

9. Ремнев А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 511 с.

Remnev A. V. Samoderzhavnoe pravitel'stvo: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniya Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2010. – 511 s.

10. Российский государственный исторический архив. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 1.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1250. Op. 2. D. 1.

11. Российский государственный исторический архив. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 10.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1250. Op. 2. D. 10.

12. Российский государственный исторический архив. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 13.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1250. Op. 2. D. 13.

13. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 266.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1268. Op. 3. D. 266.

14. Российский государственный исторический архив. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 15.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1349. Op. 5. D. 15.

15. Российский государственный исторический архив. Ф. 561. Оп. 1. Д. 206.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 561. Op. 1. D. 206.

16. Свод военных постановлений. Ч. I–V. – СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1838–1839.

Svod voennyh postanovlenij. Ch. I–V. – SPb.: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii, 1838–1839.

17. Rhineland A. The Creation of The Caucasian Vicegerency // The Slavonic and East European Review, Vol. 59, No. 1 (Jan., 1981), pp. 15–40.

18. Rhineland A. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. – London; Buffalo: McGills University Press, 1990. – 312 p.

Urushadze A. T. Between the viceroy and ministers: the role of V. P. Butkov in the work of the caucasian committee (1845–1854)

The article deals with the service and career of V. P. Butkov in connection with the problem of management of the southern outskirts of the Russian Empire. V. P. Butkov managed to turn the «technical» position of the Caucasian Committee's manager into a key post of mediator into contradictory and sometimes directly hostile relations between the Caucasian Viceroy and the Ministers – members of the supreme territorial committee. Analysis of how this became possible and on whose side in the confrontation between Tiflis (the administrative center of the Caucasian vicegerency) and St. Petersburg was V. P. Butkov, devoted to the proposed article. It provides detailed information about the main stages of career development of V. P. Butkov and awards received by him. The empirical basis of the article is the documents from the funds of the Russian state historical archive.

Keywords: V. P. Butkov, Russian empire, The Caucasus Committee, Caucasus.

УДК 9.94

РЕАКЦИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА НА ИРАКСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В КУВЕЙТ В 1990 ГОДУ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД РОССИЙСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ

Щевелев С. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: k0507622530@gmail.com*

Рассматривается реакция Организации объединенных наций (ООН), Лиги арабских государств (ЛАГ), Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), США, СССР и других стран на иракское вторжение в Кувейт в 1990 году. ООН, несмотря на активизацию своей деятельности, связанную с отходом мировых держав от противостояния и достижения ими консенсуса в осуждении иракской агрессии, не сумела возглавить формирование международной коалиции и руководить процессом выработки действий, направленных на разрешение конфликта. На протяжении всего кризиса американское руководство постоянно и безуспешно прибегало к открытому давлению на западноевропейские страны, требуя от них усиления материальной и финансовой поддержки операции «Щит пустыни». Проанализирована деятельность ЛАГ в «иракском кризисе», обоснован вывод об отсутствии единой позиции арабских стран. Политика М. С. Горбачёва в этот период свидетельствовала о том, что СССР постепенно утрачивал роль мировой сверхдержавы.

Ключевые слова: Ирак, Кувейт, Организация объединенных наций, Лига арабских государств, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, США, СССР

В 1990 году ирако-кувейтские отношения резко обострились. 28–31 мая 1990 г. по инициативе Ирака и Организации освобождения Палестины (ООП) в Багдаде состоялась срочная встреча арабских стран в верхах. Эта встреча выглядела так, будто главная ее цель – поддержка Ирака в его противостоянии Израилю и США. Среди ряда резолюций, касавшихся, главным образом, палестинского вопроса было обозначено право Ирака принимать любые меры, которые он сочтет необходимыми, для обеспечения своей национальной безопасности и защиты. Иракский режим пытался создать в арабском мире мнение, о том что главная задача Ирака после окончания ирано-иракской войны – это решение палестинского вопроса и сдерживание Израиля оружием массового поражения [1, с. 12–13].

18 июля 1990 г. на заседании министерского совета ЛАГ в Тунисе делегация Ирака выступила с обвинениями в адрес Кувейта и ОАЭ о нарушении квот ОПЕК по добыче нефти. Кувейт обвинялся в незаконной добыче иракской нефти в месторождении Румейла. Ирак не признавал сухопутную границу с Кувейтом, установленную в 1922 году, претендуя ещё на 2 острова в Персидском заливе (Варба и Бубиян), имеющих для Ирака стратегическое значение [2, с. 8].

В ночь с 1-го на 2-е августа 1990 года 120-ти тысячная иракская группировка вторглась на территорию Кувейта. Ей противостояла Кувейтская армия из 20 тыс. 300 военнослужащих. Не удивительно, что к вечеру 2 августа Кувейт был полностью оккупирован. 8 августа С. Хусейн объявил об «освобождении» Кувейта, а в конце августа

провозгласил его 19-й провинцией Ирака. После этого эмир и правительство вынуждены были эмигрировать в соседнюю Саудовскую Аравию, которая взяла на себя ответственность за организацию мер, направленных на освобождение Кувейта [3, с. 293]. Эта политика Саудовской Аравии была вполне объяснима. Арабские и советские историки считали, что когда Кувейт быстро и почти без потерь был взят, С. Хусейн стал уверен в том, что ему так же легко покорятся и другие страны Залива. По данным кувейтских и западных специалистов в ходе иракской оккупации стране был нанесён ущерб на сумму более 300 млрд. долл. [4, с. 69].

Король Саудовской Аравии Фахд пытался предотвратить эту оккупацию. Так, 31 июля и 1 августа 1990 г. в Джидде проходили ирако-кувейтские переговоры, которые завершились безрезультатно. 7 августа на заседании ССАПЗ в Саудовской Аравии было принято требование немедленного вывода иракских войск из Кувейта. В этот же день Саудовская Аравия перекрыла иракский нефтепровод, проходивший через её территорию.

Власть в захваченном Кувейте была передана ставленнику Ирака полковнику Ала Хусейну Али, возглавившему «Свободное временное правительство Кувейта». Это известие радио Багдада дополнило сообщением о формировании девяти пехотных, одной танковой дивизий и одной дивизии Республиканской гвардии [5, с. 8]. В заявлении Ирака говорилось, что войска будут тут же выведены, как только будет стабилизировано положение и «кувейтское правительство» потребует этого.

Следует отметить, что иракское руководство предложило возглавить созданное им «правительство» бывшему спикеру кувейтского парламента, распущенного декретом эмира в 1986 г., Саадуну или главе парламентской оппозиции Ахмеду Хатыбу. Однако оба категорически отвергли это предложение [6, с. 76]. В период оккупации никто из противников эмира не пытался выступить против монарха. В этот период в саудовской Джидде был созван конгресс кувейтского народа, представлявший различные социальные политические слои и силы. Конгресс продемонстрировал поддержку эмира, опроверг ложь С. Хусейна о том, что иракские войска были введены в страну по просьбе «восставшего против существующего режима кувейтского народа» [7, с. 293].

Несмотря на это, 7 августа Саддам Хусейн сделал заявление, суть которого заключалась в том, что добровольно Ирак свои войска из Кувейта не выведет [58, с. 76–77]. 8 августа «Свободное временное правительство Кувейта» обратилось к президенту С. Хусейну с просьбой: «Кувейт должен вернуться в лоно родины – великий Ирак». Эта «просьба» была удовлетворена, и Ирак объявил о включении Кувейта в состав страны на правах 19-й провинции [8, с. 416]. Были изменены административные границы Басры с северным Кувейтом, изменены названия кувейтских школ, университетов, улиц и больниц, которым были присвоены имена иракских и арабских деятелей. Кроме того, объявлялось, что подготовлен целый ряд проектов сооружений, которые должны были соединить Кувейт с железной дорогой и водопроводной системой Ирака. В качестве первого шага к полной экономической интеграции кувейтский динар был приравнен к иракскому. Тысячи иракских семей были переселены из родных мест в Кувейт, в те районы, откуда были выселены коренные жители. Это было направлено на изменение демографической структуры Кувейта [1, с. 16–17].

Весомая роль в формировании общеарабской позиции по конфликту могла бы принадлежать ЛАГ, тем более, что она, согласно 52-й и 53-й статьям ООН [9, ст. 52–53], является одной из региональных организаций, которые способны разрешить региональный конфликт. 3 августа на чрезвычайной сессии ЛАГ, проходившей в Каире, 6 стран (Ирак, Иордания, Мавритания, Судан, Йемен и ООП) в итоговом документе не осудили агрессию против Кувейта и не поддержали призыв к Ираку вывести свои войска из Кувейта. Уже с ноября – декабря ООП заняла нейтральную позицию в «кувейтском кризисе» и осудила оккупацию Кувейта [10, с. 69].

Этот документ был подтверждён на совещании глав государств – членов ЛАГ в Каире 10 августа. Из 20 присутствующих членов ЛАГ 12 (Бахрейн, Джибути, Египет, Катар, Кувейт, Ливан, Марокко, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Сирия и Сомали) поддержали Саудовскую Аравию, обратившуюся к США с просьбой послать в Персидский залив вооруженные силы. Кроме того, эти арабские страны проголосовали за отправку туда же арабских вооруженных формирований из-за введения экономических санкций против Ирака. Остальные члены ЛАГ осудили приглашение иностранных войск [11, с. 89–90].

В ответ на решение этого совещания, С. Хусейн призвал арабов к защите Мекки, «захваченной» американцами и сионистами. А Кувейт отказался списать долг Ирака в размере 18 млрд. долл. [7, с. 241]. Не более оперативной структурой оказался ССАГПЗ. Нефтеэкспортирующие арабские государства имели веские основания опасаться агрессивной активности Ирака.

3 и 7 августа Совет министров ССАГПЗ потребовал немедленного безоговорочного вывода иракских войск на позиции, которые они занимали до 1 августа 1990 г. Саудовская Аравия перекрыла иракский нефтепровод, проходящий через ее территорию, выполняя решение СБ ООН об экономической блокаде Ирака. Более того, руководители Совета, продолжая принимать участие во всех совместных действиях арабских стран, осознавали, что кризис не будет разрешен лишь в рамках Лиги арабских государств. Об этом свидетельствовало совещание министров обороны ССАГПЗ, состоявшееся 23 августа, на котором было заявлено о полной международной поддержке Кувейта, готовности принять на своей территории международные силы по поддержанию мира и об участии войск стран Персидского залива в составе коллективных сил ООН в операции по освобождению Кувейта от иракской оккупации [13, с. 125].

Саддам Хусейн рассчитывал, что Хосни Мубарак либо встанет на сторону Багдада, либо займет нейтральную позицию в отношении действий Ирака против Кувейта, т.к. Египет был наряду с Ираком членом Совета арабского сотрудничества в составе Египта, Ирака, Иордании и ЙАР, созданного в 1989 г. с целью активизации экономического сотрудничества. В свою очередь, для привлечения Египта к антииракской коалиции, США простили Египту 6,7 млрд. долл. долга [14, с. 44].

Президент САР Хафез Асад трактовал вторжение Ирака как преступление, которое оправдывает Израиль и подталкивает его на продолжение агрессивного экспансионистского курса против палестинского народа. Сирия исходила из того, что иракский режим спровоцировал эту войну и стремился к расколу всего арабского пространства. Представители религиозных структур Сирии охарактеризовали использование багдадским режимом исламских лозунгов как позорную и осуждаемую с

точки зрения религии попытку. Помимо этого, с начала гражданской войны в Ливане в 1975 г. Ирак поддерживал антисирийские силы, выступавшие за вывод сирийских войск из Ливана. Президент Ливана Салим аль-Хос сразу выступил против иракской агрессии. Несмотря на многоконфессиональность и многонациональность ливанского общества, в целом же Ливан выступил против военных средств, как инструмента в региональной политике [13, с. 131–132].

Король Марокко Хасан II также поддержал все решения и резолюции ЛАГ и СБ ООН, которые осуждали оккупацию Кувейта Ираком, и направил свой военный контингент в состав межарабских сил по восстановлению мира [13, с. 253].

Среди арабских стран, принявших сторону Ирака, был Йемен, который во время конфликта был единственным представителем арабского сообщества в СБ ООН. Эта страна стала препятствием в работе ООН, выступая против политики Запада и США в разрешении кризиса в Персидском заливе. Такая позиция Саны имела целый ряд причин.

В частности, Северный Йемен, не столь давно присоединивший к себе Южный Йемен, видел в Ираке гаранта объединения страны. Кроме того, на Аравийском полуострове Йемен оказался в некоторой изоляции, т.к. он не был принят в состав ССАГПЗ. Однако йеменская политическая элита считала, что материальное богатство Саудовской Аравии и Кувейта во многом было создано трудом йеменских рабочих, выехавших на заработки в эти государства, тогда как сама ЙАР лишь получала займы и кредиты от последних, которые подлежали возврату с начисленными процентами. При нападении Ирака на Саудовскую Аравию Йемен рассчитывал получить часть территории последней, на которую он с давних пор претендовал, а это – 500 тыс. кв. км [6, с. 76].

Судан формально поддержал решения СБ ООН и соблюдал экономическую блокаду Ирака. Однако в целом Судан активно балансировал – он пытался сохранить расположение Египта и вместе с этим получить определенную пользу от отношений с иракским режимом. СМИ Судана и значительная часть населения были на стороне Ирака [13, с. 255].

Иордания также осудила Ирак и формально соблюдала резолюции СБ ООН и, в частности, экономическую блокаду. Иорданская монархия не могла оставить без внимания позицию палестинской части населения, составлявшей более половины жителей Иордании и поддерживавшей Багдад. Иорданию, лишенную собственных нефтяных источников, также привлекло заявление иракского руководства о том, что доходы от экспорта арабской нефти следует распределять среди всех арабских стран.

Руководство ООП сразу же выступила в поддержку Ирака. Это было довольно парадоксальным фактом, учитывая то, что в августе 1990 г. в Кувейте проживало и работало более 400 тыс. палестинцев. В это время общая сумма денежных переводов палестинцев, работавших в нефтедобывающих странах Аравийского полуострова составляла 270 млн. долл. При этом 70% этих переводов приходилось на Кувейт и 20% на Саудовскую Аравию. Как справедливо считают российские востоковеды К. И. Поляков и А. Ж. Хасянов – одна из причин поддержки ООП и большинства палестинцев Западного берега реки Иордан и сектора Газа иракского вторжения – пропаганда С. Хусейном лозунга о «союзе Ирака с Кувейтом, который будет началом освобождения арабских земель от израильской оккупации» [10, с. 65–66]. Кроме того, С. Хусейн неоднократно заявлял о том, что этот союз будет началом объединения арабских стран.

Палестинские исламисты в Газе и на Западном берегу Иордана, в первую очередь ХАМАС и Исламский джихад сразу же выступили за вывод иракских войск с территории Кувейта. При этом ХАМАС одновременно объявил джихад западным странам за подготовку войны против мусульман [10, с. 68]. Однако проиракская позиция ряда радикальных организаций была довольно условной. Например, египетский «Аль-Джихад» с одной стороны назвал военную операцию стран НАТО в Кувейте агрессией, а с другой стороны отверг призывы Саддама Хусейна к джихаду, назвав его «диктатором, далеким от ислама». Багдадский режим по своей природе был светским, исповедующим идеологию баасизма представляющей собой смесь идей социализма и арабского национализма, что в своей основе противоречит любой исламистской доктрине [15].

С целью нейтрализации Ирана, 15 августа президент Ирака без каких-либо переговоров предложил пакет мероприятий, который назвал «инициативой доброй воли». Он включал односторонний вывод иракских войск с иранской территории начиная с 16 августа и немедленный обмен военнопленными. Таким образом, Ирак отказывался от всего, что завоевал в ходе восьмилетней войны с Ираном. Однако это был лишь политический маневр. Такими действиями С. Хусейн стремился, во-первых, нейтрализовать Иран на случай военных действий в будущем, во-вторых, отвести больше иракских войск с иранского фронта и, в-третьих, побудить Иран оказать Ираку помощь в случае возможной его военной и морской блокады.

Таким образом, ситуация, сложившаяся в зоне Залива, для Ирана оказалась благоприятной. Предложения Ирака были приняты. С 17 по 22 августа 1990 г. Ирак вывел свои войска с иранской территории. Начался обмен военнопленными. Однако президент ИРИ А. А. Хашеми-Рафсанджани, несмотря на противодействие шиитского духовенства, все же выстроил политику по данному вопросу крайне прагматично, заявив о нейтралитете Ирана в конфликте, осуждая агрессию Ирака и потребовав от Багдада вывода войск с оккупированных территорий. Иран также осознавал, что сложившаяся ситуация может привести к военному присутствию США в регионе, что для ИРИ было крайне нежелательно [16, с. 156, 148].

Президент Турции Т. Озал сделал заявление, что его страна будет строго придерживаться решений СБ ООН против Ирака. Дж. Бейкер в свою очередь заверил турецкое правительство в полной поддержке со стороны США и НАТО в случае нанесения ей ущерба. 7 августа Турция перекрыла обе ветки нефтепровода в Ирак, в результате чего лишилась основных поставок нефти. В ответ Багдад задержал выплату Анкаре долгов в размере нескольких миллиардов долларов. В целом, общая сумма потерь Турции в результате кризиса в Заливе, составила 5–7 млрд. долл. [6, с. 77–78; 17].

Отдельные арабские государства также заняли различные позиции по отношению к конфликту. Даже в пределах одной страны наблюдались существенные расхождения в отношении тех или иных политических сил к этому событию. Некоторые арабские страны, испытывая неприязнь к богатеющим на нефтяных доходах монархиям, восприняли шаги режима Саддама Хусейна против Кувейта как акт восстановления социальной справедливости. К ним можно отнести Тунис, Йемен, Судан и Алжир. Другие арабские государства – Ливия, Иордания, а также ООП оказали моральную поддержку Багдаду, имея в виду его антиизраильский курс. Такие страны, как Египет и Сирия, которые вошли в состав антииракской коалиции, стремились воспрепятствовать

С. Хусейну, захватить лидерство в арабском мире и ослабить его режим в военном отношении. Арабские же монархии зоны Персидского залива действовали в отношении Ирака, руководствуясь соображениями собственной безопасности [18, с. 4–5]. Одним из инструментов внешнеполитической деятельности Кувейта в 80-е гг. была финансовая помощь арабским и в целом развивающимся странам. Таким образом, многие из этих государств были должниками Кувейта, что также сыграло свою роль в формировании отношения к кризису в Персидском заливе.

В целом, можно констатировать, что реакция арабских государств на сложившийся кризис все же была благоприятной для Кувейта, а направление в Залив межарабских сил может рассматриваться как достижение в единении позиций некоторых арабских стран.

Кризис в Персидском заливе вышел за рамки регионального конфликта и превратился в общемировую проблему, нарушив всю систему международной безопасности и затронув интересы многих держав-импортеров нефти. Реакция Соединённых Штатов на агрессию Ирака против Кувейта последовала исключительно быстро. Уже в ночь с 1 на 2 августа 1990 г., сразу после начала вторжения иракских войск на кувейтскую территорию, постоянный представитель США в ООН Т. Пикеринг направил Генеральному секретарю письмо о немедленном созыве заседания Совета Безопасности для рассмотрения вопроса о ситуации вокруг Кувейта. Примечательно, что аналогичный шаг кувейтской стороны последовал позже, через несколько минут [19].

Следует отметить, что еще в 80-е гг. официальный Вашингтон отзывался о Саддаме Хусейне как о «нашем сильном человеке» на Аравийском полуострове. Режим Саддама на протяжении второй половины 80-х годов считался в Вашингтоне надежным младшим партнером в сохранении status quo в регионе [74, с. 412] (т.к. существовала опасность экспорта исламской революции из Ирана). Об этом свидетельствуют документы Белого дома – Обзор национальной безопасности 10 (NSR-10 от 22 февраля 1989 г.) и Директива национальной безопасности 26 (NSD-26 от 2 октября 1989 г.). Согласно этим документам, доступ к нефти Персидского залива и безопасности ключевых дружественных государств в области являются жизненно важными для американской национальной безопасности. США будут защищать свои жизненные интересы в регионе в соответствии с использованием военной силы против Советского Союза или любой другой региональной власти, недружелюбных интересам Вашингтона. Был также сделан акцент на том, что нормальные отношения между Соединенными Штатами и Ираком служили бы долгосрочным интересам американского правительства и способствовали бы стабильности в Заливе и на Ближнем Востоке. Вашингтон должен был предложить экономические и политические стимулы для Ирака, чтобы смягчить его поведение и увеличить свое влияние на Ирак [20; 21]. Вашингтон также проводил работу с шиитскими и курдскими оппозиционными группировками, рассчитывая использовать их в долговременной борьбе против претензий Ирака играть доминирующую роль в регионе [22].

Иракская агрессия затрагивала жизненно важные интересы США в регионе. Если бы С. Хусейну удалось удержать Кувейт, то он напрямую бы контролировал 20% добычи ОПЕК и 25% мировых запасов нефти, и смог бы угрожать соседним странам, включая других основных экспортеров нефти. Созванное по инициативе США заседание СБ ООН

уже 2 августа принимает резолюцию № 660, в которой содержалось требование к Ираку незамедлительно вывести свои войска из Кувейта и начать двусторонние переговоры.

По мнению российского исследователя В. В. Гребцова – США и лично президент Буш делали всё возможное чтобы избежать мирного решения ирако-кувейтского конфликта. В своей статье он приводит ряд убедительных свидетельств этому, цитируя мемуары американских участников команды президента Буша, работавших над проблемой недопустимости урегулирования кризиса силами арабских государств [23, с. 193].

3 августа 1990 г. президент США получил одобрение со стороны Конгресса о применении жестких санкций по отношению к Ираку. Был также подписан указ о замораживании авуаров Ирака и Кувейта в США [24, с. 17]. На встрече в Аспене Дж. Буш и М. Тэтчер выработали общую позицию о необходимости введения санкций и возможности применения силы против Ирака. Было решено, опираясь на СБ ООН и действуя в соответствии с его резолюциями, создать возможно более широкий международный вооруженный контингент для действий против С. Хусейна и восстановления на Ближнем Востоке status quo [25].

Одной из важнейших политических задач США также являлось достижение поддержки своих действий со стороны Советского Союза, т.к. СССР являлся постоянным членом СБ ООН и располагал правом вето. Таким образом, Советский Союз мог заблокировать принятие любой неприемлемой для Ирака резолюции. Для СССР вопрос осложнялся тем, что Ирак был его союзником в холодной войне. Его армия была оснащена оружием советского производства и функционировала так же, как и экономика с помощью специалистов из Москвы. В 1990 году там находилось около 8 тыс., как военных, так и гражданских. За экспортные поставки Ираку СССР получал нефть и внушительные суммы в твердой валюте [26, с. 204; 27, с. 27; 28]. Развязав агрессию против Кувейта С. Хусейн с огромной долей уверенности рассчитывал на поддержку Советским Союзом в СБ ООН, что не позволило создать войска ООН по освобождению Кувейта.

Однако к этому времени Советский Союз находился в состоянии упадка как мировая супердержава. Государство было экономически ослаблено и политически нестабильно. Агрессия Ирака также совпала по времени с завершением переговоров по объединению Германии и с достижением договоренностей с США по сокращению как ядерных, так и обычных вооружений (происходила последовательная сдача позиций СССР в Европе). В этих обстоятельствах, 3 августа Советский Союз осудил действия иракской армии. В соответствующем заявлении советского правительства объявлялось о решении приостановить поставки Ираку вооружения и военной техники [29, с. 15]. Таким образом, иракское руководство ошиблось в своих расчетах относительно позиции СССР. Это должно было немедленно сказаться на военном потенциале Ирака, поскольку его вооружения состояли главным образом из военной техники советского производства.

Известный российский востоковед А. З. Егорин в своих работах неоднократно указывал на то, что СССР на первом этапе конфликта занял антииракскую сторону, на втором этапе отмежевался от неё и занял промежуточную позицию [14, с. 45]. Следует, однако, отметить, что внутри руководства Советским Союзом единства не было. Консервативно настроенные представители советского правительства, премьер-министр

В. Павлов, министр обороны Д. Язов и председатель КГБ В. Крючков отвергли инициативы Вашингтона. Они утверждали, что гораздо важнее сохранить дружественные отношения Советского Союза с Ираком, т.к. он являлся основным партнером Советов в Персидском заливе и Кремль потратил огромные средства на то, чтобы противостоять влиянию США на Ближнем Востоке [22].

Посол США в СССР Джек Ф. Мэтлок писал по этому поводу в своих мемуарах, что Вашингтон осознавал, что для СССР действовать в согласии с США для прекращения агрессии, означало бы повернуть на сто восемьдесят градусов всю свою ближневосточную политику. Тем не менее, позиция советского правительства в значительной степени влияла на стремление США добиться международного осуждения агрессии, и Вашингтон сделав ставку на политику «нового мышления» в Советском Союзе, решил убедить М. С. Горбачева действовать совместно. Соответственно развивалась и американская дипломатия: госсекретарь США Дж. Бейкер предложил министру иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе встретиться для обсуждения обстановки в Персидском Заливе [8, с. 417]. 3 августа в аэропорту Внуково-2 состоялась встреча Дж. Бейкера и Э. А. Шеварднадзе. По результатам этой встречи СССР и США сделали совместное заявление, осуждающее действия Ирака по отношению к Кувейту. В нем также содержался призыв к международному сообществу приостановить все поставки оружия Ираку, а также предпринять все возможные шаги для выполнения резолюции СБ ООН [30, с. 15–17].

Ирак отказывается выполнять требования ООН [13, с. 121]. В результате Совет Безопасности 6 августа принимает резолюцию № 661, которая предусматривала введение полной экономической блокады Ирака. Дополнительно Совет Безопасности потребовал, чтобы все страны, включая и те, что не являются членами ООН, отказались от предоставления каких-либо финансовых и экономических ресурсов иракскому правительству [31]. Наряду с этим были предприняты и другие практические меры для введения санкций против Ирака. Так, например, поскольку более 90% экспортируемой Ираком нефти транспортировалось через нефтепроводы, проходивших по территории Саудовской Аравии и Турции, уже на следующий день, 7 августа, последние полностью прекратили транспортировку иракской нефти [24, с. 16].

Несмотря на начавшуюся экономическую блокаду Ирака, Вашингтон был обеспокоен твердой позицией С. Хусейна, остаться в Кувейте. Еще 3 августа американская космическая разведка выявила выдвижение к границам Саудовской Аравии семи дивизий иракской армии. Дж. Буш объявил союзникам по НАТО, что в случае вторжения Ирака в любую другую страну этого региона он намерен применить вооруженные силы США [5, с. 9].

Уже с 3 августа американское правительство вело переговоры с королем Фахдом о размещении американских самолетов на военно-воздушных базах Саудовской Аравии. 7 августа договоренность была достигнута и в королевство начали прибывать американские войска [8, с. 417]. Подобные действия США не были санкционированы ООН [32, с. 12], однако соответствовали ст. 51 Устава ООН [9, ст. 51]. Началось беспрецедентное по масштабам и национальному составу сосредоточение в этом регионе под эгидой США разнородных контингентов войск, в рамках так называемой операции «Desert shield» («Щит пустыни»). Общее руководство операцией было возложено на

комитет начальников штабов, непосредственное – на штаб объединенного центрального командования вооруженных сил США [33, с. 5].

Что касается реакции советского руководства на действия Вашингтона, то безоговорочно осудив иракскую агрессию, СССР проявил некоторое беспокойство относительно наращивания военной мощи США в регионе. Это проявилось в заявлении МИД СССР от 10 августа 1990 г., в котором отмечалось, что главная роль в ликвидации конфликта должна была принадлежать СБ ООН, в частности, его Военно-штабному комитету, а не вооруженным силам США [34, с. 18]. По мнению Москвы, конфликт между двумя арабскими государствами мог быть и должен был быть решен ими самими, без вмешательства третьих стран [35, с. 18–19]. Однако в такой позиции Вашингтон не без основания усматривал слабость Советского Союза, становившуюся все более зримой к началу 90-х гг. [8, с. 418].

Результаты встречи М. С. Горбачёва с Дж. Бушем в Хельсинки 9 сентября 1990 г. окончательно дали понять, что советская сторона поддерживает идею прекращения иракской агрессии, хотя СССР и высказался за активизацию роли ООН в деле урегулирования кризиса и отказался от посылки советских войск в состав многонациональных сил. К этому времени Советский Союз одобрил все принятые резолюции СБ ООН в отношении Ирака и подключился к осуществлению экономических санкций против него [36, с. 1–2].

Сохранить согласие с США было главной заботой Горбачева в течение всего кризиса, несмотря на попытки предложить свое видение решения проблемы [26, с. 205]. Это было также связано с тем обстоятельством, что в Хельсинки наряду с кувейтским кризисом обсуждались также советская экономика и необходимость внешней поддержки. Эти две темы в беседах не связывались, но было ясно, что американская готовность оказать поддержку реформам в Советском Союзе может не состояться, если Советы будут против политики Запада в Заливе [22]. Таким образом, СССР превращался из авторитетной сверхдержавы в посредника в мирном процессе, что лишало Москву инициативы в урегулировании конфликта.

Осудили Ирак и его руководство и призвали вывести свои войска из Кувейта также большинство государств-членов ЛАГ, страны Северной Африки (Алжир, Марокко, Тунис), Иран, Индия и Пакистан, Япония и Китай [24, с. 17; 38, с. 404]. Президент Египта Х. Мубарак разрешил ВВС США использовать воздушное пространство страны и позволил авианосной группе США пройти через Суэцкий канал. Арабские страны также предоставили свои контингенты.

10 августа по инициативе Дж. Бейкера состоялась чрезвычайная сессия совета НАТО в Брюсселе. Министры иностранных дел стран-участниц блока одобрили политические и экономические санкции против Багдада, выразили поддержку политике США и заявили о своей готовности внести соответствующий вклад в урегулирование конфликта, Великобритания и Франция подтвердили свое решение направить части ВМС и ВВС и зону Персидского залива. Большинство союзников, однако, воздержалось от такого шага. Италия, Испания, Бельгия, Нидерланды и Греция согласились направить в зону конфликта в дополнение к соединениям ВМС Франции и Великобритании свои корабли [39, с. 3–4].

В итоге США выступили инициаторами международного противостояния кризису, в результате чего была сформирована многонациональная коалиция. Такие действия Вашингтона были обусловлены, во-первых, тем обстоятельством, что осуждение иракской агрессии на региональном и международном уровне препятствовало использованию иракским режимом заявлений, о том, что это была конфронтация только между Ираком и США. С. Хусейн лишился возможности обвинить Соединенные Штаты в их одностороннем вмешательстве в регионе.

19 августа С. Хусейн объявил о решении задержать иностранных подданных в Ираке и Кувейте чтобы избежать военного решения «кувейтского кризиса». Условием их освобождения были гарантии США не нападать на Ирак, а СБ ООН должен был отменить все санкции против Ирака. Осенью С. Хусейн объявил их заложниками и распределил по стратегическим объектам, чтобы сохранить последние от бомбёжек и ракетных обстрелов войсками международных сил. Эти условия не были приняты мировым сообществом. Полностью эту проблему решить так и не удалось, хотя к началу декабря 1990 г. основную массу «заложников» удалось освободить. В какой-то степени это было результатом действия санкций, т.к. в Ираке начались серьезные трудности с продовольствием, а также связано с расчетом на изменение позиций СССР (представители Ирака заверили советскую сторону, что прямой опасности для советских граждан в зоне кризиса не существует) и Китая [6, с. 78–81; 40, с. 19; 41, с. 217–218].

Следует отметить, что с августа по ноябрь вслед за резолюцией № 660 СБ ООН принял еще 10 резолюций, предусматривавших введение всеобщих экономических санкций против Ирака и требовавших восстановления независимости и территориальной целостности Кувейта (резолюция № 661 от 6 августа 1990 г.), объявлявших аннексию Кувейта Ираком юридически незаконной и недействительной (резолюция № 662 от 9 августа), требовавших, чтобы Ирак разрешил и оказал содействие выводу из Кувейта и Ирака граждан третьих стран (резолюция № 664 от 18 августа), устанавливавших морскую блокаду Ирака (резолюция № 665 от 25 августа), уточнявших, что санкции касаются всех видов транспорта, включая авиацию (резолюция № 670 от 25 сентября), требовавших от иракских властей немедленного освобождения заложников из третьих стран (резолюции № 667 от 16 сентября, № 674 от 29 октября) и др. [53; 42; 43; 44; 45; 46; 47]. Ни одна из серии этих резолюций не предусматривала, однако, применения против Ирака принудительных мер по ст. 42 Устава ООН [9, ст. 42].

В течение августа-ноября иракский режим отвергал все попытки и инициативы, направленные на урегулирование положения мирным путем [4; 58; 69; 49] и продолжал укреплять свое военное присутствие в Кувейте. Решающий сдвиг в согласовании военного решения произошел в результате состоявшейся в Париже 18–19 ноября встречи СБСЕ на высшем уровне. В ходе двусторонних переговоров Дж. Бейкера с Э. Шеварднадзе, последний согласился на использование в тексте резолюции формулировки «применение всех необходимых средств» по отношению к Ираку [22]. Обе стороны понимали, в чем именно эти средства заключаются. С 1 декабря на пост председателя Совета заступал представитель Йемена – страны, которая выступала против политики США. Вследствие этого Дж. Бейкер провел в октябре-ноябре более 200 встреч по вопросу о «ключевой резолюции» с министрами иностранных дел и главами государств.

Таким образом, военные приготовления США в этот период не выходили за рамки ст. 51 Устава ООН [9, ст. 51], которая декларировала право государств на индивидуальную или коллективную самооборону. Для ведения полномасштабных боевых действий против Ирака требовалось специальное решение Совета Безопасности. Следует отметить, что американская сторона являлась составителем и инициатором принятия практически всех резолюций СБ ООН, которые касались преодоления кризиса в Персидском заливе. С целью достижения их единогласного одобрения Т. Пикеринг проводил интенсивные консультации с представителями стран-членов Совета Безопасности [19].

29 ноября 1990 г. под председательством Дж. Бейкера Совет Безопасности принял резолюцию № 678, которая предоставляла Ираку 48 дней «паузы доброй воли» (до 15 января 1991 г.) для выполнения всех резолюций Совета, относившихся к кувейтскому кризису. В случае его отказа подчиниться этому требованию, государства-члены ООН уполномочивались использовать все необходимые средства для выполнения указанных резолюций [50, с. 140]. За резолюцию было подано 12 голосов, против 2 (Йемен и Куба) при 1 воздержавшемся (КНР) [1, с. 35].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что решение проблемы исключительно дипломатическим путем с самого начала не входило в расчеты Вашингтона. Что касается «паузы доброй воли», то она была использована США, в основном, для наращивания военных приготовлений. С 7 августа 1990 г. по 15 января 1991 г. в рамках операции «Щит пустыни» за пределами США была создана самая мощная со времен Вьетнамской войны группировка войск и сил флота. Несмотря на принятие СБ ООН резолюции № 678, С. Хусейн в своих выступлениях в Багдаде, в интервью журналистам заявлял о неизменности политики Ирака. Иракский лидер не прекращал попытки использовать антиизраильские настроения в арабском мире, чтобы завоевать союзников из числа других стран Ближнего Востока. Он предупредил, что в случае войны Тель-Авив будет первой целью иракских войск.

9 января 1991 г. по инициативе США в Женеве состоялась встреча Дж. Бейкера и министра иностранных дел Ирака Т. Азиза, в ходе которой иракской стороне было вновь выдвинуто требование покинуть территорию Кувейта до 15 января. Это требование было отвергнуто. Саддамом Хусейном итоги женевской встречи были восприняты как проявление Вашингтоном нерешительности и попытка решить проблему посредством переговоров. Это было крупнейшей стратегической ошибкой иракского лидера [8, с. 420–422].

Итак, политическое и военное руководство Соединенных Штатов взяло курс на войну. 12 января Конгресс США проголосовал за применение силы. Еще в октябре 1990 г. К. Пауэл и Н. Шварцкопф начали разработку плана «Desert storm» («Буря в пустыне») [51]. После неудачи женевской встречи в Багдад приехал Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр, чтобы встретиться с президентом Ирака, убедить его вывести иракские войска из Кувейта и тем самым предотвратить войну в зоне Залива. Характерно, что одновременно с визитом де Куэльяра (13 января), президент Ирака назначил «исламскую народную конференцию», на которой он отверг требования международного сообщества и заявил, что разгромит международные войска,

руководимые США, повторив свой призыв к джихаду [1, с. 35]. Последняя попытка урегулировать конфликт мирным путем закончилась неудачей.

Таким образом, Ирак не выполнил требований ни одной резолюции СБ ООН, и применение силы в отношении него становилось законным с точки зрения международного права. Итак, проанализировав развитие Кувейтского кризиса, начиная с иракской агрессии (2 августа 1990 г.) до последнего дня «паузы доброй воли» (15 января 1991 г.) и реакцию на него мирового сообщества, можно утверждать, что С. Хусейн, отвергая все попытки найти политическое решение конфликта, до последнего момента рассчитывал на создание антиамериканской, антиизраильской коалиции арабских государств под лозунгом джихада. Помимо этого, он недооценил силы и возможности многонациональной коалиции. Военный опыт иракского лидера базировался на многолетней позиционной ирано-иракской войне, и он не учел, что в лице многонациональных сил имеет совсем иного противника, способного вести боевые действия по последнему слову военной науки [5, с. 10–11]. Таким образом, Саддам Хусейн просчитался и в политических, и в военно-стратегических расчетах, что, в конечном счете, и обусловило военный разгром Ирака. После этого разгрома, подавляющее большинство историков и политологов США стали утверждать, что на фоне экономического и политического кризиса Советского Союза «... Соединённые Штаты стали единственной сверхдержавой, и они были полны решимости сохранить свои нефтяные и политические интересы в регионе» [52, с. 394].

Список использованных источников и литературы

1. Кувейт: государство и границы. – М.: Т – Око, 1994. – 187 с.
Kuwait: gosudarstvo i granitsi. – М.:Т – Око, 1994. – 187 s.
2. Михайлов А. Иракский капкан. – М.: Яуза, Эксмо, 2004. – 544 с.
Michailov A. Irakskii kapkan. – М., Yauza, Eksmo, 2004. – 544 s.
3. Восток в новейший период (1945-2000) // История Востока / отв. ред. В. Я. Белокреницкий, В. В. Наумкин. – М.: Вост. лит., 2008. – Т. 6. – 1095 с.
Vostok v noveishii period (1945 – 2000) // Istoriya Vostoka (otv. red. V. Y. Belokrenitskii, V. V. Naumkin). – М.: Vost.lit., 2008. – Т. 6. – 1095 s.
4. Мамед-заде П. Н. Арабский мир и «иракский кризис» // Ближний Восток и современность (выпуск двадцать второй). – М.: Институт востоковедения РАН, 2004 г. – С. 69–85.
Mamed-zade P. N. Arabskii mir i «irakskii krizis» // Blizhnii Vostok i sovremennost (vipusk dvadtsat vtoroi). – М.: Institut vostokovedeniya RAN, 2004. – С. 69–85.
5. Попов И. М. Буря в пустыне // Под знаком Марса. – М., 1992. – № 4–5. – С. 4–44.
Popov I. M. Burya v pustini // Pod znakom Marsa. – М., 1992. – № 4-5. – S. 4-44.
6. Егорин А. З., Абдель Хамид Х. А. Война за ближневосточный мир. – М.: Институт востоковедения РАН; Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998. – 168 с.
Egorin A. Z. Abdel Khamid K. A. Voina za blizhnevostochnii mir. – М.: Institut vostokovedeniya RAN; Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, 1998. – 168 s.
7. Щевелев С. С. История стран Азии и Африки в новейшее время (70-е годы XX в. – 10-е годы XXI в.): курс лекций. – Симферополь – Москва: СОНАТ, 2015. – 658 с.
Shchevelev S. S. Istoriya stran Azii i Afriki v noveishee vremya (70-e godi XX v. – 10-e godi XXI v.):kurs lektzii. – Simferopol – Moskva: SONAT, 2015 – 658 s.
8. Лавренов С. Я., Попов И. М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. – М.: АСТ, 2003. – 778 с.
Lavrenov S. Y., Popov I. M. Sovetskii Soyuz v lokalnikh voinakh i konfliktakh. – М.: AST, 2003. – 778 s.
9. Устав ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/> (Дата обращения: 20.12.2018).

Ustav OON [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa : URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/> (Data obrashcheniya: 20.12.2018).

10. Поляков К. И., Хасянов А. Ж. Палестинское движение сопротивления в период интифад: проблемы и противоречия. – М.: Международная общественная организация Центр стратегических и политических исследований, 2000. – 180 с.

Polyakov K. I., Khasyanov A. Z. Palestinskoe dvizhenie soprotivleniya v period intifadi: problemi i protivorechiya. – M.: Mezhdunarodnaya obshchestvennaya organizatsiya Tsentra strategicheskikh i politicheskikh issledovaniy, 2000. – 180 s.

11. Руденко А. Н., Соловьева З. А. Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире. – М.: Институт востоковедения РАН; Институт Ближнего Востока, 2007. – 190 с.

Rudenko A. N., Solovieva Z. A. Liga arabskikh gosudarstv i integratsionnii protsessi v arabskom mire. – M.: Institut vostokovedeniya RAN; Institut Blizhnego Vostoka, 2007. – 190 s.

12. Мурхидж Б. Позиции некоторых арабских стран в иракско-кувейтском конфликте // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика и политика), отв. ред. Б. Г. Сейранян. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. – С. 256-271.

Murkhidzh B. Pozitsii nekotorykh arabskikh stran v iraksko-kuveitskom konflikte // Arabskie strani Zapadnoi Azii i Severnoi Afriki (noveishaya istoriya, ekonomika i politika), otv. red. B. G. Seiranyan – M.: In-t vostokovedeniya RAN, 1997. – S. 256–271.

13. Исаев В., Филоник А., Шагаль В. Кувейт и кувейтцы в современном мире. – М.: Восточная литература, 2003. – 339 с.

Isaev V., Filonik A., Shagal V. Kuveit i kuveitsi v sovremennom mire Seiranyan – M.: Vostochnaya literatura, 2003. – 339 s.

14. Егорин А. З. Война за мир на Ближнем Востоке. – М.: Институт востоковедения РАН; Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1995. – 134 с.

Egorin A. Z. Voina na mir Blizhnem Vostoke. – M.: Institut vostokovedeniya RAN; Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, 1995. – 134 s.

15. Ражбадинов М.З. Ирак и проблема международного терроризма // Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 11 февраля 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/11-02-03.htm> (Дата обращения: 20.12.2018).

Razhbadinov M. Z. Irak i problema mezhdunarodnogo terrorizma // Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka ,11 fevralya 2003 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa : URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/11-02-03.htm> (Data obrashcheniya: 20.12.2018).

16. Смоленский А. А. Ирано-иракские отношения. Факты, тенденции // Ближний Восток и современность. – М.: Институт востоковедения РАН, 2003. – Вып. 19. – С. 152–161.

Smolenskii A. A. Irano-irakskie otnosheniya. Fakti, tendentsii // Blizhnii Vostok i sovremennost. – M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2003. – Vip. 19. – S. 152–161.

17. Iran-Iraq war // The Encyclopædia Iranica [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/iraq-vii-iran-iraq-war> (Дата обращения: 20.12.2018).

Iran-Iraq war // The Encyclopædia Iranica [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/iraq-vii-iran-iraq-war> (Data obrashcheniya: 20.12.2018).

18. Гусhev А. Военно-политические последствия войны в зоне Персидского залива // ЗВО. – 1991. – № 8. – С. 3–7.

Gushev A. Voenno-politicheskie posledstviya voyini v Zone Persidskogo Zaliva // ZVO. – 1991. – № 8. – S. 3–7.

19. Болдырев Е. П. Кризис в Персидском заливе 1990–1991. Позиция США и ООН / Ярославский педагогический вестник [Электронный ресурс]. – 2002. – № 3. –

Режим доступа: URL: http://vestnik.yspu.org/releases/novye_issledovaniy/17_5/

Boldirev E. P. Krizis v Persidskom Zalive 1990–1991. Pozitsiya SSHA i OON [Elektronnyi resurs]. – 2002. – № 3. – Rezhim dostupa: URL : http://vestnik.yspu.org/releases/novye_issledovaniy/17_5/ (Data obrashcheniya: 20.12.2018).

20. National Security Review 10. U.S. Policy Toward the Persian Gulf. – February 22, 1989 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/nsr/nsr10.pdf> (Дата обращения: 20.12.2018).

National Security Review 10. U.S. Policy Toward the Persian Gulf. – February 22, 1989 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/nsr/nsr10.pdf> (Data obrashcheniya: 20.12.2018)

21. National Security Directive 26. U.S. Policy Toward the Persian Gulf. – October 2, 1989 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/nsd/nsd26.pdf> (Дата обращения: 20.12.2018).

National Security Directive 26. U.S. Policy Toward the Persian Gulf. – October, 1989 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/nsd/nsd26.pdf> (Дата обращения: 20.12.2018)

22. Барышев А. П. Организация Объединенных Наций и мировая политика. 1945–2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.barichev.ru/public/oon.htm> (Дата обращения: 20.12.2018).

Barishev A. P. Organizatsiya Obedinennikh Natsii i mirovaya politika 1945–2005 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.barichev.ru/public/oon.htm> (Дата обращения: 20.12.2018).

23. Гребцов В. В. Первая американо-иракская война: ретроспективный анализ «Бури в пустыне» // Востокведный сборник (выпуск шестой). – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН, 2004. – С. 191–197.

Grebtsov V. V. Pervaya amerikano-irakskaya voyna: retrospektivnyi analiz «Buri v pustine» // Vostokovednyi sbornik (vipusk shestoy). – M.: Institut vostokovedeniya RAN; Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, 2004. – S. 191–197.

24. Кузнецов Д. В. Иракский кризис. Очерк событий. Документы и материалы. Мин. обр. и науки РФ. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. – 265 с.

Kuznetsov D. V. Irakskii krizis. Ocherk sobitii/ Dokumenti i materialy. Min. obr. Nauki RF. – Blagoveshchensk: Izd.-vo BGPU? 2006. – 265 s.

25. Первая иракская война США. Операция «Буря в Пустыне» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.hrono.ru/sobyty/1900sob/1990burya.php> (Дата обращения: 20.12.2018).

Pervaya irakskaya voyna SSHA. Operatsiya «Burya v pustini» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.hrono.ru/sobyty/1900sob/1990burya.php> (Дата обращения: 20.12.2018).

26. Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964 – 1994. – М.: Междунар. отношения, 1996. – 320 с.

Boffa G. Ot SSSR k Rossii. Istoriya neokonchennogo krizisa. 1964 – 1994. – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1996. – 320 s.

27. Зинин Ю. На древней земле Месопотамии // ААС. – 1988. – № 7. – С. 25–27.

Zinin Y. Na drevnei zemle Mesopotamii // AAC. – 1988. – № 7. – S. 25–27.

28. The Gulf War Moscow's role. – Baghdad, January 16, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://articles.cnn.com/2001-01-16/world/russia.iraq_1_russian-oil-companies-dmitri-trenin-baghdad?_s=PM:WORLD (Дата обращения: 20.12.2018).

The Gulf War Moscow's role. – Baghdad, January 16, 2001 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://articles.cnn.com/2001-01-16/world/russia.iraq_1_russian-oil-companies-dmitri-trenin-baghdad?_s=PM:WORLD (Дата обращения: 20.12.2018).

29. Военные поставки приостанавливаются // Вестник МИД СССР. – 1990. – № 16. – С. 15.

Voennye postavki priostanavlivayutsya // Vestnik MID SSSR. – 1990. – № 16. – S. 15.

30. Встреча Э. А. Шеварднадзе и Дж. Бейкера в аэропорту «Внуково» // Вестник МИД СССР. – 1990. – № 16. – С. 15–17.

Vstrecha E. A. Shevardnadze i G. Beikera v aeroportu «Vnukovo» // Vestnik MID SSSR. – 1990. – № 16. – S. 15 – 17.

31. Резолюция ООН № 661 [Электронный ресурс]. –

Rezhim dostupa: URL: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/1990/res661.pdf> (Дата обращения: 20.12.2018).

Rezolyutsiya OON № 661 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/1990/res661.pdf> (Дата обращения: 20.12.2018).

32. Шохин С. Политика США после кризиса в Персидском заливе // МЭМО. – 1991. – № 8. – С. 5–20.

Shokhin S. Politika SSHA posle krizisa v Persidskom zalive // MEMO. – 1991. – № 8. – S. 5–20.

33. Васильев Г. Операция вооруженных сил США «Дезерт Шилд» // ЗВО. – 1991. – № 1. – С. 5–11.

Vasiliev G Operatsiya vooruzhennikh sil SSHA «Dezert Shild» // ZVO. – 1991. – № 1. – S. 5–11.

34. Заявление МИД СССР от 10 августа 1990 г. // Вестник МИД СССР. – 1990. – № 16. – С. 18–19.

Zayavlenie MID SSSR ot 10 avgusta 1990 g. // Vestnik MID SSSR. – 1990. – № 16. – S. 18–19.

35. Заявление советского правительства от 3 августа 1990 г. // Вестник МИД СССР. – 1990. – № 16. – С. 15.

Zayavlenie sovetского pravitelstva ot 3 avgusta 1990 g. // Vestnik MID SSSR. – 1990. – № 16. – S. 15.

36. Встреча М.С. Горбачева с Дж. Бушем в Хельсинки (9 сентября). Совместное заявление // Вестник МИД СССР. – 1990. – № 19. – С. 1–2.
- Vstrecha M. S. Gorbacheva s D. Bushem v Khelsinki (9 sentyabrya). Sovmestnoe zayavlenie // Vestnik MID SSSR. – 1990. – № 19. – С. 1–2.
37. Пресс-конференция президентов СССР и США // Вестник МИД СССР. – 1990. – № 19. – С. 2–7.
- Press-konferentsiya prezidentov SSSR i SHA // Vestnik MID SSSR. – 1990. – № 19. – С. 2–7.
38. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
- Khanington S. Stolknovenie tsivilizatsii. – М.: AST, 2003. – 603 с.
39. Владимиров И. Западная Европа и кризис в Персидском заливе // ЗВО. – 1991. – № 2. – С. 3–11.
- Vladimirov I. Zapadnaya Evropa i krizis v Persidskom zalive // ZVO. – 1991. – № 2. – С. 3–11.
40. Устное послание Э. А. Шеварднадзе // Вестник МИД СССР. – 1990. – № 18. – С. 4.
- Ustnoe poslanie E. A. Shevardnadze // Vestnik MID SSSR. – 1990. – № 18. – С. 4.
41. Торкунов А. В. Современные международные отношения. – М.: РОССПЭН, 1999. – 584 с.
- Torkunov A. V. Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya. – М.: ROSSPEN, 1999. – 584 с.
42. Резолюция ООН № 662 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1990/res662.pdf> (Дата обращения: 20.12.2018).
- Rezolyutsiya OON № 662 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1990/res662.pdf> (Data obrashcheniya: 20.12.2018).
43. Резолюция ООН № 664 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1990/res664.pdf> (Дата обращения: 20.12.2018).
- Rezolyutsiya OON № 664 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1990/res664.pdf> (Data obrashcheniya: 20.12.2018).
44. Резолюция ООН № 665 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1990/res665.pdf> (Дата обращения: 20.12.2018).
- Rezolyutsiya OON № 665 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1990/res665.pdf> (Data obrashcheniya: 20.12.2018).
45. Резолюция ООН № 667 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1990/res667.pdf> (Дата обращения: 20.12.2018).
- Rezolyutsiya OON № 667 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1990/res667.pdf> (Data obrashcheniya: 20.12.2018).
46. Резолюция ООН № 670 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1990/res670.pdf> (Дата обращения: 20.12.2018).
- Rezolyutsiya OON № 670 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1990/res670.pdf> (Data obrashcheniya: 20.12.2018).
47. Резолюция ООН № 674 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1990/res674.pdf> (Дата обращения: 20.12.2018).
- Rezolyutsiya OON № 674 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1990/res674.pdf> (Data obrashcheniya: 20.12.2018).
48. Обращение президента СССР к президенту Ирака // Вестник МИД СССР. – 1990. – № 18. – С. 4.
- Obrashchenie prezidenta SSSR k prezidentu Iraka // Vestnik MID SSSR. – 1990. – № 18. – С. 4.
49. Устное послание Э. А. Шеварднадзе // Вестник МИД СССР. – 1990. – № 18. – С. 4.
- Ustnoe poslanie E. A. Shevardnadze // Vestnik MID SSSR. – 1990. – № 18. – С. 4.
50. Архипова Л. В. Война в Персидском заливе и международное право // Советское государство и право. – 1992. – № 1. – С. 139–143.
- Arkipova L. V. Voina v Persidskom zalive i mezhdunarodnoe pravo // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1992. – № 1. – С. 139–143.
51. Три войны Саддама. Часть III: Кувейтская авантюра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://historiars.narod.ru/Index/XXv/saddam/saddam3.htm> (Дата обращения: 20.12.2018).
- Tri voini Saddama. Chast III. Kuveitskaya avanyura [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://historiars.narod.ru/Index/XXv/saddam/saddam3.htm> (Data obrashcheniya: 20.12.2018).
52. Goff R., Moss W., Terry J., Upshur J. – H. The Twentieth Century. A Brief Global History. Fifth Edition. – Eastern Michigan University, 1998. – 588 p.

Shchevelev S. S., The reaction of the world community to the iraqi invasion in Kuwait in 1990: a retrospective view of russian orientalists.

The reaction of the United Nations (UN), the League of Arab States (LAS), the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (CCASG), the USA, the USSR and other countries to the Iraqi invasion in Kuwait in 1990 is under consideration. The UN, despite the intensification of its activities associated with the withdrawal of world powers from confrontation and reaching consensus in condemning the Iraqi aggression, failed to lead the formation of an international coalition and lead the process of developing actions aimed at resolving the conflict. During the crisis, the American administration consistently and successfully used the open pressure to the Western European countries, demanding them to strengthen material and financial support to the Operation «Desert Shield». The activity of the LAS in the «Iraqi crisis» is analyzed, the conclusion about the absence of a unified position of the Arab countries is substantiated. The policy of M. S. Gorbachev policy during this period indicated that the USSR was gradually losing its role as a world superpower.

Keywords: Iraq, Kuwait, the United Nations, the League of Arab States, the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf, the USA, the USSR

MEMORIA

УДК 93/94+929

**«С ИСТОРИЕЙ НА «ТЫ»»:
ЛЕОНИД АЛЕКСЕЕВИЧ ПАШКОВСКИЙ (1934–2018):
ПАМЯТИ ИСТОРИКА, КОЛЛЕГИ, НАСТАВНИКА¹**

Дорофеев Д. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dorof-denis@yandex.ru*

Восстановлен жизненный путь Л. А. Пашковского – историка-слависта, проработавшего 38 лет на должностях заместителя декана и декана исторического факультета, заведующего кафедрой новой и новейшей истории Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе и Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. В фокусе исследования находятся этапы жизненного пути Л. А. Пашковского: детство и юность, проведенные в селах Новополяна и Треповка Знаменского района Кировоградской области УССР; обучение в Запорожском металлургическом техникуме; служба в рядах Вооруженных сил СССР; студенческие и аспирантские годы на историческом факультете Харьковском государственном университете им. А. М. Горького; работа в вузах Харькова и Донецка; вклад в развитие исторического факультета и кафедры новой и новейшей истории в Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе и ТНУ им. В. И. Вернадского.

Ключевые слова: Пашковский Леонид Алексеевич, кафедра новой и новейшей истории, Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе, Таврический национальный факультет им. В. И. Вернадского.

Теплым субботним днем 15 сентября 1934 г. в крошечном селе Новополяна, что в 30 км от пгт Знаменка Одесской области (в 1937 г. село было в составе Николаевской, а с 1939 г. – Кировоградской области), в сельской семье появился на свет 4-й ребенок. Имя новорожденному дали в соответствии с Православным церковным календарем – Леонид. С этого дня началась жизнь Леонида Алексеевича Пашковского – кандидата исторических наук, доцента, декана исторического

¹ Память о Леониде Алексеевиче Пашковском хранят сотрудники исторического факультета Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского, в целом, и, в частности, его коллеги, ученики на кафедре новой и новейшей истории, поделившиеся с автором публикации своими воспоминаниями: профессор – С. С. Щевелев, доценты – Е. В. Бебешко, Р. А. Близняков, С. П. Горлянский, Е. В. Крыжко, Д. А. Малышев, старший преподаватель – Л. А. Крыжко, ведущий специалист – Д. В. Ивакина.

факультета, заведующего кафедрой новой и новейшей истории Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе и Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Жизненный путь Л. А. Пашковского продлился 30 тыс. 695 дней и завершился в день его рождения – в субботу, 15 сентября 2018 г., в г. Знаменке Кировоградской области Украины. На первый взгляд сочетание даты рождения и смерти могут показаться простым совпадением, но те, кто лично знал Леонида Алексеевича, хранят в памяти его профессиональный подход к историческому процессу: выявление цикличности, определение корреляций дат и цифр в истории, как проявление закономерностей. «Повторяемость» найдет место и в биографии самого Леонида Алексеевича.

Рис. 1. Леонид Алексеевич Пашковский в рабочем кабинете. 2000 г. Фотография из фондов кафедры новой и новейшей истории КФУ имени В. И. Вернадского.

Раннее детство и школьная пора Л. А. Пашковского прошли в сельской местности. Родители Леонида Алексеевича, прошедшие школу ликбеза, понимали, что будущее их детей зависит от образования. В этом отношении, родительские планы сталкивались с тяжелой реальностью: в селе Новополяна, с населением менее 100 человек, не было подходящих условий для развития их ребенка. Ежедневно Леониду Алексеевичу приходилось ходить пешком 6 км «за знаниями» в единственную школу, расположенную поблизости – в селе Треповка. Преодолевая путь в дождливую, снежную, знойную погоду соединял совершенно разные миры: размеренная, спокойная жизнь родного села, в котором протекали тяжелые будни поколений «хлеборобов» контрастировала с более активной жизнью села Треповка,

динамизм которой придавала одноименная железнодорожная станция Одесской железной дороги. Проходившие подъезды побуждали Леонида Алексеевича задуматься о своем будущем, а для этого следовало покинуть привычную с детства провинциальную среду. И эти романтические, юношеские размышления, из которых постепенно формировались жизненные планы, пришлись на трудное время – последствия массового голода в УССР, сталинские репрессии, жизнь на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны, восстановление страны в послевоенные годы [15, с. 252–253]. Эпоха отпечатавалась на личности Л. А. Пашковского: осторожность и компромиссность стали преобладающими чертами его характера. Задающий дверной замок в кабинет декана означал для него только одно – за ним следят, в кабинете был обыск. Причины такого взгляда на простые вещи, лежали в трагедии семьи. По доносу родственников отца арестовали, осудили за вредительство, инкриминировав нарушение предписаний КП(б)У по организации севооборота агрокультур. Хотя его действия были эффективными: в тот злополучный год совхоз собрал небывалый прежде рекордный урожай сахарной свеклы, но судьба человека и его близких уже была обречена. Пока глава семьи отбывал срок в лагерях Сибири, а в годы Великой Отечественной войны рядовым защищал родину, получив медали «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», его родные испытывали материальную нужду, но самое главное – психологическое давление. Спустя десятилетия Леонид Алексеевич в шутливой форме выражал свое презрение к советской власти фразой: «Слава КПСС на Чернобыльской АЭС!».

Тем не менее, несмотря на специфику 1930–40-х гг., именно в детский период произошла череда событий, подтолкнувших Л. А. Пашковского связать свою жизнь с исторической наукой.

Принципиальное значение имела социальная среда. На Кировоградщине у него сформировалась неразрывная связь не только с эстетикой украинской культуры, но и со славянским миром, к которому он испытывал глубочайший пиетет. Обладая бархатным голосом, Леонид Алексеевич любил блеснуть вокальными данными, исполняя с душевной теплотой украинскую народную песню «Чорнії брови, карії очі, темні, як нічка, ясні, як день!». Мягкие и доброжелательные манеры общения с собеседником, отсутствие апломба и высокомерия, стремление найти компромиссное решение, но самое главное – теплое, семейное, в некоторых случаях даже отцовское отношение, стали неповторимой манерой в общении Леонида Алексеевича. На факультет и, особенно, на кафедру новой и новейшей истории, им был привнесен украинский культурный колорит. Часто можно было услышать «Приветствую, Пана декана!» – кодовая фраза, произносимая на польский или западноукраинский манер, ставшая привычным приветствием для наиболее близких коллег.

Также, интеллигентность родителей привили интерес Леонида Алексеевича к книгам. Для провинциальной местности, по воспоминаниям Л. А. Пашковского, книга была сокровищем и приобщением к другой жизни – жизни городского человека, не занимающегося физическим крестьянским трудом. Книга стала символом, «трамплином» в иную, более успешную, лучшую жизнь. Впоследствии

Леонид Алексеевич станет известным библиофилом: коллекция книг, особенно по славистике и мировой культуре, которая будет сначала размещена в деканате исторического факультета, а затем на кафедре новой и новейшей истории, будет производить колоссальное впечатление на многих коллег. Она станет предметом личной гордости Леонида Алексеевича, а также источником знания для многих поколений студентов, аспирантов и преподавателей. Атмосфера вечных знаний, царившая в кабинете Л. А. Пашковского, в его бытность деканом, контрастировала с пустынными, серыми аудиториями Симферопольского государственного университета им. М. Ф. Фрунзе и Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Из детства Леонид Алексеевич вынес еще одно впечатление – любовь к кулинарии. Часто, особенно в обеденные часы, из его уст можно было услышать французский фразеологизм «tuer le ver» – «заморить червячка», означавший целенаправленный поход в университетскую столовую или короткий перекус. Поваренные книги, коронные блюда (баранина в шампанском, молодая картошка с укропом и сливочным маслом) войдут в жизнь Леонида Алексеевича десятилетия спустя, а начало положит деликатес первых послевоенных лет – запеченная в печи свекла. Теплота материнской заботы и сладкий вкус бурака навсегда останутся в его памяти. Эти воспоминания отразятся и на профессиональных взглядах: в 2000-е гг. Леонид Алексеевич вел работу над новым спецкурсом «Вкус и цвет истории», в основу которого закладывалась, как он сам неоднократно отмечал – «гастро»-история. Однако, воплотить в жизнь задуманное не удалось, главным образом, из-за осторожности Леонида Алексеевича, отдавшего предпочтение не вызывать чрезмерный интерес к себе.

Рис. 2. Л. А. Пашковский во время обзорной лекции. 2007 г. Фотография из фондов кафедры новой и новейшей истории КФУ имени В. И. Вернадского.

Великая Отечественная война навсегда отпечаталась в сознании Леонида Алексеевича. При этом воздействие было многоплановым. Уже после переименования СГУ им. М. В. Фрунзе в 1999 г. в ТНУ им. В. И. Вернадского, Леонид Алексеевич отмечал правильность идеи ноосферы Владимира Ивановича Вернадского. Основанием для такой оценки были детские воспоминания: увиденное «северное сияние» в предвоенные месяцы 1941 г., как знамение грядущей войны, трактовались им как доказательство существования планетарного разума.

В январские дни 1944 г. в доме родителей Л. А. Пашковского, который он всегда с теплотой называл «рідна хата», размещался Иван Степанович Конев – советский полководец, командующий 2-м Украинским фронтом, проводивший Кировоградскую наступательную операцию (5–16 января 1944 г.). По воспоминаниям Леонида Алексеевича, маршал всегда ночевал не в помещении, а в автомобиле, припаркованном во дворе. Но главное в этой встрече – «прикосновение» к живой истории. Во многом, январские события 1944 г. подтолкнули Л. А. Пашковского к выбору истории, как профессиональной сфере деятельности.

В годы детства и юности Леонид Алексеевич был простым советским подростком, впитавшим все то, что его окружало. Особенно это касалось кинематографа. Подобно миллионам советских мальчишек послевоенной поры, он, подражая Тарзану, раскачивался на самодельных качелях-«тарзанках». Вместе с тем, на него произвела колоссальное воздействие музыкальная комедия «Аршин мал алан» (1945), в которой азербайджанский оперный певец Рашид Бейбутов исполнял песню «Ай, спасибо Сулейману, Он помог советом мне!». Именно эта песенная строка стала постоянным спутником хорошего настроения Леонида Алексеевича, он всегда ее напевал, когда испытывал положительные эмоции. Это был «золотой момент», когда к нему можно было обратиться с просьбой и вероятность отказа была сведена к минимуму.

По окончании школы, Леонид Алексеевич твердо решил поступать на исторический факультет. Со своим одноклассником, он с юношеским энтузиазмом сел в поезд и отправился на вступительные экзамены в столичный вуз – Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко. Шансы быть зачисленным на привилегированный факультет у Леонида Алексеевича были мизерные: война привела к тому, что в первый класс пойдет только в 1944 г. в возрасте 10 лет, в послевоенные годы неблагоприятно сказывались на уровне преподавания дисциплин в сельских школах, где не хватало опытных педагогов. В итоге, вступительные испытания были провалены: выслушав ответы абитуриента на вопросы экзаменационного билета, декан исторического факультета, маститый марксистский идеолог Алексей Артемьевич Бородин посоветовал Леониду Алексеевичу упорно заниматься и попробовать поступить в следующем году. На первый взгляд за «дежурной» фразой стояли добрые пожелания, но в реальности они означали недостаточность «советских» аргументов, чтобы рядовой выпускник из провинции стал студентом идеологического факультета элитного вуза: отсутствовала рекомендация ВЛКСМ, не было партийного членства, конечно, сказывалась и судимость отца.

«Киевский эпизод» обозначил водораздел в жизни Леонида Алексеевича: чтобы преодолеть возникшие препятствия, «маленькому человеку» пришлось принять правила «большого мира» и потерять фундаментальное – свободу. Выйдя из экзаменационной аудитории, началась жизнь в погоне за статусом и властью, в которой каждый успех влек поражение в отдаленном будущем. Обладание «шагреновой кожей» никому и никогда не приносило счастья. К сожалению, испытать это пришлось и Леониду Алексеевичу.

Усвоив правила жизни, Л. А. Пашковский начал действовать: поступил в Запорожский металлургический техникум на специальность электролиз алюминия. Учеба шла очень тяжело: гуманитарный склад ума «не переваривал» технические науки. По воспоминаниям Леонида Алексеевича советской промышленности очень повезло, когда он понял, что не подходит для этой профессии, иначе катастроф на предприятии по его вине избежать не удалось.

В жизни всегда есть альтернативные пути, и таковой Леонид Алексеевич увидел в срочной службе в армии. Не закончив обучение в техникуме, он был призван в ряды Вооруженных сил СССР, где служил в авиации дальнего действия. На протяжении двух лет Леонид Алексеевич нес боевое дежурство: благодаря учебе в техникуме он стал оператором бортовой радиолокационной станции в составе экипажа на борту стратегического бомбардировщика Ту-4, барражировавшего воздушное пространство вдоль границ соприкосновения НАТО и социалистических государств Восточной Европы. Примечательно, что за годы службы ему приходилось использовать сложные приборы, хотя в последующем он стал закостенелым технофобом: испытывал «дрожь и трепет» перед включением микроволновой печи, прося это сделать сотрудников кафедры и деканата, игнорировал компьютерную оргтехнику.

В целом, армейские годы стали трамплином для Леонида Алексеевича: положительная характеристика командования, отличник боевой подготовки, а самое главное именно в рядах Вооруженных сил открывали дверь на исторические факультеты советских вузов. Но эти характеристики следовало подкрепить твердыми званиями исторических дисциплин. Книжные магазины и библиотека г. Винницы, где проходила срочная служба, стали местом постоянного времяпровождения. Из воспоминаний Леонида Алексеевича, он штудировал доступную ему литературу, вел конспекты. Итогом его работы были 3 амбарные книги учета по 500 страниц каждая. Проводя эту работу, он выработал своеобразную манеру систематизации информации: разноцветными карандашами и чернилами им создавались блок-схемы, он самостоятельно изготовлял исторические карты. Будучи уже университетским преподавателем, без листа бумаги и набора цветных ручек, карандашей, Леонид Алексеевич никогда не вел разговор. Сидя за столом, объясняя, рассуждая, он постоянно визуализировал свои идеи, и понять эти изображения мог только он один. Также Л. А. Пашковский окружил себя аурой флагов иностранных государств, исторических и географических карт. Не было свободного места на стенах кабинета декана и кафедры, куда Леонид Алексеевич не «пристроил» бы карты, которые он покупал, просил коллег привезти из зарубежных поездок, их ему изготавливали и студенты. Последние всегда получали от

Л. А. Пашковского наставления: «Не знаешь ответа на вопрос, подойди к карте – там все есть, главное умей «читать» историю по столицам и государственным границам».

Рис. 3. Л. А. Пашковский во время лекции. 2008 г. Фотография из фондов кафедры новой и новейшей истории КФУ имени В. И. Вернадского.

После срочной службы в Советской Армии, пришла пора реализовать свою цель – поступить на исторический факультет и тут встала сразу дилемма – выбор института. Второй «заход» абитуриента должен был учитывать опыт первой попытки: в столичные вузы Леонид Алексеевич поступать не стал, отдав предпочтение историческому факультету Харьковского государственного университета им. А. М. Горького. Причина выбора была обусловлена тем, что в харьковском вузе была одна из сильнейших научных школ по истории славян, также факультет был одним из ведущих в УССР, вопросов к биографии было поменьше. Пройдя успешно экзамены, им была реализована заветная мечта: студенческий билет был пропуском в тот мир, о которой мечтал Леонид Алексеевич, мир далекий от тяжелых будней крестьянского уклада жизни, мир исторических знаний. Успех требовал плату – соответствие требованиям социалистических норм. Так уже в годы студенчества Леонид Алексеевич стал на путь конформизма, делая это добровольно и получая от этого решения свою выгоду – карьерный рост: по завершению истфака он продолжил образование в аспирантуре родного вуза, где проводил исследование под руководством декана истфака, доктора исторических наук, профессора Степана Ивановича Сидельникова – одного из ведущих советских славистов [14, с. 281]. В 1969 г. Л. А. Пашковский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Культурные связи между Советским Союзом и Болгарией в 1934–1941 гг.» [12]. Становление профессиональной деятельности Леонида Алексеевича проходило в двух вузах:

сначала в Харькове, а в последующем в Донецком государственном университете на кафедре всемирной истории, где он проработал на протяжении пяти лет, читая курсы по славяноведению и занимаясь работой с иностранными студентами [7, л. 30].

Нужно отметить, что исторические факультеты двух вузов Харькова и Донецка стали особым местом в карьере Леонида Алексеевича.

Преобразование Крымского государственного педагогического института в Симферопольский государственный университет в 1972 г. сопровождалось трудностями, одной из которых было отсутствие квалифицированных педагогических кадров. Для поддержания социалистического строительства со всех вузов СССР в Симферополь направлялись преподаватели для усиления педагогического коллектива. В их число попал и Леонид Алексеевич: со своим другом по истфаку донецкого университета и, особенно, коллегой по работе с иностранными студентами Николаем Григорьевичем Дементьевым летом 1975 г. прибыл в Крым на новое место работы. В августе 1975 г. Л. А. Пашковский был зачислен в штат сотрудников кафедры всеобщей истории исторического факультета СГУ им. М. В. Фрунзе, на базе которой в 1976 г. была создана кафедра новой и новейшей истории. Следующие 38 лет Леонид Алексеевич связал свою судьбу с кафедрой, факультетом и вузом.

Рис. 4. Л. А. Пашковский с коллегами по кафедре новой и новейшей истории. Первая половина 1980-х гг. Сидят слева направо: М. Ф. Слинкин, П. К. Тарасов, Г. С. Бабичев. Стоят слева направо: Ю. И. Горбунов, Л. В. Андреева, С. С. Щевелев, Л. А. Пашковский. Фотография из фондов кафедры новой и новейшей истории КФУ имени В. И. Вернадского.

По приезду в вуз, его ждал неожиданный сюрприз: деканом исторического факультета СГУ им. М. В. Фрунзе был Виталий Николаевич Даниленко – не просто интересный человек и успешный археолог, но и приятель студенческой поры и аспирантских лет по Харьковскому государственному университету. Зная Л. А. Пашковского, именно В. Н. Даниленко пригласил Леонида Алексеевича на работу в деканат своим заместителем.

Летом 1975 г. было принято судьбоносное решение, которое определило последующие годы жизни Леонида Алексеевича. На протяжении неполных четырех десятилетий работа Л. А. Пашковского в симферопольском вузе шла по трем направлениям: научная, педагогическая и административная. Плоды трудов получились разные.

В СГУ им. М. В. Фрунзе Леонид Алексеевич сразу же для себя определил приоритеты: карьерный рост он связывал с управленческой работой. Одиннадцать лет, с 1975 г. по 1986 г., он работал на должности заместителя декана истфака. На протяжении десятилетия Л. А. Пашковский помогал развивать исторический факультет четырем деканам: В. Н. Даниленко, В. Ф. Шарапе, П. И. Гарчеву и П. К. Тарасову. В 1986 г., используя приобретенный опыт и авторитет коллег, он был избран на должность декана, которую занимал рекордный для факультета срок до 2009 г. (в 1992–1995 гг. истфак существовал в преобразованном формате и носил название историко-юридический факультет). Также, на протяжении пятнадцати лет, с 1997 г. по 2012 г., Леонид Алексеевич был заведующим кафедрой новой и новейшей истории, у истоков которой он стоял.

Рис. 5. Л. А. Пашковский с коллегами по кафедре новой и новейшей истории. Вторая половина 1980-х гг. Сидят слева направо: З. Н. Иванова, Д. П. Урсу, И. Н. Герасимова, Г. С. Бабичев. Стоят слева направо: Ю. Н. Задавысвичка, Л. А. Пашковский, П. К. Тарасов, Ю. И. Горбунов, С. С. Щевелев. Фотография из фондов кафедры новой и новейшей истории КФУ имени В. И. Вернадского.

Л. А. Пашковский исправно справлялся со своими менеджерскими обязанностями. Ни у одного из пяти ректоров СГУ и ТНУ – А. Ф. Перехода, Л. Г. Апостолова, А. Г. Шеина, В. Г. Сидякина, Н. В. Багрова – его титанический труд не вызывал нареканий. По сути, он был «безотказным» управленцем: любое указание руководства им исполнялось безукоризненно и безоговорочно. Именно Л. А. Пашковский пребывал в центре реформ на историческом факультете: трансформация педагогического института в университет (1975–1985), преобразования эпохи «Перестройки» (1985–1991), открытие новой специальности «Правоведение», образование историко-юридического факультета (1992–1993), начало подготовки специалистов по новой специальности «Философия» (1993), преобразование специальности «История» во «Всемирную историю» (1994), аттестация Министерством образования Украины факультета по IV категории (1995, 2005), переход факультета на многоступенчатую подготовку кадров «бакалавр – специалист – магистр» (1998), подготовка студентов по специальностям «Культурология» и «Политология» (2000), образование кафедры социальной философии при истфаке (2001), внедрение Болонской системы в учебный процесс (2004–2009). Многие годы он возглавлял Общество охраны памятников, истории и культуры СГУ, был ответственным секретарем приемной комиссии вуза [1, л. 29–31].

Рис. 6. Л. А. Пашковский во время работы вступительной экзаменационной комиссии. Июль 1987 г. Сидят слева направо: С. Б. Филимонов, Л. А. Пашковский. Фото из газеты «Университетская жизнь» (2003. – № 4. – С. 3.).

Леонид Алексеевич, используя административный ресурс, боролся за открытие в начале 1990-х гг. на факультете и кафедре новой и новейшей истории

специальности «страновед-юрист» для работы в таможенной службе Украины; не оставлял он надежды об организации приема студентов по специализации история международных отношений; в 2000-е гг. им лоббировалась подготовка специалистов, которые могли получать двойные дипломы по истории и иностранной филологии [6, л. 4; 8, л. 2; 9, л. 10]. Однако объективная реальность – периферийный статус вуза, политическая нестабильность Крыма – стояли непреодолимым препятствием на пути реализации этих планов. Вклад Л. А. Пашковского в развитие крымского вуза был оценен руководством: в 1998 г. он получил звание почетный доцент СГУ им. М. В. Фрунзе, в 2006 г. – почетное звание Ветеран труда ТНУ им. В. И. Вернадского, в 2008 г. – отмечен Почетной грамотой в связи с 90-летием ТНУ им. В. И. Вернадского. При этом в коллективе не было однозначности в оценке факультетской политике Леонида Алексеевича [11; 16, с. 346–347].

Рис. 7. Л. А. Пашковский и сотрудники деканата поздравляют с Днем победы коллегу-ветерана – профессора М. Ф. Слинкина. Стоят слева направо: Л. А. Пашковский, Т. В. Жукова, О. Артемьева, М. Ф. Слинкин. Май 2004 г. Фото из газеты «Университетская жизнь» (2003. – № 4. – С. 1).

Рис. 8. Л. А. Пашковский на выставке сотрудников ТНУ им. В. И. Вернадского. Первая половина 2000-х гг. Фотография из фондов кафедры новой и новейшей истории КФУ имени В. И. Вернадского.

За годы административной работы Л. А. Пашковского факультет дважды перемещался: в 1976 г. были «освоены» аудитории 2 и 3 этажей корпус «Б» на ул. Ялтинской (ныне пр-т Вернадского, 4), а двадцать два года спустя, в 2008 г. факультет переехал в корпус «Свечка» (пр-т Вернадского, 20) на 9 и 10 этаж. В двух случаях изменение дислокации факультета были серьезным испытанием для Леонида Алексеевича. Особенно последний переезд был болезненным: если в середине 1970-х гг. было осознание роста, значения и престижа факультета, то в конце 2000-х гг. переезд воспринимался деканом, как изгнание, угасание его личного авторитета и сдача позиций факультета в конкурентной борьбе с другими структурами вуза. В горестных раздумьях Леонида Алексеевича было много правды: как в 40 лет, так и практически в 80 лет его ежедневный график труда составлял 12–13 часов, которые затрачивались на организацию работы факультета. Трезво оценивая положение, он с грустью понимал, что престижная

административная работа, как ржавчина «разрушила» его как педагога и ученого. Выбор, который он сделал в 1975 г. в пользу управленческой карьеры, дал ему легко ускользающий почет, полезные связи, финансовую независимость, но с каждым годом лишал Леонида Алексеевича более важного – вклада в более вечное: он не сделал имени в науке, им не были воспитаны специалисты, способные передать его профессиональные знания.

Рис. 9. Л. А. Пашковский с коллегами во время работы Государственной экзаменационной комиссии. 2002 г. Сидят слева направо: А. И. Айбабин, Л. А. Пашковский, С. В. Юрченко, А. Р. Никифоров. Стоят слева направо: выпускники-специализанты кафедры новой и новейшей истории. Фотография из фондов автора.

Сочетать деканатскую работу и преподавание Л. А. Пашковскому было тяжело: ректораты, текущие вопросы отрывали от лекционных и практических занятий. В последние годы добавились проблемы со здоровьем. На восьмом десятке лет вести аудиторную работу ему было очень тяжело. Зрелые, «золотые годы», пришедшиеся на 1970–1980-е гг., были потрачены на убеждение студенчества в правильности социалистического строительства в странах Южной и Центрально-восточной Европы и административную работу. Шестнадцать лет были затрачены на пропагандирование советской политической конъюнктуры в рамках курса «История южных и западных славян» и семи специальных дисциплин, содержание которых поглотило забытые: «Борьба Коминтерна за единство рабочего и народного фронта», «Выдающиеся достижения международного коммунистического и рабочего движения», «Советско-болгарские отношения в 20–30-е гг. XX века», «История Коммунистического интернационала», «Выдающаяся деятельность международного

коммунистического и рабочего движения», «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «Образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-восточной Европы» [1, л. 2, 23–24; 4, л. 33; 5, л. 41; 7, л. 22]. Идеологически выдержанные дисциплины, в основном дублирующие содержание друг друга, соответствовали эпохе, но не взглядам Леонида Алексеевича: в борьбе между внешними обстоятельствами и внутренними интересами побеждала должность декана – именно в пользу нее был сделан выбор. В результате уже после коллапса СССР, когда исчезла идеологическая «шелуха», казалось, появилась полная свобода для диалога между преподавателем и студенчеством, Леонид Алексеевич оказался в прежней ловушке своего выбора. Вводя новые, интересные предметы в учебный план, он был лишен времени и сил, чтобы их превратить в систему передачи его опыта. У студентов оставались теплые воспоминания, но не всегда знания от общения с Л. А. Пашковским в рамках работы по предметам «История Балкан в XX в.», «История столиц Центральной и Юго-Восточной Европы», «История Центрально-Восточной Европы», «История Евросоюза», «История столиц зарубежных славянских государств», «История Европы: избранные аспекты интеллектуальной истории», «Избранные вопросы интеллектуальной истории», «Магистерский научный семинар», «Методология и организация научных исследований», «Студенческий научный семинар». Леонид Алексеевич мудро оценивал реальность: его занятость не должна была обрекать студентов на мучительное штудирование книг, поэтому всегда с пониманием относился к их незнанию во время сессии. «Студент – не редко говорил Л. А. Пашковский – не робот, он заслуживает человечности».

Добрые слова о Леониде Алексеевиче в памяти поколений выпускников истфака 1970–2000-х гг. остались благодаря организованным деканом регулярным поездкам в Болгарию, Польшу и Чехословакию. Ягеллонский университет на долгие годы стал «Меккой» для симферопольских студентов. Туры не обходились без курьезов: возглавляемая Леонидом Алексеевичем делегация представителей истфака прибыла на Центральный вокзал Праги. Казалось, все было запланировано и ожидаемо, но на перроне стояли люди с необычным транспарантом, на котором красовалась надпись на чешском языке: «Pozornost, delegace pracovníků historického fakulty!». Упустив из виду тонкость перевода, принимающая сторона допустила оплошность, которая вызвала у советской делегации конфуз: многие не хотели выходить из вагонов, опасаясь провокации. И только опыт Леонида Алексеевича внес ясность: ему пришлось успокоить коллег и студентов тем, что слово ««pozornost» на русском языке означает «внимание» и не содержит политического подтекста. Эта история еще долго гуляла по истфаку, обрастая мифами и легендами. В целом, кропотливый труд не был формальной работой Леонида Алексеевича по укреплению социалистических связей. В действительности, им велась кропотливая деятельность по интеграции исторического факультета в европейское академическое и образовательное пространство, что соответствовало его мировоззренческим взглядам [13].

Рис. 10 Л. А. Пашковский на лекционном занятии. 2012 г. Фотография из фондов автора.

Беседы с Л. А. Пашковским и в кабинете декана, и на кафедре всегда поражали широтой и глубиной его «сквозного» взгляда на исторический процесс: рассматривая события, давая оценку исторической личности, им объединялись в одночасье разные эпохи; он обладал способностью анализировать тему на локальном и глобальном уровнях. «Сперва, нужно видеть историческую проблему с высоты «птичьего полета», обзорно» – эта фраза означала перевод разговора Леонид Алексеевичем в продолжительный формат. «Совещания» на профессиональные темы затягивались и продолжались до закрытия корпусов университета. Охрана вуза привыкла к тому, что поздним вечером в окне деканата истфака горел свет, а дверь кабинета декана всегда была открыта настежь в коридор. Печально, но научные изыскания Л. А. Пашковского остались исключительно на уровне бесед и сохраняются в памяти его современников, что тоже весьма скоротечно и непостоянно. Неординарные способности, научная креативность были заключены в научном мышлении Л. А. Пашковского, которые не были им реализованы. Научный мир советского времени так и не увидел его монографию по теме «Георгий Димитров об основных проблемах новейшей истории Болгарии» [2, л. 2; 3, л. 1–3]. Не были опубликованы научные наработки и после 1992 г. Идея «славянской тройки» – Беловежские решения Б. Н. Ельцина, Л. М. Кравчука и С. С. Шушкевича (1991) – в глобально-историческом

пространстве остались на уровне рассуждений, но так и не предстали перед академическим сообществом.

Последние пять лет работы в вузе для Леонида Алексеевича были трудным временем, ставшим непосильным бременем. Ухудшалось здоровье, падало зрение, приходилось работать с книгами, документами при помощи увеличительной лупы. Все сильнее и сильнее наступало ощущение одиночества – круг общения сжимался. В 2000-е гг. его покинули коллеги, с которыми он строил кафедру в предшествовавшие десятилетия: профессора М. Ф. Слинкин и Д. П. Урсу, доцент Ю. Н. Задавысвичка. Реже стали контакты с деканом химического факультета – Василием Яковлевичем Чирвой, с которым велись разговоры об истории, политике, но главное – на родном украинском языке. Сократилось общение с самыми близкими учениками: профессор С. В. Юрченко возглавил кафедру политологии на философском факультете, старший преподаватель Л. А. Кича все больше преподавала предмет «Всеобщая история» на других факультетах. Мир вокруг него сжимался.

Рис. 11. Леонид Алексеевич Пашковский и группа студентов исторического факультета СГУ им. М. В. Фрунзе на практике в Чехословакии (г. Нитра). Фотография из фондов Музея истории Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

Л. А. Пашковский всегда привык идти в ногу со временем и рационально оценивать положение дел. В конце первого десятилетия XXI в. Леонид Алексеевич

столкнулся со сменой поколения менеджеров в ТНУ им. В. И. Вернадского. Этот системный процесс не оставлял никаких шансов на продолжение работы: в марте 2009 г. он покинул должность декана, спустя три года, в 2012 г., ушел с заведования кафедрой, а в сентябре 2013 г. вышел на пенсию и приобрел подлинную свободу, от которой отказывался во имя власти долгие десятилетия [10, с. 86–87].

Закрыв за собой дверь на историческом факультете, Леонид Алексеевич Пашковский оставил наследие [15, с. 86–116, 226–232]. Оно не измеряется обилием публикаций, научными открытиями, успешными защитами диссертаций аспирантов и докторантов. Им оставлено не менее ценное: годы жизни, отданные развитию факультета, и сокровенное – любимую библиотеку, книги из которой постоянно поддерживают память об ушедшем историке, коллеге, наставнике.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК), ф. Р-21, оп. 7, д. 1037, л. 2.
Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (dalee – GARK), f. R-21, op. 7, d. 1037, l. 2.
2. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 1338, л. 2.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 1338, l. 2.
3. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 1610, л. 1–3.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 1610, l. 1–3.
4. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 4409, л. 33.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 4409, l. 33.
5. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 4511, л. 41.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 4511, l. 41.
6. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 4803, л. 4.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 4803, l. 4.
7. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 500, л. 22.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 500, l. 22.
8. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 5513, л. 2.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 5513, l. 2.
9. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 5780, л. 10.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 5780, l. 10.
10. Дорофеев Д. В. Fiat lux: кафедра новой и новейшей истории, 1918–2018. – Симферополь: АРИАЛ, 2018. – 126 с.
Dorofeev D. V. Fiat lux: kafedra novoi i noveishei istorii, 1918–2018. – Simferopol': ARIAL, 2018. – 126 s.
11. Непомнящий А. А. Памяти профессора Дмитрия Павловича Урсу // Крымское историческое обозрение. – 2017. – № 2. – С. 206–220.
Nepomnyashchii A. A. Pamyati professora Dmitriya Pavlovicha Ursu // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. – 2017. – № 2. – S. 206–220.
12. Пашковский Л. А. Культурные связи между Советским Союзом и Болгарией в 1934–1941 гг.: автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Харьк. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Харьков, 1969. – 26 с.
Pashkovskii L. A. Kul'turnye svyazi mezhdru Sovetskim Soyuzom i Bolgariiei v 1934–1941 gg.: Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk / Khar'k. gos. un-t im. A. M. Gor'kogo. – Khar'kov: [b. i.], 1969. – 26 s.
13. Пашковский Л. С историей на «Ты» // Таврический университет. – 2003. – № 15 – С. 4.
Pashkovskii L. S istoriei na «Ty» // Tavricheskii universitet. – 2003. – № 15 – S. 4.
14. Сайпанова А. С. И. Сидельников – декан исторического факультета Харьковского университета // Харківський історіографічний збірник. – 2010. – № 10. – С. 275–284.
Saipanova A. S. I. Sidel'nikov – dekan istoricheskogo fakul'teta Khar'kovskogo universiteta // Kharkivs'kii istoriografichnii zbirk. – 2010. – № 10. – S. 275–284.

15. Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского / Т. А. Гогунская, Д. В. Дорофеев, А. А. Задерейчук, Д. А. Малышев, А. А. Непомнящий, Э. Б. Петрова; под ред. Э. Б. Петровой. – Симферополь: АРИАЛ, 2018. – 356 с.

Sto let sluzheniya nauke i prosveshheniyu: istoricheskij fakul'tet Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo / T. A. Gogunskaya, D. V. Dorofeev, A. A. Zaderejchuk, D. A. Maly'shev, A. A. Nepomnyashnij, E. B. Petrova; pod red. E. B. Petrovoj. – Simferopol': ARIAL, 2018. – 356 s.

16. Урсу Д. П. Университет длиною в жизнь: путь историка. – Одесса: Бондаренко М. А., 2016. – 504 с.

Ursu D. P. Universitet dlinoyu v zhizn': put' istorika. – Odessa: Bondarenko M. A., 2016. – 504 s.

Dorofeyev D. V. «With history on «you»»: Leonid Alekseevich Pashkovsky (1934–2018): the memory of the historian, colleague, advisor

The article concerns with the life path of L. A. Pashkovsky, a historian-slavist, who worked for 38 years as Deputy Dean and Dean of the Historical faculty, the head of the Chair of new and modern history of M. V. Frunze Simferopol State University and V. I. Vernadsky Taurida National University. The focus of the study is the stages of L. A. Pashkovsky's life: childhood and adolescence spent in the villages Novopolyana and Trepovka of Znamensky district of Kirovograd region, Ukrainian SSR; studying in Zaporozhskiy metallurgical technical college; military service in the armed forces of the USSR; student and postgraduate years at the Historical faculty of Kharkov State University; work in the universities of Kharkov and Donetsk; contribution to the development of the Historical faculty and the Chair of new and modern history of M. V. Frunze Simferopol state university and V. I. Vernadsky Taurida national university.

Keywords: Leonid Alekseevich Pashkovsky, the Chair of new and modern history, M. V. Frunze Simferopol State University, V. I. Vernadsky Taurida National University.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бочко Владимир Юрьевич	аспирант кафедры зарубежного регионоведения и дипломатии Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).
Дорофеев Денис Владимирович	кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Микитюк Юрий Васильевич	кандидат исторических наук, начальник Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (г. Симферополь, Российская Федерация).
Непомнящий Андрей Анатольевич	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (г. Симферополь, Российская Федерация).
Пахомова Наталья Анатольевна	аспирант кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Спивак Игорь Александрович	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Твердохлебов Николай Иванович	кандидат исторических наук, доцент кафедры управления персоналом Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Урушадзе Амиран Тариелович	кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН»; заместитель директора по научной работе Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Щевелев Сергей Стефанович	доктор исторических наук, профсоор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
--------------------------------------	---

СОДЕРЖАНИЕ

Бочко В. Ю.	
Земельная политика в Техасе в первой половине XIX в. и её последствия ...3	
Микитюк Ю. В.	
Система антитеррористической безопасности в Крыму в конце XX – начале XXI века: историческая ретроспектива. 12	12
Непомнящий А. А.	
Становление и развитие историографии истории Крыма: основные вехи (вторая половина XVIII – первая половина XX века)..... 21	21
Пахомова Н. А.	
К вопросу об истории Ялтинского естественно-исторического музея (1918–1924)..... 56	56
Спивак И. А.	
Ид ал-адха: споры, значение и правила праздника..... 79	79
Твердохлебов Н. И.	
Милютин и Воронцовы: соседи по усадьбам..... 100	100
Урушадзе А. Т.	
Между наместником и министрами: роль В. П. Буткова в работе Кавказского комитета (1845–1854).. 111	111
Щевелев С. С.	
Реакция мирового сообщества на иракское вторжение в Кувейт в 1990 году: ретроспективный взгляд российских востоковедов.. 118	118
Дорофеев Д. В.	
«С историей на «Ты»»: Леонид Алексеевич Пашковский (1934–2018): памяти историка, коллеги, наставника 134	134
Сведения об авторах 152	152